ИСТОРІЯ

КНЯЖЕСТВА ПСКОВСКАГО

Съ

ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ ПЛАНА

ГОРОДА ПСКОВА.

ЧАСТЬ I.

КІЕВЪ,

Въ Типографіи Кіево-Печерской Лавры.

1831 года.

Сканирование и обработка
Bewerr

Печатать дозволяется.

Маія 25 1831 года.

Профессоръ Цензоръ и Кавалеръ Иванъ Снесиревъ.

ИСТОРІИ

КНЯЖЕСТВА ПСКОВСКАГО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,

СОДЕРЖАЩАЯ

ОБЩУЮ ИСТОРІЮ СЕГО

КНЯЖЕСТВА И ГОРОДА

ПСКОВА.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЕРВОЙ ЧАСТИ
Исторіи
КНЯЖЕСТВА ПСКОВСКАГО.

Стран.

I. О начальномъ поселеніи Славянъ въ Изборскомъ Княжествѣ . . . . . 1.

II. О правленіи Изборскихъ Славянъ . . . . . 5.

III. О началѣ города Пскова, устроеніи и населеніи онаго . 9.

IV. О земскомъ раздѣленіи и устроеніи Псковскаго Княжества . . . . . 25.

V. О образѣ правленія Псковскаго Княжества . . . . . 31.

VI. Объ уставахъ, Законахъ, обыкновеніяхъ и нравахъ Псковскихъ . . . . . 44.

VII. О Гербѣ и печатяхъ Псковскихъ . . . . . 51.

VIII. О воинской силѣ Псковской . 55.

IX. О торговлѣ Псковской . . 59.

Стран.

X. О Монетѣ Псковской . . . 65.

XI. О разныхъ поколѣніяхъ Псковскихъ Князей и о важнѣйшихъ произшествіяхъ при нихъ . . . . . 72.

XII. О покореніи Псковскаго Княжества Великому Князю Московскому . . . . 157.

XIII. Нашествіе Шведскаго Короля съ Сѣвера, а Польскаго съ Юга на Псковскія Области и Псковъ . . . . .

XIV. О мятежахъ во Псковѣ во время Самозванцевъ . . . . . 250.

XV. Нашествіе Шведскаго Короля Густава Адолфа на Псковъ . 279.

XVI. Царствованіе Михаила Ѳеодоровича . . . . . 279.

XVII. Царствованіе Алексѣя Михайловича и мятежъ во Псковѣ. 285.

XVIII. Царствованіе Преемниковъ Алексѣя Михайловича . . 290.

XIX. Преобразованіе Псковскаго Правленія и предѣловъ онаго. 295.

Стран.

XX. Ополченія Псковичей и произшествія въ двѣ послѣднія войны съ Французами . . 299.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

I. Высочайшая Граммата пожалованная Псковскому Дворянству въ 1808 году . . 306.

II. Рѣчь Псковскаго Депутата Купца, Шарина говоренная Графу Витгенштейну 5 Сентября 1812 г. въ главной квартирѣ Графа, въ мызѣ Соколищахъ .

III. Отвѣтное письмо Графа Витгенштейна Псковскимъ Гражданамъ . . . . . 310.

IV. Графа Витгенштейна Приказъ по Корпусу его 6 Сентября 1812 г. въ мызѣ Соколищахъ . . . . . 512.

V. Всемилостивѣйшій Рескриптъ Государевъ Графу Витгенштейну . . . . . 313.

VI. Увѣдомленіе Графа Витгенштейна Псковскому Губернатору Князю Шаховскому. 314.

Стран.

VII. Письмо Псковскихъ Гражданъ Графу Вittгенштейну при провожаніи его изъ Пскова. 316.

VIII. Высочайшая Граммата пожалованная Псковскому Купечеству, Мѣщанству и прочимъ сословіямъ. . 318.

IX. Высочайшая Граммата пожалованная Псковскому Дворянству. . . . . 320.

ОТЪ СОЧИНИТЕЛЯ

ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Живши около шести лѣтъ въ древнемъ Княжескомъ городѣ Псковѣ, я старался узнать Исторїю онаго и для того собиралъ, сколько могъ, изъ Рускихъ и Иностранныхъ Лѣтописей свѣденїя о немъ. Изъ сихъ-то свѣденїй составилъ я предлагаемую Книгу въ четырехъ частяхъ. Въ первой помѣстилъ я *Общую Исторїю о Псковскомъ Княжествѣ и частную о городѣ Псковѣ*. Во второй *о Псковскихъ Князьяхъ, Намѣстникахъ Велико-Княжескихъ, Посадникахъ, Тысяцкихъ и новѣйшихъ Губернскихъ Начальникахъ*. Въ третьей *Исторїю Псковской Церковной Іерархїи*. Въ четвертой *сокращенную Псковскую Лѣтопись* о всѣхъ подробныхъ произшествїяхъ, коихъ свѣденїя дошли до насъ и кои не могли войти въ предыдущїя части сей моей Исторїи, дабы не распространить

оной. Естьли сей трудъ мой принесетъ удовольствїе соотчичамъ и особенно Псковичамъ, то я довольно буду награжденъ за оный.

I.

О НАЧАЛЬНОМЪ ПОСЕЛЕНІИ СЛАВЯНЪ ВЪ ИЗБОРСКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ.

Славяне, въ пятомъ столѣтіи по Рождествѣ Христовѣ появившіеся на Югѣ Европы, потомъ нѣкоторыми племенами своими обратившіеся отъ Задунайскихъ странъ къ полунощнымъ, заняли оныя до береговъ Балтійскаго моря. Одно изъ сихъ племенъ, извѣстное въ Лѣтописяхъ подъ именемъ *Кривичей* (*), простерлось далѣе къ Востоку и раздѣли-

(*) О названіи *Кривичей* разные толки. Татищевъ производилъ оное либо отъ Сарматскаго слова *Криви*, значащаго *верховье*, или отъ Латышскаго въ восточной Пруссіи, по сказанію Дуйсбурга, въ городѣ Ромовѣ пребывшаго Первосвященника *Криве*, коего ученія они якобы держались. Другіе думаютъ, что ихъ столица была между Вильномъ, Гродномъ и Кіевомъ и называлась *Криве*; а у Герберштейна тамъ упомянутъ *Крева* городокъ съ опустѣвшимъ замкомъ. Третьи производятъ ихъ отъ древнѣйшихъ *Кровичей*, упоминаемыхъ еще у Геродота кн. IV. 49. жившихъ сперва во Ѳракіи. Графъ Иванъ Потоцкій находитъ ихъ и въ Лѣтописи Іорнанда подъ именемъ *Хриновъ*; а у Константина Багрянороднаго они называются *Кривитени*, и земля ихъ полагается между рѣками Припетью и Нѣменомъ.

лось на три части. Первая осталась близъ Двины на рѣкѣ Полотѣ, отъ коей и назвалась *Полочанами*. Вторая уклонилась къ юговостоку по Днѣпру и основала городъ *Смоленскъ*. Третія обратилась къ Сѣверу къ нынѣ называемому Псковскому Озеру, и построила городъ *Изборскъ*. Можетъ быть къ сему же племени отнести должно и четвертую часть, которая прошла далѣе къ сѣверовостоку, и поселившись около Ильменя озера, удержала на себѣ коренное древнее званіе *Славянъ*. По крайней мѣрѣ такъ можно думать потому, что *Литовцы* долго всю Россію называли *Землею Кривичей*, а на Латышскомъ языкѣ *Кревами* и нынѣ называются Русскіе.

Судя по пространству мѣстъ, занятыхъ симъ Кривическимъ племенемъ отъ Полотска до Смоленска, и до озеръ Чудскаго и Ильменя, должно заключать, что оно было многочисленное, а по завоеваніямъ вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшимъ и сильнѣйшее другихъ единоплеменниковъ своихъ. При первоначальномъ ихъ поселеніи на всемъ семъ пространствѣ множество найденныхъ ими озеръ, изобилующихъ рыбою и водяными птицами, а лѣсовъ звѣрями и дичью, долженствовало служить имъ безнуждным и легчайшимъ пропитаніемъ; а избытками они могли мѣняться съ сосѣдями: но силою покор[illegible] они и ихъ самихъ въ не-

продолжительномъ времени. *Полочане* около 200 лѣтъ имѣли данниками у себя всю Литву и Чудь Лифляндскую и Курляндскую, а городъ ихъ подъ именемъ *Пелтискумъ* славенъ былъ торговлею и у Сѣверныхъ народовъ. *Смольяне* отъ Великихъ Лукъ и Торопца владѣли обширными странами на Востокъ и Югъ, можетъ быть даже до Мерянъ Ростовскихъ. Олегъ, въ 882 году шедши на Кіевъ, засталъ Смоленскъ независимымъ и богатымъ уже городомъ. Ильменскіе *Славяне* по всей сѣверной полосѣ простерли свои завоеванія до Бѣлаго моря и до Сибирскаго пояса горъ. Одни *Изборскіе Кривичи* были слабѣе соплеменниковъ своихъ, и мѣсто себѣ заняли такое, съ котораго долго не могли распространить владѣній своихъ. Издревле обселявшіе обширныя озера, Чудское и Псковское, называвшееся *Пейпусъ* и *Пелба*, Лифляндскіе и Естляндскіе Чуди кажется съ самаго начала не позволили имъ и приблизиться къ оному. По сему то избрали они въ 15 верстахъ отъ озера *Псковскаго* высокую гору для построенія на ней города своего *Изборска*, такъ названнаго ими либо отъ избранія, либо отъ Скандинавскаго слова *Исаборгъ*, какъ думалъ Миллеръ, значущаго городъ на рѣкѣ *Исѣ*, далекой однакожъ отъ нынѣшняго Изборска въ Опоческомъ уѣздѣ.

туда народа (ибо въ нѣкоторыхъ Лѣтописяхъ названъ онъ *Сборцы* и *Сборескъ*), или по наименованію какого-нибудь прежняго своего города, въ память отечества, какъ и часто дѣлали сіе поселенцы Славенскіе. Ибо города подъ названіемъ *Изборска* были и въ Литвѣ и Волыніи, чрезъ которыя проходили Славяне на Сѣверъ. Какъ бы то ни было, но возвышеніе мѣста, съ коего видно во всѣ стороны на дальнее разстояніе, чистые и обильные истекающіе изъ Изборской горы ключи, донынѣ именующіеся *Славенскими*, и протокъ отъ нихъ рѣки, тогда еще можетъ быть не заросшей и способной бывшей къ плаванію до озера, могли ихъ убѣдить избрать себѣ первое поселеніе пока на семъ мѣстѣ, и оттуду разширяться селами и волостьми по окрестностямъ. Владѣнія ихъ къ западу съ начала немогли простираться далѣе нынѣшняго города *Печеръ*, за коимъ и донынѣ граничатъ еще Лифляндскіе и Естляндскіе Чуди; къ Югу не далѣе нынѣшнихъ городовъ *Острова*, или по крайней мѣрѣ *Опочки*, за коими прочія земли ближе были къ *Полотскимъ* и *Смоленскимъ Кривичамъ*; къ Востоку до нынѣшняго *Новоржева* и части Порховскаго уѣзда; а къ Сѣверу не далѣе города *Гдова*. Но изъ сихъ Городовъ *Опочка* и *Гдовъ* построены уже въ 15 столѣтіи: а

Новоржевскій Уѣздъ почти до самыхъ *Святыхъ Горъ* долго принадлежалъ къ Новугороду. По сему то стѣсненію Области своей *Изборяне* и *Псковичи* держались наипаче союза съ Новогородцами и долго были почти подъ ихъ покровительствомъ и защитою, а весьма часто и подъ правленіемъ. Новогородцамъ же съ своей стороны нужны они были вопервыхъ для перевода торговъ съ пограничными имъ Чудями, во вторыхъ для заслоненія себя отъ ихъ набѣговъ.

II.

О ПРАВЛЕНІИ ИЗБОРСКИХЪ СЛАВЯНЪ.

Какое издревле было правленіе *Изборскихъ Кривичей*, о томъ нѣтъ достовѣрныхъ извѣстій въ Лѣтописяхъ. Отрывокъ такъ называемой *Іоакимовой* Новогородской *Лѣтописи*, Татищевымъ въ первой части своей Исторіи помѣщенный, повѣствуетъ о Князьяхъ *Изборскихъ*, задолго якобы до пришествія Трувора здѣсь княживших. Онъ производитъ ихъ отъ какого то Сѣвернаго Князя *Вандала*, который якобы сынамъ своимъ *Изборцу* и *Владиміру* построилъ города по ихъ именамъ, назвавъ *Изборскъ* и *Владиміръ*. А *подробная Лѣ-*

топись отъ начала Россіи до Полтавской баталіи (изд. 1798 года въ С. П. Б) говоритъ, что якобы „*Славенскъ*, сынъ „*Гостомысловъ*, отшедъ отъ отца своего въ Чудь, и тамъ поставиръ градъ „на мѣстѣ нарицаемомъ *Сходница*, и нарече граду имя *Славенскъ*, и княжи въ „немъ три лѣта и умре; сынъ же его „*Изборскъ* премѣни тому граду *Славенску* имя, и нарече во имя свое *Изборскъ*: а сей Князь *Изборскъ* зміемъ „уяденъ умре.„ Но всѣ сіи сказанія, какъ поздніи и въ древнихъ Лѣтописяхъ не обрѣтающіяся, сомнительны. Гораздо вѣроятнѣе можно полагать, что *Изборскіе Кривичи* первоначально управлялися своими избранными Старшинами и общимъ совѣтомъ, на подобіе Республики, какъ обыкновенно было вообще у *Славянскихъ* племенъ, по описанію Византійскихъ Историковъ, и у Сѣверныхъ народовъ по описанію Тацита и другихъ. По крайней мѣрѣ согласно съ симъ свидѣтельствуетъ и Псковская, хотя не древняя Лѣтопись. *Отъ начала Русскія Земли*, говоритъ она, *градъ Псковъ ни коимъ же Княземъ владомъ бѣ, но на своей волѣ живяху въ немъ сущіи людіе.* Вмѣсто Законовъ письменныхъ, конечно управлялись они, какъ говоритъ Несторъ о всѣхъ Славянахъ, *обычаями своими и закономъ отецъ своихъ и преданіями.* Въ нравахъ онъ полагаетъ *Кривичей* сходными

съ Радимичами, Вятичами и Сѣверянами. А сіи народы, по егоже описанію, жили *въ лѣсахъ, якоже и всякій звѣрь, ядуще все нечисто, и срамословіе въ нихъ предъ отцы и снохами, и браци не бываютъ въ нихъ, но игрища межъ селъ. Схождахусь на игрища, на плясанія и на вся бѣсовская пѣсни, и ту умыкаху жены себѣ, съ нею же кто совѣщашеся; имѣяху же и по двѣ и по три жены. И аще кто умираше, творяху тризну надъ нимъ, и по селъ творяху кладу велику, и возложаше на кладу мертвеца и сожигаху, и по семъ собравше кости, влагаху въ сосудъ малъ, и поставляху на столпѣ на путехъ.*

Около половины 9 вѣка одинъ изъ-за Балтійскаго моря сильный Варяжскій или Нормандскій народъ началъ нападать на приморскія *Чудскія* племена, потомъ на Кривичей и на Ильменскихъ Славянъ, за ними поселившихся, наконецъ на *Весей* и *Мерянъ*, отъ Бѣлаго озера до Ростова обитавшихъ, и въ 859 году обложилъ всѣхъ ихъ данью. Нѣсколько лѣтъ исполняли они уничижительную сію повинность; а наконецъ, соединясь между собою союзомъ, отреклись отъ подданства Варягамъ: но не умѣвши сами у себя уставить общаго правосуднаго Правленія, возстали племя на племя, и произвели междоусобіе. Наконецъ для прекращенія онаго всѣ согласились въ 862 году призвать къ себѣ

на Княженіе изъ Варяговъ же *Рускихъ Князей*. По сему приглашенію пришли къ нимъ *Рюрикъ*, *Синеусъ* и *Труворъ*, три брата Князья съ племенемъ своимъ. Изъ нихъ первый принялъ Княженіе у *Славянъ* на *Ильмени*, вторый у *Весей* на *Бѣлѣ-Озерѣ*, а третій у *Кривичей* въ *Изборскѣ*. Псковская же Лѣтопись, по Ермитажному списку, полагаетъ Труворa сѣдшимъ, вмѣсто *Изборска*, въ *Словенскѣ*, можетъ быть разумѣя подъ симъ такъ названные *Славенскіе Ключи* при Изборской горѣ. Впрочемъ какъ бы то ни было, Труворъ былъ Княземъ *Изборскихъ* только *Кривичей*, и власть его кажется не простиралась на *Полотскихъ* и *Смоленскихъ*, которые по отдаленію своему отъ моря не могли утѣсняемы быть и Варягами; а потому и въ союзъ съ утѣсненными о избраніи Русскихъ Князей вступать не имѣли нужды. Притомъ, по сказанію Нестора, *Рюрикъ*, по смерти *Трувора* и *Синеуса* соединившій всѣ три Сѣверныя Княжества подъ единодержавіе свое, уже въ 864 году заставилъ и *Полотскихъ Кривичей* принять отъ него Удѣльнаго Князя; а Смоленскъ покоренъ уже Олегомъ въ 882 году. Что касается до Чудей, бывшихъ въ согласіи съ *Ильменскими Славянами и Кривичами Изборскими* на избраніе Русскихъ Князей, то подъ именемъ сихъ Чудей, можетъ быть

разумѣть должно только племя Естляндцовъ, отъ береговъ Финскаго залива простиравшихся по рѣкѣ Наровѣ къ западнымъ берегамъ озера Чудскаго и Псковскаго до Изборской, и отъ Ингріи до предѣловъ Новогородской области. Изъ сихъ *Чудей* западные могли быть присоединены къ Труворову Княжеству; а посему то кажется съ тѣхъ поръ удерживаемы были въ подданствѣ и преемниками его. Владиміръ Великій бралъ уже дань и со всей *Лифляндской Чуди*. Послѣ него они отпали было: но въ 1030 году Великій Князь *Ярославъ Владиміровичъ* опять покорилъ ихъ и построилъ на судоходной рѣкѣ Амовжѣ, или Ембахѣ, впадающей въ Чудское озеро, Городъ *Юрьевъ*, нынѣ называемый Дерптъ, куда уставилъ онъ привозить и всѣ дани *Лифляндскія* и Естляндскія.

III.

О НАЧАЛѢ ГОРОДА ПСКОВА, УСТРОЕНІИ И НАСЕЛЕНІИ ЕГО.

Подъ 903 годомъ Несторъ, по случаю брака Великаго Князя Игоря, упоминаетъ уже о городѣ *Псковѣ*, говоря: *приведоша ему* (Игорю) *жену отъ Пскова именемъ Ольгу*. Но сіе сказалъ онъ для означенія мѣста родины иной, ка-

жется по современной уже ему знаменитости *Пскова*. Ибо Ольга приведена изъ *Выбутской Веси*, отстоящей въ 12 верстахъ въ верхъ по рѣкѣ Великой отъ города, а не изъ *Пскова*, основаннаго уже ею послѣ крещенія ея и возвращенія изъ Царяграда. Степенная Книга подробно повѣствуетъ, какимъ случаемъ Игорь въ переѣздъ свой чрезъ рѣку Великую подъ селомъ *Выбутскимъ* замѣтилъ и узналъ сію свою невѣсту, дававшую на предложенія его благоразумные отвѣты. (*)

Названіе города *Пскова*, построеннаго при устьѣ рѣки *Псковы*, впадаю-

(*) Село *Выбутское*, или у народа именуемое *Лыбутское* существуетъ и нынѣ, а ниже онаго въ полуторѣ верстѣ на рѣкѣ Великой двумя рукавами около лежащаго по срединѣ острова обтекающей, одинъ рукавъ мѣлче текущій въ бродъ по каменному дну, называется до нынѣ *Ольгиными слудами* (слуда значитъ подводный камень); другой же рукавъ поглубѣе *Ольгиными воротами*. Ниже сего урочища на правомъ берегу устья рѣки Кеби, впадающей въ рѣку Череху, есть другое урочище извѣстное подъ именемъ *Буденикъ* или *Будникъ*. Издревле преданіе гласитъ, что тамъ была также отчизна Ольгина и родина Вел. Князя Владиміра Святославича, внука Ольгина, въ Лѣтописяхъ именуемая *Будятино село*. До недавнихъ временъ тамъ была еще деревня, принадлежавшая фамиліи Графа Разумовскаго, послѣ переведенная на другое мѣсто за Великую рѣку. Но для запашки полей до нынѣ оставленъ на томъ мѣстѣ, именуемомъ также *Буденикъ*, прикащичій и скотій дворъ. Съ 1809 г. сіе имѣніе было куплено Г. Р. Державинымъ.

щей въ рѣку *Великую*, а вытекающей изъ озера *Псковицы*, въ Несторовой Лѣтописи по Кенигсбергскому списку и въ нѣкоторыхъ другихъ пишется *Псковъ*, а по Лаврентьевскому списку и по Новогородскому называется *Плесковъ*. Во Псковской Лѣтописи въ древнѣйшихъ годахъ именуется также *Плесковъ*, но въ послѣдующихъ до конца только *Псковъ*. Отъ сего различія наименованій родились разные толки о происхожденіи онаго. Татищевъ производитъ *Плесковъ* якобы отъ *плеса* или *плесканія воды*. Но имя сіе при Псковѣ ничего замѣчательнаго не означаетъ. Другіе думаютъ, что Ольга въ путешествіи своемъ въ Константинополь, замѣтивъ по чему-нибудь Болгарскій городъ *Плисковц* за Дунаемъ бывшую и съ прочими Болгарскими городами состоявшую послѣ во владѣніи сына ея Святослава, нарекла симъ именемъ и свой городъ (*).

(*) *Плискова*, *Переяславль* или *Переславецъ* (бывшій послѣ Столицею Великаго Князя Святослава) и другіе города на правомъ берегу Дуная въ Болгаріи, по сказанію Кодина и неизвѣстнаго Греческаго описателя Константинопольскихъ Древностей, изданныхъ Бандуріемъ, построены Императоромъ Константиномъ Великимъ. Левъ Діаконъ, Историкъ 10 вѣка, описываетъ завоеваніе сихъ городовъ Императоромъ Цимисхіемъ во время войны со Святославомъ. Греческіе Историки 11 и 12 вѣка упоминаютъ также о Задунайскомъ *Плисковѣ*, *Переяславлѣ* и другихъ Болгарскихъ городахъ и тогда еще существовавшихъ.

Но жизнеописатель Ольгинъ производитъ названіе *Пскова* отъ рѣки Псковы, которая кажется такъ названа отъ пещанаго озера и песковъ, изъ коихъ она вытекаетъ и которые окружаютъ со всѣхъ сторонъ городъ Псковъ.

Близость сего мѣста къ озеру *Псковскому*, соединяющемуся съ *Чудскимъ*, и удобность водянаго сообщенія по впадающей въ оное рѣкѣ *Великой* со всѣми южными Псковскими землями, были безъ сомнѣнія важнымъ убѣжденіемъ мудрой Ольгѣ къ построенію *Пскова* на ономъ. Псковичи, получая водянымъ путемъ по рѣкѣ сей произведенія своихъ Пригородовъ и Волостей, могли прямо сплавлять всѣ товары сквозь озеро въ одну сторону къ Чудскимъ берегамъ и по рѣкѣ *Амовжѣ*, нынѣ называемой *Ембаху*, до *Дерпта* къ Естляндіи и *Лифляндіи*, а въ другую до Финскаго залива по рѣкѣ Наровѣ къ Сѣвернымъ народамъ. Даже и Новогородцы, производившіе знатные торги съ *Лифляндцами* и Естляндцами на всѣхъ бывшихъ у нихъ въ разныхъ мѣстахъ ярмаркахъ, на кои съѣзжались и Сѣверные народы, свозили также для сплавки во *Псковъ* свои товары и содержали здѣсь свои подворья и магазины. Ибо, пока еще они не имѣли въ полномъ своемъ владѣніи береговъ Финскаго залива, и пока не завели своего судоходства по с[illegible] и прямо не познакомилися

съ торговыми сѣверными городами, то Русская сѣверная торговля большею частію проходила Лифляндскимъ и Естляндскимъ путемъ во всю Европу.

По основаніи *Пскова*, *Изборскъ* перестал уже быть Столицею своей Области. Однакожъ изъ уваженія къ древности его и для пограничной отъ Лифляндскихъ Чудей въ немъ Крѣпости, даже до 15 столѣтія имѣлъ онъ иногда своихъ Князей, или Княжихъ Намѣстниковъ, избираемыхъ Псковскою Вѣчею, и бывшихъ тамъ на стражѣ отъ нашествія сосѣдей. Кромѣ того сей городъ не имѣлъ уже никакой другой знаменитости. Онъ даже не однократно непріятелями былъ сожигаемъ и разоряемъ, а самими Изборянами переносимъ на разныя ближнія мѣста и часто перестроиваемъ, какъ ниже означено въ *сокращенной Псковской Лѣтописи* (*). Нынѣшнія каменныя стѣны его строены уже въ 14 столѣтіи.

Городъ *Псковъ* сначала построенъ былъ деревянный, по изобилію окружавшихъ его въ древности лѣсовъ, какъ объ нихъ упомянуто и въ житіи блаженныя Ольги; а потомъ уже постепенно перестроивался плитнымъ камнемъ, котораго здѣсь

(*) Особенная Изборская Лѣтопись подробная напечатана въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1825 г. и въ 5 части *Трудовъ Московскаго Историческаго Общест*

по Великой рѣкѣ и по полямъ — чрезвычайное множество. Первымъ мѣстомъ поселенія Псковичей, кажется была гора при устьѣ рѣки Псковы, впадающей въ Великую, способная для Крѣпости, которая съ начала тамъ устроена также деревянная. Уже Князь *Домантъ* въ послѣдней половинѣ 13 столѣтія началъ строить нижнюю часть ея изъ плитнаго камня, которая съ тѣхъ поръ и называлась просто *Домантовою стѣною* или Крѣпостью, а верхняя на самой горѣ, окружающая Троицкій Каѳедральный Соборъ, для отличія отъ оной въ послѣдующія времена именовалась *Дѣтинцемъ*, какъ и Софійская въ Новѣгородѣ (*). Но сія верхняя Крѣпость сто лѣтъ послѣ Доманта оставалась все еще деревянною и начата каменная уже съ 1393 года, послѣ того во Псковской Лѣтописи особливо сѣверная ея часть къ устью Псковы именованная *Кромомъ* и *Кремомъ*, можетъ быть по примѣру Московскаго *Кремля*, или по укромности отъ нижней Крѣпости. Въ семъ *Кромѣ* были и кладовыя съ погребами, въ коихъ граждане укрывали отъ непріятелей лучшее свое имѣніе и общественные запасы. По преданію полагаютъ, что въ нижней Домантовой стѣнѣ былъ и дворъ

(*) На Польскомъ языкѣ донынѣ dziedzinec значитъ дворъ предъ палатами или замкомъ, площадка дворовая.

сего Князя, но гдѣ не извѣстно. Преемники его перенесли оный на площадь къ Великорѣцкому мосту; а сія стѣна или дворъ Доманшовъ весь занятъ былъ Церквами и Церковными зданіями, между коими осталась до нынѣ только Димитріевская Церковь, древняя *Тіцнская* или Судейская Палата, и первоначальный Архіерейскій домъ, строенный Новогородскимъ Архіепископомъ *Макаріемъ* въ 1535 году для пріѣздовъ своихъ, гдѣ нынѣ Консисторія, въ прошломъ столѣтіи новымъ фасадомъ переправленная. Каждая линія стѣны верхней Крѣпости во Псковской Лѣтописи именована *Пряслномъ;* а возвышенные зубцы или гребень на стѣнѣ противъ Олтаря Соборнаго *Пересями*, на коихъ сперва висѣли и колокола Соборные. Обѣ Крѣпости простираются въ длину по берегу рѣки Великой около 200, а въ ширину около 60 саженъ. Ибо тѣсноша горы, или мыса между двумя рѣками не позволяла расширять ихъ. Все прочее за стѣнами сими называлось еще въ 1263 году *Посадомъ* и *Застѣнье*; а въ 14 столѣтіи упоминаются уже населенными и *Запсковье* и *Завеличье*. Отъ нижней стѣны *Доманшовой* проведена въ верхъ по правому берегу Великой рѣки вторая стѣна плитная на 325 саженъ, которая съ берега подъ прямымъ угломъ поворотивъ на гору, окружала такъ называемый *Средній*

городъ на 500 саженъ обратно къ рѣкѣ Псковѣ за Петропавловскимъ Соборомъ, противъ Церкви Мученика Евстратія. Она строена въ началѣ 14 столѣтія на мѣсто уже деревянной, которая была тѣснѣе сей новой, какъ можно заключать изъ названія бывшей Преображенской Церкви именовавшейся у *Стараго Костра* на углу перваго отъ площади лѣваго переулка къ Труперховскимъ воротамъ. Въ 1433 году была и сія каменная разобрана и потомъ сдѣлана новая. Третія стѣна, вѣроятно вмѣстѣ же со второю въ началѣ 14 столѣтія основана была по лѣвому берегу Псковы рѣки деревянная на 300 саженъ, а съ начала 15 вѣка была уже каменная и смыкала конецъ второй стѣны съ Доманиновою Крѣпостью. Четвертая по правому берегу Великой рѣки въ верхъ отъ угла средней стѣны до Покровской Церкви и отъ оной кругомъ всего Посада (послѣ называвшагося *Большимъ городомъ*) ко Псковѣ рѣкѣ до Гремячей горы на 1400 саженъ, построена была около половины 14 столѣтія деревянная дубовая, а съ 1373 года начата отъ Псковы каменная, но кончена къ Великой рѣкѣ опять деревомъ. Въ 1465 и 1501 годахъ она вновь построена была деревомъ: а въ 1535 году сомкнутъ конецъ ея по Псковѣ рѣкѣ съ угломъ средней стѣны на 250 саженъ. Въ 1465 году также вновь

построена пятая деревянная стѣна около всего Запсковья, начиная отъ Гремячей горы и около Варлааміевской Церкви по берегу Великой рѣки до угла Дѣтинца надъ устьемъ Псковы, всего на 850 саженяхъ. Обѣ сіи послѣднія стѣны съ 1482 по 1508 годъ построены каменныя. Конецъ Запсковской стѣны сомкнутъ былъ съ угломъ Дѣтинца чрезъ все устье Псковы рѣки сперва въ 1537 году деревянною, а въ 1631 году каменною стѣною со многими на водѣ воротами, которыя заграждались решетками для невпуска судовъ. Сія перегородка называлась *Греблею* и по ней былъ ходячій мостъ для входу въ Дѣтинецъ сквозь малыя ворота, продѣланные еще въ 1462 году, которыя какъ и мостъ сей назывались *Смердьими;* потому что они лежали къ слободѣ *Смердями* населенной по правому берегу Великой рѣки на Запсковьѣ. Такая же перегородка чрезъ Пскову рѣку въ 1562 году каменная построена была и противу Гремячей горы. Сія часть города, по сказанію Польскаго Историка Гейденштеина, со внутренней части была окопана валомъ по взятіи уже въ 1563 году Полотска Царемъ Иваномъ Васильевичемъ, и укрѣплена бойницами съ привалами изъ дерну. Онъ же укрѣпилъ и другія части стѣнъ построеніемъ многихъ высокихъ башенъ дере-

вянныхъ для стрѣлянія съ нихъ чрезъ стѣны вдаль пушками. Завеличье не ограждено было ничѣмъ и при нашествіи непріятелей, яко передовое предмѣстіе, часто самими Псковичами, а естьли они не успѣвали, то непріятелями было выжигаемо. Крайняя большая около города стѣна въ 1632 году окопана еще рвомъ и валомъ; а при Государѣ Петрѣ Великомъ во время войны со Шведами въ 1701 году защищена Бастіонами и Болверками. Изъ всѣхъ сихъ стѣнъ уцѣлѣли только верхняя около Дѣтинца, нижняя Домантова и крайняя около большаго города и Запсковья; а прочія внутреннія всѣ уже сломаны и срыты.

Вся окружность верхней Крѣпости или Дѣтинца съ Домантовою нижнею стѣною простиралась на пять сотъ саженъ; второй стѣны, обнимавшей средній городъ, на 1325; третьей стѣны, обходившей большой городъ, на 1950, а Запсковье на 850 саженъ. Всего же вообще города по крайнимъ стѣнамъ окружности слишкомъ на 2800 саженъ; слѣдовательно площадь всего города горизонтально содержала около 490,000 квадратныхъ саженъ, не считая предмѣстій за крайними стѣнами и Завеличья за рѣкою Великою. По всѣмъ стѣнамъ множество было глухихъ и съ воротами круглыхъ и четвероугольныхъ

башенъ высокихъ, которыя въ Лѣтописяхъ иногда называются *Бойницами* и *Костpами*. Ихъ при нашествіи Баторіевѣ осаждавшіе Поляки, по сказанію ихъ писателей, сочли до 70. По верху стѣнъ вкругъ города и сквозь башни вездѣ были переходы, а подъ многими мѣстами въ стѣнахъ длинные погреба и тайники, или тайные противъ непріятеля изъ города выходы, засыпанные землею для скрытія. Построеніе и частыя починки сихъ стѣнъ и башенъ означены во *всеобщей Лѣтописи* при концѣ сей книги. Но многихъ башенъ и проѣздовъ древнія названія уже забыты, а изъ упоминаемыхъ въ Лѣтописяхъ мѣста многихъ неизвѣстны. Ибо до насъ не дошло ни одной древней описи Пскова. Самая старѣйшая осталась только по Указу Государя Петра I. въ 1701 году дѣланная какъ Пскову, такъ и другимъ Уѣзднымъ городамъ Псковскимъ. Въ ней однакожъ сохранены многія древнія названія урочищъ, стѣнъ, воротъ, башенъ и зданій.

Союзъ Пскова съ Новгородомъ и долговременная зависимость отъ него, сверхъ единоплеменства, были причиною сходства обоихъ сихъ городовъ не только въ образѣ Правленія, Законахъ и обыкновеніяхъ, но и въ раздѣленіи на пять частей, или концовъ города. Первоначальные концы Пскова назывались 1) *Торговскій*, среди города отъ Доманпо-

вой стѣны по площади, 2) *Боловинскій* къ нынѣшней Новогородской дорогѣ, или къ Петровскимъ воротамъ; сей конецъ послѣ назывался и *Петровскимъ*, 3) *Опоческій* къ старой Опоческой дорогѣ, или къ Златоустовскимъ воротамъ, 4) *Городецкій* къ Мишаринской горѣ и 5) *Островлавицкій* къ Великимъ воротамъ или къ Покровской Церкви въ углу, послѣ называвшійся *Полонскимъ* и *Полоницкимъ*. Съ заселеніемъ Запсковья и съ присоединеніемъ онаго стѣною къ городу, названо и оно шестымъ концомъ *Запсковскимъ*, а потомъ и само раздѣлено на три конца Запсковскихъ 1) *Смердій* отъ Крѣпости внизъ по правому берегу рѣки Великой, 2) *Богоявленскій* къ Богоявленской, 3) *Космодемьянскій* къ Космодемянской Церкви. Но *Завеличье* всегда называлось своимъ именемъ, а не концемъ, и не считалось въ городѣ.

Изъ древнѣйшихъ Псковскихъ зданій ничего не уцѣлѣло, кромѣ каменныхъ городовыхъ стѣнъ и Церквей, кладеныхъ изъ известковой плиты; и тѣ многократными пожарами по тѣснотѣ зданій весьма часто бывъ повреждаемы, въ послѣдовавшія времена починиваны и перестроеваны, какъ означено во *всеобщей Лѣтописи*, присовокупленной къ сей книгѣ. Самая кладка сихъ плитныхъ стѣнъ во Псковѣ была непрочна, какъ видно по развалинамъ особ-

ливо городовыхъ стѣнъ; потому что большею частію дѣлана безъ всякихъ связей, или по крайней мѣрѣ только съ деревянными; выравниваема была только снаружи, а внутри наполняема насыпнымъ булыжникомъ и щебнемъ съ известковою заливкою. Обваливавшіяся стѣны прикладываемы были только новымъ слоемъ снаружи къ старому; и потому вскорѣ опадали, увлекая за собою и старую кладку. Кирпичная кладка вовсе не была здѣсь въ употребленіи, хотя Псковскіе каменщики еще въ 15 столѣтіи симъ искусствомъ извѣстны были и въ Москвѣ; а по завоеваніи Казани въ 1555 г. строили и Казанскую каменную Крѣпость. Одна только Церковь С. Димитрія, построенная во Псковѣ изъ плиты вмѣстѣ съ кирпичемъ и существовавшая 380 лѣтъ въ Доманшовой стѣнѣ, какъ рѣдкость, для памяти замѣчена во Псковской Лѣтописи: но и та въ 1523 году перестроена изъ сплошной плиты: Другая Церковь складенная также изъ плиты по половинѣ съ кирпичемъ около 1240 года осталась донынѣ въ Іоанно-Предтеченскомъ Монастырѣ. Видимые въ ней кирпичи не похожи на Псковскую глину, но на Голландскую бѣлую, и кажется дѣланы не во Псковѣ. Ибо и видъ ихъ четвероугольный не похожъ на другіе древніе открываемые изъ развалинъ. Вообще же всѣ древнія

Церкви здѣсь строены въ Готическомъ вкусѣ безъ размѣру, безъ желѣзныхъ связей, и только съ деревянными внутри закладенными бревнами, а въ весьма рѣдкихъ, и то позднѣйшихъ уже, есть желѣзныя. Тѣснота ихъ внутренности доказываетъ малые приходы: а множество служитъ памятникомъ набожности прежнихъ Псковичей. Изъ гражданскихъ древнѣйшихъ зданій каменнаго ничего не осталось и примѣтно, что для домовъ здѣсь больше было въ употребленіи деревянное, нежели каменное строеніе, по сырости плитнаго камня и по не искусству древней кладки малоспособное для жилья. Даже и строенные изъ камня лѣтъ за сто домы не имѣютъ никакого порядочнаго вида. При семъ замѣчательно, что во всѣхъ частяхъ города не только подъ стѣнами и Церквами, но и подъ гражданскими зданіями во многихъ мѣстахъ находятъ подземные каменные изъ плиты большіе погреба со сводами, дѣланные вѣроятно на случай пожаровъ и непріятельскихъ нашествій для скрыванія имущества. По отрываемымъ мостовымъ, по большой части деревяннымъ, видно, что древнія улицы были тѣсны, кривы, пересѣчены многими переулками и неровны. Многихъ городовыхъ урочищъ и улицъ названія, упоминаемыя въ Лѣтописяхъ, вышли уже изъ упот-

ребленія и изъ памяти; а потому и назначить ихъ не возможно. По новому же городовому плану, утвержденному Императрицею Екатериною II. даны имъ названія новыя. Но и сей планъ донынѣ еще не исполненъ. А древняго плана города не дошло до насъ, кромѣ только грубаго живописнаго начертанія или вида на Иконѣ, находящейся въ Покровской Церкви на проломѣ, написанной не прежде шестнадцатого столѣтія послѣ Баторіевой уже осады. Таковыя же, но въ гораздо большемъ размѣрѣ начертанія Пскова, или лучше сказать Псковскихъ только Церквей и Монастырей и окрестностей находятся на Иконахъ во Владычной часовнѣ и въ Святыхъ вратахъ Псковопечерскаго Монастыря. Многократныя опустошенія Пскова пожарами (изъ коихъ большихъ только, иногда почти весь городъ истреблявшихъ, замѣчено во Псковской Лѣтописи до 35) и моровыми язвами, съ иностранными товарами изъ Лифляндіи и Естляндіи сюда заносившимися, (коихъ также считается до 30, иногда сряду по нѣскольку лѣтъ продолжавшихся) вѣроятно перемѣняли часто расположеніе города. Впрочемъ мѣстоположеніе вообще города сего плѣняло иностранцевъ. Гилденштеинъ описывая Баторіеву осаду онаго въ 1581 г. говоритъ, „что мѣстоположеніе его самое пріят-

нѣйшее по стеченію двухъ рѣкъ и по открытымъ на всѣ стороны полямъ; на коихъ видны частые окатистые холмы, опушенные можжевеловыми деревьями, которыя по дорогѣ отъ Воронича до Пскова кажутся какъ будто нарочно насаженными садами. А по окрестностямъ города разсѣянныхъ было болѣе сорока Монастырей каменныхъ и между ими на крутой горѣ Снѣтогорскій съ высокою башнею и стѣнами на подобіе Замка.,,

Числа древнихъ жителей города Пскова нигдѣ въ Лѣтописяхъ не означается. Но что городъ сей былъ многолюденъ, то можно заключить изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, упоминаемыхъ въ Исторіи, а имянно: онъ могъ выдерживать сильныя осады и выводить изъ себя въ поле достаточныя отряды войска. Во время покоренія его Великимъ Княземъ Василіемъ Ивановичемъ 1510 года въ одномъ среднемъ городѣ считалось 1500 дворовъ. При пожарѣ 1544 года 700 дворовъ погорѣло въ одной части большаго города называемой *Полонищемъ*, отъ Покровской въ углу Церкви и съ другой стороны отъ Воскресенской, простиравшейся только до Великихъ воротъ. Во время мороваго повѣтрія 1552 года на однихъ кладбищахъ, во Псковѣ называвшихся *Буями*, погребено мертвыхъ 25000 человѣкъ, не щитая при Церквахъ и въ другихъ мѣстахъ. Во время осады

Баторіевой 1581 года въ городѣ, кромѣ жителей помѣщалось 15, а по сказанію иностранныхъ Историковъ, 50 тысячь войска. Естьли по счету 1500 дворовъ значившихся 1510 г. въ среднемъ городѣ, имѣющемъ между Доманповою крѣпостію и большимъ городомъ квадратнаго пространства около 97,347 саженъ, заключать по тойже сразмѣрности къ квадратному пространству внутри всѣхъ стѣнъ города; составляющему около 490,000 саженъ, то во всемъ городѣ могло помѣщаться около 7,656 дворовъ, кромѣ Завеличья и Посадовъ за стѣнами. А полагая по среднему числу народонаселенія четыре человѣка мужеска пола на каждый дворъ, число жителей Псковскихъ въ стѣнахъ градскихъ могло простираться болѣе 30,000 мужеска и по крайней мѣрѣ столькожъ женска пола. Но отъ бывшаго въ 1592 г. мора почти всѣ жители во Псковѣ вымерли и столь мало ихъ осталось, что Царь велѣлъ перевести туда мѣщанъ изъ другихъ городовъ.

IV.

О ЗЕМСКОМЪ РАЗДѢЛЕНІИ И УСТРОЕНІИ ПСКОВСКАГО КНЯЖЕСТВА.

Число древнихъ селеній и жителей всей *Изборской*, послѣ названной Псковской Области, также не извѣстно; какъ и земское раздѣленіе и распоряженіе оныхъ. Уѣздные города или Пригороды Псковскіе упоминаются уже въ позднія времена, хотя вѣроятно были они съ самаго начала разселенія *Кривичей*, подъ названіемъ Городищь или сходбенныхъ мѣстъ. Лѣтописатель Несторъ подъ годомъ 947 говоритъ, что *Ольга*, супруга Великаго Князя *Игоря*, будучи уже во вдовствѣ, при малолѣтствѣ сына своего *Святослава*, еще до обращенія въ Христіанскую вѣру, объѣзжая Новогородскую Область (въ коей тогда включалась и *Изборская*) уставила по рѣкамъ Мстѣ и Лугѣ *Погосты*, *оброки* и *дани*. Памятникомъ ея тогдашняго путешествія и по *Изборской* области, здѣсь оставались ея сани, которыя во времена Нестора, спустя лѣтъ 150, Псковичи сохраняли еще у себя въ цѣлости. Объ учрежденіи *Погостовъ*, *оброковъ* и *даней* Изборскихъ хотя Несторъ и не упоминаетъ; но,

можетъ быть потому, что Княгиня сія тогда освободила отечество свое отъ двухъ послѣднихъ; однакожъ вѣроятно не оставила сдѣлать и въ немъ назначенія *Погостовъ*, столь нужныхъ для земскаго благоустроеннаго начальства. По крайней мѣрѣ названіе оныхъ до нынѣ оставшееся по всей Псковской, какъ и по Новогородской Губерніи, доказываетъ, что и здѣсь оные были учреждены. Въ Ольгино время названіе сіе, вѣроятно отъ Грековъ и Римлянъ заимствованное, значило тоже, что у нихъ Πάγος и Pagus, то есть Замокъ или Крѣпость на возвышеніи, съ округою подвѣдомственныхъ ей Волостей или селъ. А въ одномъ мѣстѣ Псковской Лѣтописи (1431 года) округа названа *Обрубомъ*, либо по окружной огорожѣ, либо по окружному вѣдомству повинностей называвшихся *порубомъ*. У Сѣверныхъ народовъ такія волостныя округи раздѣлялись по рѣкамъ для лучшаго разграниченія и для удобнѣйшаго сообщенія (что и Ольга сдѣлала) и назывались *Губами*. Отъ нихъ названіе *Губы* вошло потомъ и въ Россійскія Земскія раздѣленія сѣверныхъ Областей для означенія округовъ, и продолжалось во Псковской области почти до половины 18 го столѣтія. Названіе же *погостовъ*, по введеніи Христіанства, осталось только при Церквахъ съ кладбищами,

къ коимъ въ приходъ приписано нѣсколько окрестныхъ волостей, селъ и деревень. Въ послѣдовавшія времена *Губы* подчинены были *Засадамъ*, въ коихъ по нѣскольку бывало *Губъ*, а *Засады* раздѣлены по *Уѣздамъ*; иногда же *Уѣзды* особливо невеликіе, раздѣлялись прямо на *Губы*, какъ напримѣръ *Дубковскій Уѣздъ* состоялъ только изъ пяти *Губъ*, безъ раздѣленія на *Засады*. Рыбныя ловли, или лучше сказать рыболовныя пристани по озерамъ и по знатнѣйшимъ рѣкамъ, раздѣлялись на *Исады*, то е. можетъ быть, какъ бы изсады или высадки; а Исады на *Четы*, и *Четы* на *Четверти*: а двѣ *Четы* числились въ одномъ *неводѣ*. Уѣздные города съ Крѣпостями вообще назывались *Пригороды Псковскіе*. У Новгородцевъ область ихъ вся раздѣлялась на *Пятины* по числу концовъ Новогорода, и Пятина каждая на *Половины*. Но у Псковичей сперва не было такого раздѣленія, вѣроятно по необширности ихъ владѣній. А уже въ 15 столѣтіи раздѣлили и они всѣ свои пригороды по пяти концамъ города Пскова въ подвѣдомство, о чемъ ниже будетъ сказано. Но въ концѣ XVI столѣтія упоминается уже раздѣленіе Псковской Области на двѣ половины (*).

(*) Въ Архивскихъ дѣлахъ Польскихъ (Мос. Иностран. Арх. N 18. л. 125) сказано, что Государь Царь Осо-

Судя по весьма многимъ въ разныхъ мѣстахъ всей Псковской Области оставшимся древнимъ городищамъ, окопаннымъ валами и рвами, по большой части на горахъ, холмахъ и возвышенныхъ мѣстахъ, должно заключать, что въ первоначальныя времена гораздо больше было Псковскихъ городовъ, или по-крайней мѣрѣ Крѣпостей, нежели сколько упоминается оныхъ въ Лѣтописяхъ. При нѣкоторыхъ изъ нихъ до нынѣ остались селенія, посады и безъуѣздные городки, а иные совершенно пусты и даже названія ихъ невѣдомы. Изъ седми нынѣшнихъ Уѣздныхъ городовъ три, и именно *Великіе Луки*, *Холмъ* и *Порховъ* строены Новогородцами, а *Торопецъ* вѣроятно еще Смоленскими *Кривичами;* ибо близь онаго есть городище на рѣкѣ Торопѣ, окопанное валомъ, которое и въ Писцовыхъ Книгахъ именовано *Кривити*. Прочіе три собственно Псковскіе города остались только *Островъ*, *Опочка* и *Ржевъ* на новомъ уже мѣстѣ. Первый изъ сихъ по ближайшей смѣжности съ Изборскою и Псковскою округою кажется былъ древнѣйшій изъ пограничныхъ: но и онъ во Псковской Лѣтописи начинаетъ упо-

---

доръ Ивановичь послѣ отца своего смерти, Князя Ивана Петровича Шуйскаго за его службу пожаловалъ великимъ жалованьемъ въ кормленье Псковомъ *обѣма половинами* и съ Пригороды и съ тамгою и съ кабаки,

минаться только съ 1341 года; а *Опочка* подъ тѣмъ же годомъ названа только селомъ, пограничнымъ къ Латыгорѣ, или Латышамъ Лифляндскимъ. Съ исхода 14 столѣтія, когда умножилися сильныя нападенія со стороны Лифляндцовъ, Естляндцевъ и Литовскихъ Великихъ Князей, утвердившихъ Столицу свою въ Полоцкѣ, то Псковичи провели цѣлый рядъ Крѣпостей и городовъ своихъ отъ всѣхъ сихъ сосѣдовъ, а именно: со стороны Литвы по рѣкѣ Великой три Крѣпости, *Коложц* (бывшую въ 10 верстахъ отъ *Опочки*) *Велье* и *Воронечь*. Первую изъ сихъ Литовцы въ 1406 году совершенно разорили: но вмѣсто оной Псковичи съ 1412 года основали на тойже рѣкѣ въ Опочкѣ; а *Велье* и *Воронечь*, разоренные также въ 1408 году они паки возобновили. Въ 1464 году ближе къ Литовской границѣ за Опочкою основали они городъ *Красной* на рѣкѣ Синѣ; а въ 1476 году Вышегородъ на рѣкѣ Ладѣ. Съ 16 столѣтія они завоевали уже многія и Литовскія пограничныя мѣстечки, и въ 1535 году заложили въ ихъ границѣ свою Крѣпость *Иванбгородб*, нынѣ называемый *Себежб* на озерѣ Себежѣ, а не подалеку отъ онаго бывшій старый *Ржевб*, который однакожъ сперва Новогородцы, потомъ Литовцы у нихъ отняли. Сей послѣдній городъ въ слѣдующемъ 1536 г. переведенъ былъ на другое ближнее же мѣсто къ границѣ

и построенъ подъ именемъ *Заволочья*. Со стороны Лифляндцевъ Крѣпостями имъ служили древній *Изборскъ*, перестроенный въ 1330 году каменными стѣнами, и потомъ *Печоры*, огражденные также каменною стѣною. Съ 1520 года на Желащскомъ острову въ Чудскомъ озерѣ западная половина острова заселена была Псковичами, а Восточная Лифляндскими Чухнами. Самое озеро Чудское вдоль по половинѣ дѣлилось между двумя Областями. Со стороны Естляндцовъ Псковичами основаны въ 1424 г. на восточномъ берегу озера Чудскаго Крѣпость Гдовъ; въ 1461 году на томъ же берегу еще ближе ко Пскову другая названная на *Озолицѣ*, а въ 1462 году тамже и третія подъ именемъ *Кобылы* или *Кобылинской*. Въ тоже время непріязненность Новогородцевъ заставила Псковичей отъ *Заволочья* къ Порхову провести также рядъ крѣпостей и городовъ, каковы были *Дворецъ* или *Дворца*, *Вревъ*, *Дубковъ*, *Выборъ*, *Котельной* и *Владиміръцъ*, кои всѣ строены въ 15 столѣтіи. Не всѣ однакожъ сіи города имѣли приписанные къ себѣ Уѣзды, и въ 1468 году считалось старыхъ Уѣздныхъ только 10 и два городища, *Кобылье* и *Вышгородъ*, кои Псковичи раздѣлили на концы города своего, приписавъ къ каждому въ подвѣдомство по два: а новые къ нимъ дѣлили по жеребью.

V.

О ОБРАЗѢ ПРАВЛЕНІЯ ПСКОВСКАГО КНЯЖЕСТВА.

Какое было древнѣйшее Правленіе *Изборскихъ Кривичей*, о томъ сказано уже выше: а со времени Княжескаго между ими начальства отъ *Трувора* до *Олега* долженствовало быть больше военное и Монархическое, основанное на рѣшеніяхъ и повелѣніяхъ Князей, или ихъ Намѣстниковъ, нежели гражданское, хотя могли еще оставаться въ силѣ и народные *обычаи*, *законы отцевъ* и *преданія*, по выраженію Несторову. Но когда Олегъ въ 881 году оставивъ Новогородское Княжество, въ коемъ включалось и Изборское, перенесъ Престолъ свой въ Кіевъ, а съ Сѣверныхъ своихъ владѣній довольствовался только брать ежегодную денежную дань на жалованье Варяжскимъ своимъ войскамъ; то въ Новогородскомъ Княжествѣ, а по немъ и въ Изборскомъ (послѣ Псковскомъ) опять осталось общенародное правленіе, продолжавшееся около 600 лѣтъ, не смотря на то, что въ обоихъ сихъ Княжествахъ между тѣмъ начальствовали и Велико-Княжескіе Намѣстники, а иногда свои Удѣльные Князья, которыхъ избирать самимъ право далъ Великій Князь Ярославъ Владимировичь.

всѣ гражданскія дѣла и даже отношенія къ сосѣдямъ разсматривались и рѣшались общими народными приговорами на *Вѣчѣ*, подъ именемъ коей разумѣлось, какъ и у Римлянъ forum, народное собраніе и совѣщаніе на открытой площади, на которую созывали народъ звономъ колокола, именовавшагося по сему *Вѣчевымъ*. По собраніи объявляли имъ причину созыва и о предложенномъ дѣлѣ требовали всеобщаго мнѣнія. Здѣсь народъ опредѣлялъ войну и миръ, дружественные и торговые договоры съ сосѣдами; наряжалъ посланниковъ и выслушивалъ ихъ отвѣты по возвращеніи; назначалъ сборъ войска, податей и другихъ городовыхъ и земскихъ повинностей; дѣлалъ приговоры временные и всегдашніе, устанавлялъ Законы, производилъ судъ и расправу по важнѣйшимъ общественнымъ доносамъ и жалобамъ; избиралъ своихъ Посадниковъ, Тысяцкихъ, Воеводъ и прочихъ Чиновниковъ и самыхъ Князей; и въ случаѣ народнаго неудовольствія на нихъ, наказывалъ отрѣшеніемъ, разграбленіемъ домовъ, побоями и даже смертію первыхъ, а изгнаніемъ послѣднихъ. Въ 1458 году Псковичи въ страхъ преступникамъ повѣсили на площади при *Вѣчи* палицу, коею наказывали и убивали виновныхъ. Никто изъ Чиновниковъ, ни самый Князь не могъ остановить и

отмѣнить приговора *Вѣчи*, ни даже мѣшаться въ народныя совѣщанія *Господина Пскова*, какъ говаривали Псковичи, по сказанію *Лѣтописи*. Бывали иногда такія же *Вѣчи* и въ Уѣздныхъ городахъ, или Пригородахъ Псковскихъ, подъ вліяніемъ однакожъ главной Псковской. Но сія могущественная во всемъ городѣ и во всей своей Области Псковская *Вѣча*, при случаяхъ соединенія Пскова подъ одно съ Новгородомъ правленіе, принуждена бывала сама принимать повелѣнія отъ Новгородской *Вѣчи*, которая иногда присылала Псковичамъ своихъ Посадниковъ и Князей, наряжала своихъ повѣренныхъ для разбиранія гражданскихъ и пограничныхъ споровъ и распрей, и привлекала къ отвѣтамъ и суду Псковичей даже въ Новгородъ. Кромѣ того и при сторонникахъ, самими Псковичами избранныхъ Князьяхъ, Новгородцы по старому обыкновенію иногда мѣшались въ военныя и гражданскія дѣла ихъ.

Но поелику *Вѣчевыя* собранія и приговоры были временныя и по важнѣйшимъ только случаямъ, то для всегдашняго исправленія частныхъ общественныхъ должностей *Вѣча* избирала Городовыхъ и Областныхъ Начальниковъ. Каждый конецъ города Пскова, какъ въ Новѣгородѣ, имѣлъ свое *Кончанское Правленіе* изъ Кончанскихъ Бояръ съ Конецкимъ Ста-

ростою, такъ какъ и каждая улица своего Старосту или Квартальнаго Надзирателя. Въ Граммапахъ жалованныхъ Псковопечерскому Монастырю даже и въ 16 вѣкѣ упоминаются еще *Кончанскіе* или *Конецкіе Старосты*. Первыми во Псковѣ и во всей Области Начальниками почищались Князья, иногда опредѣляемые отъ Новгородскихъ Князей, а иногда самими Псковичами избранные. Ихъ приводили къ присягѣ Пскову и сажали на Княжескій Престолъ по большой части въ Троицкомъ Каѳедральномъ Соборѣ, а иногда и на *Вѣчѣ*. Съ половины 12 столѣтія, когда многіе изъ Областныхъ Князей начали титуловаться *Великими Князьями*, то сіе же титло присвоили себѣ и Псковскіе, или по крайней мѣрѣ Псковичи такъ ихъ величали. Но сіи Князья по древнему Сѣверныхъ народовъ Закону или обыкновенію, какъ описываетъ и Тацитъ Германскихъ, были больше предводителями войскъ и наблюдателями Полицейскаго порядка: а правительственной и судебной власти ни во Псковѣ, ни въ Области сперва не имѣли. Долго уже спустя Псковичи уступили имъ право, своихъ Намѣстниковъ съ Тіунами или Судьями опредѣлять въ двухъ только, потомъ въ семи, а въ 1467 году и въ прочихъ своихъ 12 Пригородахъ, не исключивъ однакожъ сихъ Пригоро-

довъ и изъ своего подвѣдомства и подчинивъ ихъ Концамъ города по Земскимъ дѣламъ. До того же времени *Вѣча* опредѣляла вездѣ своихъ Намѣстниковъ, Управителей и Судей. Но Князья присылянные во Псковъ отъ Московскихъ Великихъ Князей начали мѣшаться во всѣ городскіе суды, дѣла и доходы, и конечно сіе-то самое насиліе принудило Псковичей уступить имъ упомянутое право, хотя и безъ того могли они быть довольны по записнымъ издревле *Вѣчевымъ* Граммамамъ назначенными имъ въ жалованье разными во Псковѣ и въ Области землями, оброками и судными пошлинами, для сбору коихъ и прежде они вездѣ содержали своихъ Прикащиковъ. Во Псковѣ былъ для нихъ на общественномъ содержаніи особый дворъ у площади, гдѣ нынѣ такъ называемый *дворъ Пушечный* къ стѣнѣ надъ рѣкою Великою, и при немъ въ углу двора къ площади же особая Княжая Церковь, коей слѣды и до нынѣ видны. Придворными ихъ Чиновниками были такъ называвшіеся *Дѣтскіе* или *Дѣтески* изъ дѣтей лучшихъ гражданъ, послѣ переименованные Дворянами.

По Князѣ второе начальство въ Гражданствѣ занимали *Посадники Степенные*, такъ названные вѣроятно потому, что при избраніи на *Вѣчѣ* возводили и сажали ихъ на возвышенное мѣсто со сте-

пенями, съ коего они и судъ производили. Сіе можно заключить изъ двухъ случаевъ, упоминаемыхъ во Псковской Лѣтописи, въ коей подъ годомъ 1462 сказано, что Псковичи будучи недовольны своимъ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, на *Вѣчѣ сопхнули его со степени* и выгнали: а подъ 1510 годомъ замѣчено, что присланный во Псковъ отъ Великаго Князя Московскаго Дьякъ Третьякъ Далматовъ на *Вѣчѣ* обьявивъ Псковичамъ Указъ Велико-Княжескій, *сѣлъ на Степени*. Посадники *Вѣчею* избирались иногда по одному, иногда по два вмѣстѣ на годъ, на два и болѣе съ ежегоднымъ однакожъ утвержденіемъ. По отставкѣ во всю жизнь назывались они для отличія отъ прочихъ гражданъ *Старыми Посадниками*, а иногда и опять избираемы были въ *Степенные*. Старыхъ преимущественно назначали въ посольства, въ начальство надъ отрядами войскъ и въ другія временныя общественныя должности. Дѣти ихъ считались выше Бояръ. *Степенные Посадники* въ небытность Князя исправляли и всю Княжескую должность, предводительствовали войскомъ на войнѣ, а дома наблюдали за городовою стражею и благочиніемъ общественнымъ. При Князьяхъ же они были только гражданскими Начальниками и посредниками, такъ сказать, между ими и народомъ. Князья безъ ихъ

согласія ничего въ общественныхъ порядкахъ перемѣнять и надъ ними самими власти никакой имѣть не могли. Но при семъ замѣчательно, что съ 1132 г. до начала 14 столѣтія ни въ Новогородской, ни во Псковской Лѣтописяхъ не упоминается ни о *Посадникахъ* ни о *Тысяцкихъ* Псковскихъ, а предводители войскъ въ походахъ просто назывались только *Воеводами* и *Боярами*. Изъ чего можно заключать, что либо Новогородцы, большею частію въ промежуткѣ семъ властвовавшіе надъ Псковомъ, либо сама Псковская *Вѣча* и Князья Псковскіе не хотѣли избирать сихъ Чиновниковъ. Но съ 14 вѣка они уже часто и почти сряду упоминаются, можетъ быть и потому, что съ сего только вѣка начинается подробная Псковская Лѣтопись, а прежнія произшествія сокращенно въ нее заимствованы только изъ Несторовой и Новгородской.

Совѣтъ Посадниковъ составляли *Бояре* и *Житые* или по Псковскому выговору называвшіеся *Житейскіе люди*, раздѣлявшіеся по Концамъ города. Въ число первыхъ вступали богатые и знатнѣйшіе люди, а наипаче владѣльцы пахотныхъ крестьянъ, или, по крайней мѣрѣ, земель ими обработываемыхъ. Ибо до 17 вѣка во Псковскомъ Княжествѣ какъ и нигдѣ въ Россіи личныхъ крестьянъ не было, кромѣ плѣнныхъ

и кабальныхъ по контракту холопей. Но въ чинъ Бояръ не сами вступали, а по выбору народному. Подъ именемъ *Житейскихъ людей* разумѣлись также зажиточные или богатые люди, либо старожилы Псковскіе, изъ коихъ производились и въ Бояре. Пока были Бояре въ совѣтникахъ, назывались также *Степенными*, а по смѣнѣ *Старыми*. Изъ нихъ выбирались на случай войны Воеводы и посланники къ сосѣдямъ, а чаще въ посольствахъ они составляли свиту Посадниковъ. Всѣ части, или концы города съ управлявшими въ нихъ *Старостами*, и всѣ *Намѣстники*, *Управители*, *Сотскіе* и *Тіуны* или Судьи въ Пригородахъ и Волостяхъ сперва были также въ вѣденіи *Степенныхъ Посадниковъ* и *Бояръ*. Для разсылки отъ *Вѣчи* и Чиновниковъ былъ особый Чинъ Приставовъ называвшихся *Подвойскими*. На *Вѣчѣ* при Посадникахъ упоминаются еще особые *Судьи* и *Дьяки*, или письмоводители: а въ походахъ, разъѣздахъ и посольствахъ Дружину или свиту ихъ составляли *Дѣти Посадничьи* и *Боярскіе*, подъ именемъ коихъ разумѣлись всѣ Чиновники подъ ихъ особеннымъ начальствомъ и около ихъ особы служившіе.

По *Степенномъ Посадникѣ* главный Чиновникъ военный назывался *Тысяцкій*; потому что войска тогда раздѣлялись

на тысячи. Его также избирали *Вѣчею* на время, и всегда только одного, а по отставкѣ или отслуженіи во всю жизнь для отличія отъ прочихъ гражданъ именовался онъ *Старымъ Тысяцкимъ*. Подъ его начальствомъ состояли избранные изъ всѣхъ Концовъ *Воеводы, Дружина* изъ лучшихъ гражданъ и *Дѣти Боярскіе*, *Сотскіе* и проч. По нѣкоторымъ Граммамамъ видно, что у Тысяцкого былъ особый свой судъ и судьи, вѣроятно по военнымъ дѣламъ и преступленіямъ. Во Псковской Лѣтописи однажды только упоминается Чинъ *Тысяцкаго;* а почти всегда и при Князьяхъ и безъ Князей ходили на войну вождями сами *Посадники Степенные* и *Старые*, и часто упоминается вмѣстѣ по нѣскольку ихъ въ одномъ походѣ, можетъ быть для разныхъ отрядовъ.

Былъ еще во Псковѣ при *Вѣчѣ* Чинъ *Ларника*, коего должность состояла въ храненіи ларя, или ковчега со всѣми древними Псковскими Граммамами и Вѣчевыми записями и приговорами. Они имѣли какую то силу въ народѣ. Ибо подъ годомъ 1485 во Псковской Лѣтописи сказано, что „Игуменъ Евѳимій, „иже прежде былъ *Ларникомъ* во Псковѣ, „въ той власти много зла народу учини „и убѣже и постриженся.„ у Новогородцевъ были еще нѣкоторые другіе Чины, о коихъ Псковская Лѣтопись не

упоминаетъ во Псковѣ.

Вмѣсто жалованья, всѣ вышеупомянутые Чиновники имѣли особо отведенныя имъ общественныя земли, пожни и рыбныя ловли, въ Граммапахъ отличаемыя названіемъ *Посадничьихъ*, *Намѣстничьихъ*, *Боярскихъ*, *Тіцнскихъ*, *Дьячихъ*, *Старостинскихъ*; даже и Подьячимъ давали помѣстья въ окладъ, а за отличныя услуги жалованы были и въ родъ такіяжъ угодья; а инымъ отдавались оныя изъ оброковъ. Царь Ѳеодоръ Ивановичь пожаловалъ Князя Ивана Петровича Шуйскаго всѣми дворовыми Псковскими доходами въ обѣихъ половинахъ съ Пригородами и съ тамгою и съ кабаками; а доходовъ сихъ съ вышей и сохъ было 18,000 р. да торговыхъ, судныхъ, пашенныхъ и банныхъ 12,000 р. (*)

Кромѣ начальствующихъ и Чиновниковъ народъ весь во Псковѣ и въ Области его, какъ и въ Новогородской, раздѣлялся на четыре статьи: первая называлась *Гости* или Купцы, которые раздѣлялись на *сотни*, и имѣли по рядамъ своихъ *Старостъ* и *Сотскихъ*. Гостями преимущественно назывались пріѣзжіе или ѣзжавшіе за границу Купцы: вторая статья *Люди* или *Людины*, про-

(*) Карамз. *Истор. Государ. Росс.* Томъ X. стран. 243 и примѣчаніе 148.

сто такъ именовавшіеся и разумѣлись свободные Мѣщане и Посадскіе; они могли происходить и въ Чиновники: третія *земледѣльцы*, иначе во Псковской Лѣтописи называемые *Земцы*, обработывавшіе поля по волостямъ и деревнямъ: четвертыя *Смерди* общественные и частные, состоявшіе изъ самыхъ низкихъ рабочихъ и кабальныхъ холоповъ (*). Первыя двѣ статьи народа были свободныя, ничѣмъ лично не обязанныя; третья съ обработыванія земли давала пятую долю или пятину произведеній помѣщикамъ, и потому слово *Пятина* до нынѣ сохранилось во всѣхъ Псковскихъ оброчныхъ платежахъ; а послѣдняя обязана была записью для Пскова, Князя и Бояръ производить всякія работы и платить ежегодную имъ дань. Что касается до всеобщихъ Государственныхъ повинностей, то въ случаѣ нужды никто изъ оныхъ исключаемъ не былъ или доброволною складкою, или

(*) Въ Новѣгородѣ былъ еще разрядъ *Оенищанъ*, не упоминаемый во Псковѣ. Нѣкоторые наши писатели почитаютъ ихъ за одно съ первостатейными Гражданами. Но *Оенищемъ* и нынѣ по Вологодской, Архангелогородской и Вятской Губерніямъ называется лѣсъ выжженный для посѣву хлѣба, или льна, и земледѣльцы такимъ легкимъ образомъ засѣвающіе и не имѣющіе постоянной пашни прозываются *Оенищанами*, а во Псковѣ, по скудности земли, не могло быть такихъ пахарей.

налогомъ по разчисленію. Съ 16 столѣтія на земледѣльцевъ и волостянъ возложено много и особыхъ еще повинностей работами, какъ то содержать и кормить Государевыхъ коней, косить на нихъ сѣно, содержать ямскія подводы, обстроивать Намѣстничьи, Волостелиные и ямскіе дворы, снабдѣвать ихъ дровами; и сверхъ того подвержены они вообще и градскимъ и волостнымъ раскладкамъ, а заѣзжавшіе къ нимъ всѣ Начальники и посыльные получали себѣ особые отъ нихъ кормы и посыльныя пошлины. Но пошлинъ купеческихъ съ капитала, привозу и отвозу товаровъ не было до покоренія Пскова.

Правленіе по Уѣздамъ имѣло также своихъ окружныхъ Начальниковъ подъ зависимостію отъ Псковской *Вѣчи* и отъ Псковскихъ *Посадниковъ*. По знатнѣйшимъ Пригородамъ, каковы были *Изборскъ*, *Островъ*, *Опочка* и *Гдовъ*, въ Лѣтописяхъ упоминаются иногда и свои мѣстные *Посадники*, а въ другихъ *Намѣстники*, въ Крѣпостяхъ *Воеводы*, въ Засадахъ *Сотскіе* и Головы; въ Губахъ *Губные Старосты*, а въ волостяхъ *Волостели*, *Старосты*, *Прикащики* и *сельскіе Тіуны*, а судебныя мѣста назывались *Земскими избами*. Въ древнѣйшія времена и по Уѣздамъ, какъ на Псковской *Вѣчѣ*, народъ въ сходкахъ и съѣздкахъ своихъ имѣлъ полную власть осуждать

даже на смертную казнь. А съ 15 столѣтія право сіе ограничено не только въ Уѣздахъ, но и въ самомъ Псковѣ. Народъ хотя могъ назначать и требовать злодѣямъ смерти: но долженъ былъ ожидать разрѣшенія отъ Псковской *Вѣчи*, и сама *Вѣча* наконецъ обязана была требовать на смертный приговоръ согласія отъ Великокняжескихъ во Псковѣ *Намѣстниковъ*. Въ 1477 году, когда Опочане безъ позволенія Псковскаго Начальства убили одного комеваго вора; то Псковичи оштрафовали ихъ 100 рублями; а въ 1485 году, когда сами они въ бунтѣ казнили нѣсколько своихъ гражданъ, то вытерпѣли гнѣвъ Великаго Князя.

VI.

ОБЪ УСТАВАХЪ, ЗАКОНАХЪ, ОБЫКНОВЕНІЯХЪ И НРАВАХЪ ПСКОВСКИХЪ.

По чину *Ларника* бывшаго при *Вѣчѣ* видно, что Псковичи свято сохраняли у себя собраніе своихъ Уставовъ, Грамматъ и приговоровъ. Но изъ нихъ почти ничего до насъ не дошло, кромѣ упоминанія въ Лѣтописяхъ, и вѣроятно всѣ они забраны Московскими Великими Князьями при совершенномъ по-

кореніи Пскова. Самымъ первымъ Уложеніемъ для гражданскихъ судовъ могла служить имъ сперва *Русская Правда*, Новгородцамъ данная отъ Великаго Князя Ярослава Владиміровича въ 1016 году и егоже Уставныя Грамматы: а по Церковнымъ судамъ въ Лѣтописяхъ упоминается за основаніе Греческій *Номоканонъ* или *Кормчая Книга* и Грамматы Константинопольскихъ Патріарховъ, Всероссійскихъ Митрополитовъ и Новогородскихъ Архіереевъ. Изъ перваго нѣкоторыя статьи находятся въ Лѣтописяхъ и разныхъ Сборникахъ, а изъ послѣднихъ помѣщены и между правилами *Стоглавнаго Собора*, бывшаго въ Москвѣ 1551 года. Въ одной Синодальной Лѣтописи подъ N. 348 Исторіографъ Н. М. Карамзинъ нашелъ общую для Псковскаго Духовенства и Гражданства *Уставную* Граммату, или можетъ быть, только отрывокъ, либо прибавленіе къ пространнѣйшей Граммамѣ о судахъ. Сія Граммата вѣроятно писана еще до подчиненія Пскова Московскимъ Великимъ Князьямъ; ибо въ ней не упоминается ни о нихъ, ни о Намѣстникахъ ихъ, а только о *Князѣ*, *Посадникѣ* и *Судьяхъ*. Въ семъ найденномъ отрывкѣ узаконено 1) Духовныхъ людей ни Князю, ни Посаднику, ни Судьямъ не судить, а судить Владычну Намѣстнику; а въ судѣ мірянина съ Духовнымъ су-

дить общимъ судомъ; 2) Когда кто присвоиваетъ себѣ какую скотину и назоветъ ее доморощенною, то произвести о семъ слѣдствіе; 3) Кто предъ Начальникомъ ударитъ на судѣ своего истца, тотъ долженъ заплатить ему рубль, а Князю пошлину; 4) За барана платить хозяину 6 денегъ, за овцу 10 денегъ, а Судьѣ пошлины три деньги и *старая Правда*; за гуся и гусыню хозяину 2 деньги, а судьѣ три; за утку и селезня, за курицу и пѣтуха 2 деньги и проч. 5) Кто въ пьянствѣ чимъ помѣняется, или что купитъ и проспавшись раскается, то размѣняться; 6) Княжимъ людямъ не держать корчмы ни во Псковѣ, ни на Пригородѣ, ни въ ведро, ни въ корецъ, ни бочкою меду не продавать; 7) Кто доказывать кого будетъ въ зажигательствѣ, то дозволяется отдать на вольную присягу; 8) Кто у кого бороду вырветъ и свидѣтелемъ не доказанъ. такому цѣловать Крестъ и биться на поединкѣ; а естьли свидѣтель докажетъ, то взыскать за бороду и бой два рубли, а свидѣтелю быть одному; 9) Купивши корову, телятъ не требовать, а больную назадъ возвратить; 10) Женщинѣ съ женщиною въ тяжбѣ биться на поединкѣ самой, а за себя бойца не нанимать ни которой; 11) Кто искать будетъ за бой съ 5 ти или 10 чело-

вѣкъ, или сколько ни будетъ, то взыскивать какъ за одинъ бой одинъ рубль и пошлину одну Князю (*). Въ сей Граммать замѣтно уже отступленіе отъ Ярославовой Русской Правды въ числѣ пѣней: а Законъ о поединкѣ женщинъ нигдѣ не бывалый. Но Великій Князь Московскій Василій Ивановичь послѣ покоренія Пскова въ 1510 году далъ Псковичамъ свою Уставную Граммату, которая также не дошла до насъ.

О Псковскихъ старинныхъ обыкновеніяхъ и нравахъ, на ровнѣ съ Законами и Уставами у каждаго народа соблюдаемыхъ, мало извѣстій оставили намъ Лѣтописатели; потому что сіи предмѣты въ ихъ время всѣмъ извѣстны были и не требовали описаній. Гораздо болѣе могли о семъ писать иностранцы, бывавшіе проѣздомъ, или жившіе во Псковѣ. Но изъ нихъ не старѣе 15 столѣтія имѣемъ мы описателей, и то краткихъ. Не давно сдѣлалось извѣстнымъ нѣсколько подробнѣйшее сказаніе о Псковичахъ одного Нѣмца, *Самуила Кихеля*, въ путешественныхъ его запискахъ съ 1585 по 1589 годъ, напечатанныхъ въ Нѣмецкомъ періодическомъ изданіи подъ названіемъ *Архивъ для Географіи, Исторіи и науки Государственной*

(*) Подлинная сія Граммата напечат. въ *Исторіи Росс. Государства* томъ. V Примѣч. 404.

и военной 1820 г. въ 86 номерѣ (*). Онъ говоритъ, что Псковичи въ разсужденіи пріѣзжихъ иностранцевъ имѣли строгую осторожность, распрашивали ихъ о причинѣ пріѣзда и къ однимъ только торговымъ изъ нихъ людямъ больше имѣли довѣренности, а опасались наипаче пріѣзжавшихъ изъ любопытства и шпіоновъ. Въ городъ ни Нѣмцовъ, ни другихъ народовъ они не впускали даже и тогда, когда принимали отъ нихъ складные грузы и товары, и всѣ переговоры съ ними производили на мосту, съ Завеличья въ городъ ведущаго, противъ Нѣмецкаго двора и тамъ только позволяли имъ прогуливаться. Естьли же кто изъ нихъ хотѣлъ ѣхать въ Москву, то пропускали и чрезъ городъ, но съ вѣдома и дозволенія Намѣстника Великокняжескаго. Городъ Псковъ описываетъ Кихель первымъ по Москвѣ величиною и даже болѣе укрѣпленнымъ, нежели Москва; а Новгородъ тогда былъ уже въ разореніи. „Градскія зданія, кромѣ городовыхъ каменныхъ стѣнъ и Церквей, говоритъ онъ, всѣ деревянныя, покрытыя тесомъ, не исключая и дворовъ Боярскихъ, богатѣйшихъ Гражданъ и даже Дворца Великаго Князя.

(*) Archiv für Geographie, Historie Staats-und Kriegskunst 1820 jahr.

ибо, де, они думаютъ, что каменные домы для житья нездоровы; а отъ сего при пожарныхъ случаяхъ нѣтъ тамъ никакого спасенія. Для погребенія мертвыхъ находятся за городомъ кладбища и бѣднѣйшихъ кладутъ въ общую большую яму, выкопанную на четверть часа ѣзды отъ города подъ кровлею и по наполненіи засыпавъ оную, выкапываютъ возлѣ новую. При Церквахъ же и въ Церквахъ погребаютъ только богатыхъ за вклады. Въ обращеніи они угрюмы и грубы; ни предъ кѣмъ не снимаютъ шапокъ; одежду носятъ опрятную, изъ хорошаго сукна, покроемъ длинную, на подобіе Армянской, и между мущинами и женщинами съ малою разницею; обувь у мущинъ и женщинъ подбивается желѣзомъ. Женщины когда выходятъ на улицу, то лице закрываютъ и одни только глаза ихъ видны; а тѣ считаются бесстыдными, кои сего не наблюдаютъ. Въ самыхъ домахъ своихъ женскій полъ имѣетъ отдѣльное отъ мущинъ жилище. Всѣ вообще трудолюбивы, довольствуются малымъ, ѣдятъ и пьютъ просто безъ приправъ; яблокъ и грушъ у нихъ нѣтъ, но за то всякая зелень и овощи, а особливо много огурцовъ, коихъ за столомъ они могутъ съѣсть отъ 6 до 8; пьютъ много вина и безъ онаго лучшій пиръ ничего не зна-

чить. Но также переносятъ алчбу и жажду болѣе, нежели какой другой народъ можетъ. Противъ непріятелей мужественны: но сопротивляются болѣе въ городахъ и Крѣпостяхъ, нежели въ чистомъ полѣ, и потому хотя Польскій Король Стефанъ шестидесятью тысячами войска осаждалъ ихъ городъ, но безуспѣшно. Товары, ими отпускаемые за границу, суть рухлядные мѣха куницъ, соболей, рысей, лисицъ и волковъ, также кожи воловьи, бараньи, лосьи, ленъ, пенька, сало: а къ нимъ Остъ-зейцы привозятъ сукна, шелковыя матеріи и всякія мѣлочныя издѣлія. Торгъ, прежде производившійся чрезъ Нарву, въ сіе время обратился чрезъ Псковъ.,, Таковы были по Кихелеву описанію Псковичи въ 16 столѣтіи. Надлежитъ еще къ сему примолвить, что Баронъ Герберштеинъ, бывшій во Псковѣ лѣтъ за 70 до Кихеля, замѣтилъ уже во Псковичахъ отмѣну отъ предковъ ихъ. Вмѣсто учтивыхъ и вѣжливыхъ нравовъ у Псковичей, говоритъ онъ, послѣ уничтоженія ихъ свободы и поселенія въ ихъ городѣ Московскихъ переведенцовъ, ввелись у нихъ и развращенные Московскіе обычаѣ. Ибо, де, прежде въ договорахъ своихъ Псковичи бывали такъ искренни, чистосердечны и просты, что не употребляли на обманъ покупщика ни-

какого многословія и однимъ словомъ сказывали правду. Однакожъ не во всемъ еще послѣдуютъ Москвичамъ, и напримѣръ волосы носятъ не по Русскому обычаю, а по Польски раздѣленныя на двѣ стороны. Твердость ихъ въ обдуманныхъ намѣреніяхъ извѣстна была наипаче Лифляндскимъ сосѣдамъ, всегдашнимъ ихъ непріятелямъ. Лифляндскій Магистръ Шпангеймъ, въ 1417 году ведшій съ ними договоры о мирномъ постановленіи, увѣдомлялъ тогда Прусскаго Великаго Магистра, что сей народъ, какъ скоро что задумаетъ, то его совратить отъ сего никакъ не можно и за то называлъ ихъ *странными и упрямыми*.

VII.

О ГЕРБѢ И ПЕЧАТЯХЪ ПСКОВСКИХЪ.

Городъ *Псковъ* издревле имѣлъ Гербомъ своимъ на общественныхъ печатяхъ и монетахъ *бѣгущаго* въ чистомъ полѣ звѣря *барса*, не извѣстно, по множеству ли здѣсь бывшихъ звѣрей сего рода, или для знаменованія воинственнаго народнаго духа, или по преданію отъ общихъ предковъ ихъ *Кривичей*. Ибо въ *Собраніи Государственныхъ Грам-*

матѣ и договоровѣ, изданныхъ иждивеніемъ Канцлера Графа Н. П. Румянцова, тотъ же Гербъ видѣнъ и на Новгородскихъ и на Смоленскихъ древнихъ Печатяхъ. На Псковскихъ при Граммптахъ до 18 столѣтія около барса по краямъ въ окружности двухъ линій изображалась надпись: *Печать Господарства Псковскаго*, а съ 18 столѣтія, по учрежденіи во Псковѣ Провинціи: *Печать Государства Псковскаго* (*). Въ Новѣгородѣ каждый Конецъ города имѣлъ свою особенную печать (**). Можетъ статься тоже было и во Псковѣ: но до насъ не дошли сіи печати: а изъ дошедшихъ всѣ были величиною въ грошевикъ и вытискивались только на черномъ воску. Въ Архивѣ Псковскаго Губернскаго Правленія отыскалось нѣсколько и новѣйшихъ разныхъ таковыхъ печатей со Псковскимъ Гербомъ и съ различными надписями, а именно, 1) сребряная съ окружною надписью: *Печать Псковской Провинціи подушнаго збора;* 2) мѣдная съ окруж-

(*) Изъ оставшихся Государственныхъ Печатей и Граммптъ Великаго Князя *Ивана Васильевича* и сына его *Василія* видно, что они титуловались только *Великими Князьями Новогородскими и Псковскими* и проч. а Царь *Іоаннъ Васильевичъ* сперва *Господаремъ*, а потомъ *Государемъ Псковскимъ*. Но Псковичи въ своихъ печатяхъ до временъ Петра I. все еще удерживали титло *Господарства Псковскаго*.

(**) см. *Исторію Россійской Іерархіи* том. II. стр. 391.

ною надписью. *Печать П. П. Полку Полковаго Штапнаго двора;* 3) мѣдная малая съ окружною же надписью: *Губернскаго Города Пскова;* 4) стеклянная съ изображеніемъ въ срединѣ уже двуглаваго орла, около коего между двумя линіями подпись: *П: Дворцовыхъ Псковскихъ* В. Въ первыхъ трехъ изъ сихъ печатей надъ бѣгущимъ барсомъ изображена Императорская корона и подъ нею изъ облака простертая на барса рука. Еще тамъ же нашлась и одна Губная печать безъ герба, съ одною только строчною надписью: *Псковской Губы Пахомовской*. Всѣ сіи печати нынѣ сохраняются въ Ризницѣ Псковскаго Каѳедральнаго Собора: Древнее изображеніе бѣгущаго барса, съ прибавленіемъ надъ нимъ изъ облака руки, осталось и донынѣ во Псковскомъ гербѣ на голубомъ полѣ.

При семъ достойно особеннаго замѣчанія, что въ Московской Государственной Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ есть еще двѣ круглыя сребряныя Печати вислыя съ ушками для цѣпочекъ или шнуровъ; обѣ разнаго чекана, но одинакаго клейма, величиною въ полтинникъ. Изображеніе на нихъ выпуклостію представляетъ бѣгущаго въ чистомъ полѣ барса, а по краямъ между двухъ круговыхъ линій надпись: *Печать Господарства Псковскаго;* другая сторо-

на гладкая и у одной Печати довольно изтертая, вѣроятно отъ долговременнаго ношенія. Гравированный оттискъ обѣихъ ихъ можно видѣть въ предисловіи второй части *Собранія Государственныхъ Граммамъ и договоровъ хранящихся въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ*. издан. Канцлеромъ Графомъ Н. П. Румянцовымъ. О сихъ вислыхъ печатяхъ Псковскихъ ничего въ Лѣтописяхъ не упоминается. Но у Несторa въ договорѣ Игоревѣ съ Греками 945 года упомянуто, что Русскіе, пріѣзжавшіе въ Константинополь, *ношаху послы печати золотыя, а гости сребренныя*. Владиміръ Великій въ 1006 году далъ таковыя печати и Болгарскимъ купцамъ. А Татищевъ замѣчаетъ, что Тысяцкіе носили на шеѣ гривну на цепочкѣ. Можетъ быть, не меньше имѣли права носить тоже отличіе и Посадники. По сему естьли принять и сіи печати за гривны, отличительныя для Чиновниковъ, или просто за печати гостей, то вѣроятно, что съ 1510 года по уничтоженіи Великимъ Княземъ *Василіемъ Ивановичемъ* во Псковѣ Посадниковъ, и прочихъ гражданскихъ Чиновъ, сняты съ нихъ и сіи печати и отосланы въ Москву (*). Новогородскіе

(*) Оттиски сихъ печатей на сургучѣ есть въ ризницѣ Псковскаго Каѳедральнаго Собора.

Посадники и Тысяцкіе имѣли еще и свои собственныя печати съ именами и безъ имянъ для прикладыванія къ Грамматамъ (*). Можетъ быть тоже было и у Псковскихъ: но оныя до насъ не дошли.

VIII.

О ВОИНСКОЙ СИЛѢ ПСКОВСКОЙ.

Всеобщими промыслами Псковичей были два: *война* и *торговля*. Первою стяжали они землю для поселенія своего, а второю продовольствіе и богатство. Но по самому положенію своей Области они долженствовали быть народомъ больше военнымъ, нежели торговымъ. Съ самаго пришествія своего въ сей край надлежало имъ бороться съ дикими Лифляндскими и Естляндскими Чудями; съ половины 12 столѣтія еще съ Литовцами, приближившимися къ ихъ предѣламъ, и съ 13 столѣтія основавшими уже столицу свою въ Полотскѣ. Въ началѣ 13 столѣтія подселились къ нимъ отъ устья Двины Нѣмецкіе Рыцари, а въ Естляндіи Датчане; съ 14 столѣтія сдѣлались имъ непріязненными и братья ихъ Новогородцы; а съ 16 и

(*) См. Вышеупомянутое *Собран. Государ. Грам.* Часть I стр. 11. № 17.

Шведы, занявшіе Естляндію. Псковская Лѣтопись преисполнена извѣстій о взаимныхъ съ сосѣдями сими войнахъ, и рѣдкой годъ проходилъ безъ нападеній на Псковичей съ какой-нибудь стороны, а иногда и въ одномъ году терпѣли они по нѣскольку нашествій и опустошеній. Но достойно замѣчанія, что хотя Лифляндскія и Литовскія Лѣтописи хвалятся неоднократнымъ завоеваніемъ *Пскова*, однакожъ Лѣтопись Псковская съ самаго основанія города сего признаетъ одно только въ 1240 году взятіе онаго Лифляндцами, и то измѣною и предательствомъ отъ своихъ же. Самую сильную осаду въ 1581 году отъ Польскаго Короля *Стефана Баторія*, продолжавшуюся неотступно болѣе 6 мѣсяцовъ, а другую въ 1615 году отъ Шведскаго Короля *Густава Адольфа*, въ продолженіи двухъ съ половиною мѣсяцевъ, Псковичи безъ всякой сторонней помощи выдержали мужественно и неуступили города своего, тогда какъ вся почти Область ихъ и многіе Новогородскіе города были уже завоеваны. Такое усиліе противу враговъ конечно было для нихъ трудно. Войска ихъ въ древнія времена состояли изъ поголовнаго почти вооруженія всѣхъ способныхъ носить оружіе. Самое вооруженіе и пропитаніе въ походахъ у каждаго было свое собственное, а не общественн-

ное. Надлежало иногда въ одно время защищаться на разныхъ предѣлахъ Области, по сушѣ и водѣ гнаться за непріятелемъ до ихъ собственныхъ владѣній, оставлять какой-нибудь запасъ охраннаго войска и дома, не упускать обработыванія полей и другихъ хозяйственныхъ промысловъ; и за всѣмъ симъ Псковичи часто успѣвали собирать достаточное число военныхъ людей для отдаленныхъ даже въ непріятельскія земли походовъ и для вспомоществованія своимъ союзникамъ. Съ половины 15 вѣка войска ихъ уже были не поголовныя, но, какъ видно изъ Псковской Лѣтописи, раздѣлялись на *охочихъ* и *рубленыхъ* (*), или выборныхъ людей. Подъ годомъ 1496 упоминается, что по требованію Великаго Князя Московскаго для похода на Шведовъ и Лифляндцевъ Псковичи поставили съ 10 сохъ по одному

(*) Раздѣлъ Земскихъ повинностей по дворамъ, или сошнымъ работникамъ при общественныхъ сходкахъ обыкновенно назначался въ волостяхъ на колодахъ нарубками счета повинностей. Отъ сего то и назывался раздѣлъ сей *рубленымъ*. Сей обычай нарубокъ до нынѣ еще сохраняется въ Сибирскихъ и нѣкоторыхъ Украинскихъ Волостяхъ и селахъ, и *разрубить повинности* или платежъ, значитъ у нихъ раздѣлить на участки. Во Псковской Лѣтописи встрѣчаются еще слова *порубъ* и *порубленіи люди* совсѣмъ въ другомъ значеніи. Первое значитъ погребъ, служившій темницею для заключенниковъ; а послѣднее людей заключенныхъ.

вооруженному всаднику; а въ 1500 году для войны противу Литовскаго Короля *Александра* они *порубилися* съ десяти сохъ дать одного коня, на общее съ Новогородцами и Великолучанами пѣшее войско, а съ 40 рублевъ или нарубокъ коня и своего человѣка въ доспѣсѣхъ т. е. съ полнымъ военнымъ вооруженіемъ. Изъ сего распоряженія можно заключать, что тогда доставало уже и сего способа набору ратниковъ для составленія войска, и таковые наборы у нихъ продолжались до 18 вѣка, или до первой подушной переписи. А выборное такимъ образомъ войско называлось *Посохою*, раздѣлялось на сотни подъ начальствомъ сотенныхъ Головъ и на полки подъ руководствомъ Воеводъ. Татищевъ говоритъ, что въ концѣ 17 столѣтія *Псковъ*, сверхъ двухъ Стрѣлецкихъ Полковъ, у себя содержалъ еще для гарнизона городовой Крѣпости два своихъ собственныхъ Полка, и самъ опредѣлялъ въ оные Полковниковъ и прочихъ Чиновниковъ.

IX.

О ТОРГОВЛѢ ПСКОВСКОЙ.

По военномъ промыслѣ у Псковичей вторый составляла *торговля*. Правда, торги произведеніями ихъ собственной Области, судя по необширности оной, не могли быть велики. Но пока во оной находилось много лѣсовъ, то звѣриной промыслъ доставлялъ имъ пушные товары, дорого цѣнившіеся по всей Европѣ; а лѣсное пчеловодство по бортямъ, медъ и воскъ, особливо послѣдній, въ великомъ количествѣ выходившій за границы. Ибо медъ гораздо лучшій привозили въ Россію иностранцы. Долго и даже до 18 столѣтія отпускали они по рѣкѣ Наровѣ и корабельныя лѣса, съ коихъ одной пошлины въ послѣднія времена собиралось до 15,000 рублей. По очисткѣ лѣсовъ земледѣліе и скотоводство усилено: Ленъ ихъ и донынѣ почитается наилучшимъ изъ Россійскаго. Земля, по большей части иловатая и иловатопещаная, удобренная известковымъ повсюду камнемъ, всегда производила хлѣбъ за своимъ продовольствіемъ съ излишкомъ для отпуска въ Лифляндію и Естляндію. На рѣки Рухѣ заведены были въ 1364 г. соляныя варницы: но по невыгодности оставлены, и солью Псковъ довольствовался

отъ Ганзейскихъ купцовъ, а частію отъ Новогородцевъ. По разнымъ мѣстамъ Псковской Области видна желѣзная руда: но нѣтъ слѣдовъ желѣзныхъ заводовъ. Преданіе утверждаетъ, будто бы древніе Псковичи добывали свое желѣзо изъ желѣзистаго песку, находящагося на такъ называемой *Желѣзной Горкѣ*, въ двухъ верстахъ отъ Пскова. Но онъ не стоитъ обработыванія. На рѣкѣ *Серебрянкѣ* много блестящаго колчедану, по коему и рѣка получила свое названіе. Въ концѣ прошлаго столѣтія открытъ еще около Изборска очень хорошій алебастровый камень. Но естьли когда-нибудь богатѣло Псковское Купечество, то больше отъ переводныхъ чрезъ свои руки товаровъ изъ чужихъ Областей. Для Новогородцевъ и Лифляндцевъ Псковичи были почти маклерами. Первые изъ обширныхъ своихъ владѣній привозили къ нимъ все въ Поволжскихъ, Сѣверодвинскихъ, Печерскихъ и Азіатскихъ странахъ добываемое; послѣдніе доставляли имъ металлы, сѣру, соль и многія ремесленныя издѣлія Европейскія. Тѣмъ не меньше торговля ихъ всегда была въ зависимости какъ отъ первыхъ, такъ и отъ другихъ. Новогородцы не уступали Псковичамъ даже гораздо ближайшихъ къ нимъ, нежели къ Новугороду, Областей и городовъ, каковы были напримѣръ *Пор-*

ровъ, *Холмъ* и *Великіе Луки*, для того что пролегающія по симъ Областямъ рѣки Ловать и Шелонь текутъ въ Ильмень озеро и способны къ сплавливанію туда окрестныхъ произведеній. Село Дубровна со стороны Порхова было границею между Псковскою и Новогородскою Областью; а къ Сѣверу всю полосу отъ рѣки Шелоны и Плюсы до моря Новогородцы включали въ *Вотскую* свою *Пятину*. Въ послѣдовавшія же времена они завладѣли и *Гдовомъ*, строеннымъ Псковичами. А со стороны *Холма* они владѣли по *Пусторжевц* и наконецъ самою *Пусторжевою*, за коею въ Опочкѣ уже была Псковская граница. Правда, по рѣкамъ Плюсѣ и Наровѣ могли и Псковичи сплавливать свои произведенія но, только до Нарвы; а въ Нарвѣ были преимущественнѣйшія складки Новогородскихъ товаровъ, подвозимыхъ судами по рѣкѣ Лугѣ, на коей построили Новогородцы для перепутья свои города *Лугц* и *Ямбургъ*, а еще ближе къ морю третій городъ *Копорье*. Въ восточносѣверной же торговлѣ Новогородской по Финскому заливу Псковичи почти совсѣмъ не имѣли участія, и довозили свои товары только до Новагорода, гдѣ имѣли свой складочной дворъ на торговой сторонѣ города. Одни Новгородцы отпускали свои суда къ Финляндскимъ пристанямъ, куда приплывали къ нимъ Готландскіе и Люб-

скіе купцы, доходившіе иногда до Ладоги и до самаго Новгорода; а съ половины 12 столѣтія имѣвшіе уже и свой гостинной дворъ съ Церковію въ Новѣгородѣ. Съ первыхъ лѣтъ тогоже столѣтія сами Новогородцы начали корабли свои отправлять прямо на островъ Готландъ въ славный торговый городъ Висби, гдѣ взаимно занимали они цѣлую улицу, имѣли гостинный дворъ, магазины, маклеровъ и Церковь своего исповѣданія. Изъ Новогородской Лѣтописи видно, что они тогда же плавали и до Даніи. По сему Псковичамъ оставалось участіе въ ихъ торговлѣ только съ одними почти Естляндцами и Лифляндцами чрезъ Чудское озеро въ Дерптѣ и оттуда въ Перновѣ и Ревелѣ и чрезъ Печерскую границу и Себежъ съ Литовцами. Но и сію промышленность трудно было защищать отъ притѣсненій Литовскихъ, отъ частыхъ набѣговъ Естляндскихъ и Финляндскихъ Чудей и отъ невѣрности ихъ въ договорахъ. Въ семъ случаѣ Новогородцы могли тотчасъ отвращать свой выпускъ въ другую сторону: а Псковичи оставались въ бездѣйствіи. Съ начала 13 вѣка появившіеся на устьѣ западной Двины Нѣмецкіе Рыцари, вскорѣ покорившіе всю Лифляндію и Естляндію, выгнавшіе оттуда всѣхъ Россіянъ, съ 1222 года запретившіе Лифляндцамъ

платить Новгороду и Пскову дани, съ 1223 года занявшіе тамъ торговый Русскій городъ *Юрьевъ* и населившіе оный своими единоземцами, съ переименованіемъ его *Дерптомъ*, положили первое затрудненіе Псковской торговлѣ по *Лифляндіи*; а въ 1228 году уступивши Датскому Королю Валдемару II. Ревельскій, Везенбергскій и Нарвскій Уѣзды, тѣмъ самымъ допустили и другую не меньше затруднительную преграду Псковскимъ купцамъ къ морю. Тщетно Псковичи совокупно съ Новогородцами старались отъ Рыцарей возвратить *Юрьевъ*, а изъ Естляндіи выгнать Датскія войска. Новогородцамъ меньше было въ томъ нужды, нежели Псковичамъ; а потому и содѣйствіе первыхъ было слабо. Въ сей крайности послѣдніе разорвали наконецъ съ ними свой союзъ и онаго искали уже съ Рыцарями, съ коими въ 1228 году заключили даже противу Новогородцевъ и *Литовцевъ* оборонительный взаимный договоръ, давши съ обѣихъ сторонъ по осьми мужей въ залогъ. Но сей военный договоръ не послужилъ къ оживленію Псковской торговли. Рыцари уже не уважали оной въ отдѣленіи отъ Новогородской, и хотя въ Дерптѣ за рѣкою предоставили Псковскимъ Купцамъ для поселенія мѣсто, называвшееся съ тѣхъ поръ *Рускою Слободою* и *Рускимъ Концемъ*: но въ слѣдующемъ же

1229 году заключили особый торговый договоръ со Смоленскими, Полотскими и Витепскими Князьями по Двинѣ, чѣмъ самымъ отвлекли почти весь подвозъ южныхъ произведеній ко Пскову. Такимъ образомъ Псковичи обманувшись въ своей надеждѣ, примирились опять съ Новгородомъ: но съ тѣмъ вмѣстѣ рушился ихъ военный союзъ съ Лифляндцами, о чемъ ниже сказано будетъ подробнѣе.

При всѣхъ сихъ обстоятельствахъ торговля Псковская постепенно упадала, и уже въ концѣ 13 столѣтія оживилась нѣсколько со времени принятія Новгорода и Пскова въ союзъ Сѣверныхъ Ганзейскихъ торговыхъ городовъ, изъ коихъ Данцигскіе и Любскіе купцы основали купеческую свою контору и во Псковѣ, завели Маклеровъ и построили большой складочной дворъ на Завеличьѣ на лѣвомъ берегу рѣки повыше Іоанно-Предтеченскаго Монастыря. Но завидовавшіе сему Лифляндцы тѣмъ болѣе умножили свои нападенія на Псковъ и Область его. А въ концѣ 15 столѣтія послѣ порабощенія Новагорода, когда капиталы Новогородцевъ начали оскудѣвать, то Псковичи уже преимуществовали предъ ними торговлею; а особливо когда Великій Князь Иванъ Васильевичь за нѣкоторыя обидныя слова о немъ выговоренныя Начальствующими въ Ревелѣ, требовавъ

выдачи ему виновныхъ и получивъ отказъ, въ 1495 году велѣлъ въ Новѣгородѣ схватить всѣхъ Нѣмецкихъ купцовъ и товары ихъ отобрать въ Казну; то всѣ Ганзейскіе купцы прекративши свою торговлю съ Новгородомъ, дѣйствовали только чрезъ Псковскую свою Контору изъ Риги, Ревеля, Дерпта и наконецъ изъ Нарвы: а въ Новгородѣ гостинный дворъ ихъ съ тѣхъ поръ надолго запустѣлъ.

X.

О МОНЕТѢ ПСКОВСКОЙ.

Въ торговлѣ наилучшимъ посредствомъ есть монета и надежнѣе металлическая. Но ни Новгородцы, ни Псковичи до 15 столѣтія не имѣли собственной, хотя прочія Русскія Княжества еще въ 14 начали уже бить свою. Нѣтъ сомнѣнія, что задолго до того Славянамъ всѣмъ извѣстно было употребленіе Греческихъ, Римскихъ и другихъ Европейскихъ денегъ по сношеніямъ съ сими народами. У Нестора упоминается, что Радимичи еще въ 9 столѣтіи Козарамъ, а потомъ Олегу платили дань *Шелегами*. Но при торгахъ съ чужестранцами они употребляли болѣе мѣну своихъ земскихъ произведеній на ихъ вещи. Драгоцѣннѣйшими изъ сѣверныхъ

товаровъ почитались пушные мѣха, весьма уважавшіеся по всей Европѣ. Гелмолдъ, Лѣтописатель 12 вѣка, говоритъ, что страсть къ симъ мѣхамъ заразила какъ смертоноснымъ ядомъ Европейцевъ и всякой де желалъ нетерпѣливо куней, или соболей шубы, какъ высочайшаго блаженства. Посему то куны у Славенорусовъ сдѣлались самою дорогою оцѣнкою всѣхъ товаровъ. Бывали, говоритъ Герберштейнъ, у Русскихъ такіе собольи мѣха, за которые чужестранцы платили по 20 и 30 тысячь червонцевъ. Другіе не столь дорогіе мѣха, какъ то веверичьи или бѣличьи и проч. служили уже дробною монетою. Вообщежъ они оцѣнивали свои товары Греческою *Литрою*, называвшеюся у Русскихъ *гривною серебра или золота*, то есть фунтомъ сихъ металловъ по Греческому и Кіевскому вѣсу въ 72, а по Новогородскому въ 96 золотниковъ; а равноцѣнное оному количеству куньихъ или собольихъ (разумѣвшихся у нихъ подъ именемъ *черной куницы*) мѣховъ называли *гривною кунъ* (*) Но поелику ни мѣха не могли

(*) *Гривна кунъ* въ сравненіи съ *гривною серебра* въ различныхъ времецахъ измѣнялась цѣною, смотря по востребованію мѣховъ, или рѣдкости серебра. Толкователи *Русской Правды*, изданной 1792 и 1799, г. утверждали, что въ Ярославово время *за гривну серебра*

быть всѣ равноцѣнны между собою, ни высокій ходъ ихъ цѣны во внутренней торговлѣ не могъ быть особливо въ дробяхъ удобенъ, то какъ для постоянной цѣны *гривны кунъ*, такъ и для дробнаго ращета уставлены были клейменые лоскуты шкуръ подъ именемъ *ногатъ, рѣзаней, лобковъ, мордокъ и ушекъ*. Всѣ сіи монеты иногда вообще назывались именемъ *кунъ*, но была и особенная монета куна (*). Употребленіе сихъ клейменыхъ лоскутовъ нача-

---

цѣнилось 2, а въ Мономахово время $7\frac{1}{2}$ *гривенъ кунъ*. Но на чемъ основали они сіе сказаніе, не извѣстно, Изъ Историческихъ же свидѣтельствъ видно вопервыхъ, въ договорѣ Смоленскаго Князя съ Рижанами 1228 г. *гривна серебра* сравнена съ 4 гривнами кунъ. Въ 1230 г. при бывшемъ голодѣ Новогородцы платили за четверть ржи *гривну серебра или семь гривенъ кунами*, какъ сказано въ Лѣтописяхъ. Въ 1409 г. во Псковѣ за *полтину серебра* давали по 15 *гривенъ кунами*. Но всѣ сіи униженія цѣны гривны кунъ должно разумѣть о клейменыхъ только лоскушкахъ кожаныхъ. Ибо не вѣроятно; что бы цѣна самыхъ куньихъ и прочихъ пушныхъ мѣховъ доходила до такой дешевизны.

(*) По скольку кунъ и ихъ дробныхъ монетъ считалось въ *гривнѣ* кунъ, о томъ не согласны мнѣнія. Толкователи *Русской Правды* говорятъ, что въ гривнѣ сребра считалось 20 кунъ, въ одной кунѣ 20 вѣкошей; а монетами ногатъ въ кунѣ 4, рѣзаней въ ногатѣ 8. Но Н. М. Карамзинъ по сличенію разныхъ статей *Русской Правды* и другихъ извѣстій выводитъ, что въ гривнѣ было 25 кунъ, вѣкошей въ кунѣ около 10, ногатъ въ кунѣ 20, а рѣзаней въ кунѣ 2. А въ *Русской Правдѣ*, по списку Татищевой Новогородской Лѣтописи, означены *рѣзани*,

лось издавна и по времени они перемѣнялись. Ибо въ Уставѣ Новогородскаго Князя Святослава Ольговича 1137 года упоминаются *новыя куны, выдаваемыя Домажиричемъ*. Нейштетъ, 16 вѣка писатель Лифляндской Хроники, говоритъ, что у Лифляндцевъ въ 12 вѣкѣ ходили монетою *бѣльи цшки съ серебрянными гвоздиками въ нихъ*. А Монахъ Рубруквисъ, проѣзжавшій чрезъ Россію къ Татарскому Хану въ половинѣ 13 вѣка, описываетъ вмѣсто монеты ходившіе и тогда у насъ *клейменные красками* кожаные лоскутки. Но для дробнаго раздѣленія и сребряныхъ гривенъ были въ ходу рубли и полтины изъ брусковаго литаго серебра (*). Наконецъ въ 1409

гдѣ въ другихъ спискахъ названы *куны*. Изъ сего слѣдовало бы заключить, что куна каждая стоила одной рѣзани, естьли только сіе не ошибка писца. Названіе монеты *Ногата* есть и въ Прусскихъ Лѣтописяхъ, а въ Естляндіи донынѣ nahat значитъ шкуру. Въ прочемъ М. Т. Каченовскій доказываетъ, что вмѣсто шкурныхъ денегъ надобно разумѣть монеты металлическія. см. *Вѣстникъ Европы* 1827 и 1828 г.

(*) Изъ найденныхъ въ 1821 г. Маія 16 въ Новѣгородѣ близь Звѣрина Монастыря въ городовомъ валу болѣе пуда таковыхъ сребряныхъ брусковъ призматико-пирамидальной фигуры, по концамъ округленыхъ, оказалось, что нѣкоторые изъ нихъ длиною въ 4 дюйма и отъ 6 до 8 линій Аглинской мѣры, вѣсомъ отъ $44\frac{3}{4}$ до 46 золотниковъ; другіе длиною въ 2 дюйма 4 линіи, вѣсомъ отъ $21\frac{1}{2}$ до 23 золотниковъ. Проба серебра во всѣхъ 93. Естьли первые были *рубли*, а послѣднія *полтины*,

году, какъ сказано во Псковской Лѣтописи, Псковичи оставили торги *кунами* (клеймеными) и ввели иностранные *пѣнязи* или *пфеннинги*. Для мѣлочной же между собою монеты продолжали еще употреблять *куньи мордки*. Около того же времени и Новогородцы пустили у себя въ обращеніе вмѣсто *кунъ* клеймеными *артуги Нѣмецкіе* и *Литовскіе гроши*; а для мѣлочнаго размѣну оставили только *бѣльи лобки*. Но въ 1420 году начали чеканить свою серебряную мѣлкую монету; а имъ послѣдуя и Псковичи въ 1424 году тоже у себя опредѣлили на Вѣчѣ; торговлю же *мордками* отмѣнили, и съ тѣхъ поръ уже не *гривнами*, но одними *рублями* и *полтинами* считали деньги не только свои, но и чужестранныя. Такимъ образомъ когда въ 1473 году невѣста Великаго Князя Ивана Васильевича, Греческая Княжна Софія проѣзжала чрезъ Псковъ, то во Псковской Лѣтописи сказано, что Пско-

---

то въ гривнѣ серебра считалось два рубли, а полтинъ 4. Толкователи же *Русской Правды* полагали 4 рубли въ гривнѣ. Естьли же разумѣть малую вѣсовую *гривну* въ 48 золотниковъ, равную Нѣмецкой маркѣ, упоминаемую у Г. Карамзина *И. Г. Р.* Том. I. стран. 125. Примѣч. 298; то меньшіе бруски надобно почитать рублями, а большія гривнами. На нѣкоторыхъ изъ сихъ брусковъ видны клейма съ лицами Святыхъ, коихъ голова окружена вѣнцомъ, а на иныхъ изображеніе какихъ то птицъ и животныхъ; другіе жъ вовсе безъ клеймъ.

вичи поднесли ей въ подарокъ 50 рублей *пѣнязями* т. е. Нѣмецкими пфенингами.

Новогородская и Псковская сребряная монета величиною была одинакая въ нынѣшній сребряный гривенникъ. Клеймо ихъ въ разныя времена было различное. Тѣ и другія дошли до нашихъ временъ, а потому съ точностію могутъ быть описаны. Псковской древней сребряной монеты до нынѣ извѣстно только пять клеймъ. На первыхъ трехъ съ одной стороны грудное изображеніе Князя въ большой на головѣ Княжеской Коронѣ; въ правой рукѣ у него мечь приклоненный къ плечу; а лѣвая приложена къ груди. Герберштейнъ не разсмотрѣвши сего, правда грубаго изображенія, назвалъ оное бычачьею головою. Но удивительно, что и нашъ Татищевъ, по немъ Миллеръ и за нимъ другіе, конечно не видавшіе сихъ монетъ, туже ошибку повторяли. Монеты сіи можетъ всякъ любопытствующій видѣть и о справедливости увѣриться въ Минц-кабинетѣ Московскаго *Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ*, въ Кунст-камерѣ С. *Петербурской Академіи Наукъ* и въ *Ризницѣ Псковскаго Каѳедральнаго Троицкаго Собора*. Различіе ихъ есть слѣдующее: въ первой около головы Князя 8 точекъ; у лѣваго уха буква Л. вѣроятно

имя мастера; на оборотѣ строчная пропись: *Деньга Псковская;* края обѣихъ сторонъ окружены точками. Во второй монетѣ около головы Князя нѣтъ уже точекъ, кромѣ одной у праваго уха, а у лѣваго буква М. на оборотѣ бѣгущій барсъ съ двумя рогами или длинными ушами на головѣ и съ длиннымъ хвостомъ въ верхъ поднятымъ; вкругъ его уже по краямъ подпись *Деньга Псковская.* Въ третьей монетѣ около головы Князя три точки, а на оборотѣ просто строчная подпись: *Псковская.* Съ 1510 года Великій Князь *Василій Ивановичь,* покоривши Псковъ, перемѣнилъ клеймо Псковской монеты, повелѣвъ чеканить ее сперва просто, на одной сторонѣ вмѣсто Псковскаго герба Московскій, т. е. всадника скачущаго на конѣ со взмахнутымъ въ правой рукѣ мечемъ, а на оборотѣ строчную надпись: *Деньга Псковская;* потомъ при семъ же клеймѣ съ окружною подписью около всадника: *Государь всея Руси;* наконецъ около всадника съ окружною подписью: *Божіею Милостію Государь всея Руси;* а на оборотѣ строчная пропись *Деньга Псковская Заманина* (имя мастера). На нѣкоторыхъ примѣтна подъ конскими ногами буква Ж. А въ 1663 году Царь Алексій Михайловичь запретилъ уже во Псковѣ бить монету и штемпели отобралъ въ Мос-

кву. Впрочемъ изъ сравненія денежныхъ общественныхъ подарковъ, дававшихся отъ Новогородцевъ и Псковичей Великимъ Князьямъ, Посламъ, знаменитымъ гостямъ и въ окупъ непріятелямъ, замѣчательно, что Псковичи были гораздо бѣднѣе Новогородцевъ и въ деньгахъ, какъ и въ произведеніяхъ своей Области.

XI.

О разныхъ поколѣніяхъ Псковскихъ Князей, и о важнѣйшихъ происшествіяхъ при нихъ.

Въ торговлѣ, всегда требующей свободы и независимости имуществъ, Псковичамъ полезно было Республиканское Правленіе: но бывши вмѣстѣ и военнымъ народомъ, они для распоряженія войскъ и для походовъ на внѣшнихъ непріятелей весьма часто чувствовали нужду въ постоянномъ единоначаліи, высшемъ нежели временные, и по большой части только годовые избираемые и смѣняемые ими *Посадники* и *Тысяцкіе*. По сему-то принимали они къ себѣ Князей. Первые изъ нихъ назначаемы бывали Великими Князьями. Таковъ былъ и первый ихъ Князь *Труворъ*, данный имъ Рюрикомъ. По смерти *Труворд* 124 года Псковъ состоялъ подъ

управленіемъ Новогородскихъ Князей изъ рода Великихъ Князей Кіевскихъ: Потомъ Великій Князь *Владиміръ Святославичь* при раздѣленіи Россійскихъ Княженій дѣтямъ своимъ далъ Пскову особаго Князя *Судислава*; а по немъ *Ярославъ Владиміровичь* назначилъ имъ сына своего *Вячеслава*; послѣ коего Псковъ опять считался подъ управленіемъ Новогородскихъ Князей. Но поелику Князь *Ярославъ Владиміровичь* при переходѣ изъ Новагорода на Великое Княженіе Кіевское далъ Новогородцамъ право самимъ себѣ избирать Князей; то право сіе присвоили и Псковичи. По сему-то, когда первые выгнали отъ себя Князя *Всеволода Мстиславича*, то послѣдніе въ 1157 году приняли его къ себѣ, а по кончинѣ его предоставили у себя Княженіе брату его *Святополку Мстиславичу*. Послѣ его Псковъ около 60 лѣтъ зависѣлъ опять отъ Новогородскихъ Князей, и иногда отъ нихъ принималъ себѣ особыхъ, иногда же призывалъ къ себѣ изъ рода Смоленскихъ и Полотскихъ: но по большей части Псковичи бывъ ими всѣми не довольны, сами же изгоняли ихъ: А съ 1226 года отказавшись отъ всѣхъ, 8 лѣтъ управлялись своими Посадниками: О всемъ семъ первомъ періодѣ Псковскаго Княжества Исторія мало намъ оставила достопамятныхъ извѣстій и почти всѣ

произшествія тѣхъ временъ связаны были съ Исторіею Княжества Новогородскаго.

Важнѣйшій періодъ Псковской Исторіи начинается съ 13 столѣтія, когда Нѣмецкіе Рыцари заняли Лифляндію. До пришествія ихъ къ устью Двины народъ Лифляндскій издавна платилъ данъ Псковичамъ, какъ свидѣтельствуетъ Лѣтописатель Арнольдъ, Любекскій Аббатъ, жившій въ началѣ 13 вѣка и дополнявшій Славенскую Хронику Гелмолдову съ 1171 до 1209 г. и также Сіпаниславъ Сарницкій, Польскій дѣеписатель XVI вѣка; а Матѳей Стبراубичь (in descriptione Livoniæ) говоритъ, что когда первый Лифляндскій Епископъ Мейнгордъ основывалъ (въ 1186 г.) городъ Ригу и ближніе Замки, то напередъ испросилъ дозволеніе у *Владиміра Мстиславича*, Князя Псковскаго. Но сіи новопоселенцы, начавшіе обращать Лифляндцевъ не только въ свою Католицкую вѣру, но и въ подданство, стали отчуждать ихъ отъ подданства Пскову. Вышеупомянутый Арнольдъ пишетъ, что третій Епископъ Лифляндскій, Албертъ (бывшій съ 1199 г.), запретилъ уже имъ платить данъ Псковскому Князю, за что де Князь часто нападалъ и на Лифляндскую Землю и на городъ Ригу. Рыцари старались разными способами снискивать дружбу *Владиміровы* и на

конецъ переманивъ его къ себѣ, дали ему въ удѣлъ близъ Риги Идумейскую Область, а между тѣмъ время отъ времени усиливаясь приглашеніемъ къ себѣ многихъ Нѣмцовъ, начали распространять свои владѣнія. Скорые ихъ успѣхи въ покореніи сосѣдственныхъ Пскову Чудскихъ племенъ, приближеніе завоеваніями уже ко Псковскимъ границамъ, набѣги даже и на Псковскія и Новогородскія земли, а наконецъ въ 1223 году завладѣніе и Русскимъ городомъ Юрьевымъ, приводили въ страхъ Псковичей. Тщетно старались они превозмочь ихъ союзомъ съ Литовцами и призываніемъ Новогородцевъ на помощь. Успѣхи нѣсколькихъ походовъ, предпріятыхъ совокупно съ сими союзниками въ Лифляндію и Естляндію, были не долговременны; а наконецъ когда Новогородцы согласились даже уступить Юрьевъ Рыцарямъ; то Псковичи обманувшись въ надеждѣ на своихъ союзниковъ, разорвали съ ними дружбу и сами въ 1228 году заключили оборонительный договоръ съ Рыцарями, обязавшись имъ помогать противъ Литвы; а отъ нихъ требуя обороны отъ Новогорода. *Ярославъ* Князь Новогородскій, почитая сіе за измѣну Новугороду и наипаче оскорбясь тѣмъ; что Псковичи выслали даже изъ города его приверженцевъ, объявилъ имъ войну и съ войскомъ дошелъ уже до Дубровны

однакожъ услышавъ, что въ защиту Пскову идутъ Рыцари Лифляндскіе, остановился. Между тѣмъ Псковичи для переговоровъ выслали повѣренныхъ, которые объяснили, что не Псковъ измѣнилъ Новугороду, а сей оставилъ его безъ защиты. Такіе упреки произвели то, что Новогородскія войска не послушались уже *Ярослава* и отказавшись продолжать свой походъ, пошли обратно. Впрочемъ симъ не кончилось взаимное несогласіе, и Псковичи въ 1232 году приняли даже къ себѣ недоброхотовъ Ярославлихъ. За то *Ярославъ* остановилъ пропускъ къ нимъ своихъ товаровъ и наипаче соли, которою они пользовались большею частію изъ Области Новогородской; а сіе дѣйствительнѣе всего заставило ихъ смириться: Они выгнали отъ себя его непріятелей и приняли даже на Княженіе *Юрья Мстиславича*, шурина Ярославова. Но съ другой стороны Лифляндскіе Рыцари, старавшіеся разстроивать союзъ Псковичей съ Новогородцами, подняли съ 1233 года войну и продолжали оную три года. Вожатаями имъ при семъ походѣ служили два бывшіе, изгнанные Псковскіе же Князья, *Борисъ Игоревичь* и *Ярославъ Владимировичь* и вышеупомянутые недоброхоты Ярослава Новогородскаго, къ нимъ перебѣжавшіе. Они тайно провели отрядъ Лифляндскаго войска подъ Из-

барекъ и внезапно взяли оный. Псковичи услышавъ, поспѣшили на освобожденіе сей Крѣпости, обступили ее со всѣхъ сторонъ и взявъ тамъ Князя *Ярослава Владиміровича* съ Новогородскими бѣглецами и нѣсколькими Лифляндскими Чиновниками, отправили въ Новгородъ къ Князю *Ярославу Всеволодовичу*, который оковавъ ихъ, сослалъ на заточеніе въ Переславль. Но Лифляндцы въ отмщеніе защедши съ другой стороны, напали на Новогородскія волости изъ-за рѣки Наровы и взяли городъ Тесовъ, въ коемъ полонили Боярина *Кирилу Свинничча* и отведши его въ свой городъ Медвѣжью Голову (Одемпе), взаимно содержали его тамъ въ оковахъ съ 15 Августа до великаго поста. *Ярославъ Всеволодовичь* узнавъ о семъ, собралъ свои и Псковскія войска, пошелъ вмѣстѣ съ шуриномъ своимъ *Юрьемъ*, Псковскимъ Княземъ, подъ городъ Юрьевъ (Дерптъ); но не доходя до онаго, остановился. Лифляндцы вышедъ изъ Юрьева и Медвежьи Головы (Одемпе) напали на передовые ихъ отряды и сбивъ, гнались за ними до главнаго войска: но оно двинулось, разбило ихъ самихъ и погнало до рѣки Амовжи (Ембаха) къ самому Юрьеву. Многіе бѣжавшіе обломясь на льду, потонули; а еще больше Лифляндцевъ и Нѣмцовъ побито и плѣнено; прочіе почти на половину раненые ушли и за-

перлися въ городѣ. Ярославовы войска пустились потомъ по сторонамъ, разоряли, жгли и полонили окружныя Юрьевскія волости и принудили непріятеля просить о перемиріи, которое и заключено съ ними на три года. Псковичи свято сохраняли миръ сей, и когда въ 1237 году Рыцари, воевавшіе съ Литвою, попросили у нихъ помощи, то сіи отправили къ нимъ 200 лучшихъ своихъ ратниковъ съ Воеводою *Ястребомъ*. Однакожъ походъ ихъ какъ и самыхъ Рыцарей, послѣ первыхъ успѣховъ, наконецъ былъ неудаченъ. Ибо Литовцы сдѣлавъ засаду свою въ лѣсахъ, выманили непріятелей изъ крѣпкихъ мѣстъ на чистое поле, и окруживъ разбили всѣхъ и побили знатнѣйшихъ Воеводъ, а войска всего едва десятая часть возвратилась домой. Лифляндцы впрочемъ не были благодарны Псковичамъ за сію хотя и неудачную услугу, и при истеченіи перемирія Дерптскій Епископъ *Германъ* тотчасъ началъ оказывать непріязненныя дѣйствія на границахъ Псковской и Новогородской. Псковичи съ своей стороны въ 1240 году начали готовиться къ войнѣ. Епископъ призвалъ себѣ на помощь Лифляндскаго Орденмейстера *Германа де Балка* и Датскаго Воеводу, занимавшаго берега Естляндскія. Въ семъ походѣ съ ними были и два Датскіе Королевича *Абель* и *Ка-*

нуть; а всего войска ихъ было до 100,000, какъ пишетъ Кельхъ. Ушедшій опять въ Лифляндію изъ заточенія своего бывшій Псковскій Князь *Ярославъ Владиміровичь* взялся быть имъ вожатаемъ. Они подошли сперва къ Изборску, осадили и взяли сію Крѣпость, побили тамъ до 600 Псковичей и съ ними Псковскаго Воеводу *Гаврилу Борисовича*; потомъ двинулись прямо ко Пскову. Встрѣтившіе ихъ за городомъ Псковичи были разбиты, а убѣжавшіе заперлись съ гражданами въ стѣнахъ. Семь дней Лифляндцы осаждали городъ и ничего больше не успѣли, кромѣ что сожгли за стѣнами Посадъ. Но *Ярославъ* имѣлъ во Псковѣ приверженца къ себѣ одного знаменитаго гражданина *Твердила*, или *Твердислава Ивановича*, который тайно отворилъ Лифляндцамъ одни ворота и неожиданно впустилъ ихъ въ городъ. Граждане увидѣвъ среди себя непріятелей, не смѣли уже противиться; а Псковскій Князь *Юрій* немедленно выѣхалъ въ Новгородъ и за нимъ поспѣшили многіе изъ лучшихъ Псковичей съ семьями своими (*). Орденмейстеръ

(*) Лифляндскія Лѣтописи говорятъ, якобы Псковскій Князь самъ здалъ имъ городъ. Арндтъ Псковскаго Князя здавшаго сей городъ и потомъ удалившагося называетъ *Ярополкомъ*. Но Князя сего ученя не было никогда во Псковѣ; и потому надобно разумѣть или *Юрія*, въ сіе время княжившаго здѣсь, или *Ярослава*, мо-

учредилъ тогда во Псковѣ свое Правленіе, оставилъ тамъ своихъ Намѣстниковъ и Тіуновъ, а въ числѣ первыхъ опредѣлилъ измѣнника *Твердила*; взялъ къ себѣ въ залогъ дѣтей знатнѣйшихъ гражданъ и потомъ пошелъ далѣе разорять Новогородскія волости по Шелонской Пятинѣ; наложилъ вездѣ дани, построилъ въ Копорьѣ свою Крѣпость, взялъ городъ Тесовъ и грабилъ Новогородскихъ купцовъ даже за 30 верстъ отъ Новагорода. Около двухъ лѣтъ Лифляндцы владѣли всѣми сими завоеваніями своими. Къ несчастію тогда Новогородцы растроены были раздорами между собою и съ Княземъ своимъ *Александромъ Ярославичемъ Невскимъ*, который отъ нихъ даже выѣхалъ; и потому не только не могли они защитить Псковичей, но и себя оборонить отъ нападеній; а южныя Княжества Россійскія всѣ въ то время страдали отъ нашествія Татаръ, которые доходили уже за 100 верстъ и до Новагорода. Ужасъ и опасность со всѣхъ сторонъ заставили Новогородцевъ смириться и просить защиты отъ Князя *Александра Ярославича*, который возвратясь

тиана и вожатая Лифляндцевъ, который пребывая у нихъ, продолжалъ именоваться *Псковскимъ Княземъ* и введши ихъ измѣнникъ Твердислава въ городъ, могъ хвалиться сдачею имъ онаго.

въ Новгородъ и узнавъ обстоятельно о завоеваніяхъ Лифляндцевъ, немедленно собралъ Новогородскія, Ладожскія, Корельскія и низовыя войска, пошелъ съ братомъ своимъ *Андрѣемъ* поспѣшно чрезъ Копорье ко Пскову, побилъ всѣхъ Нѣмцевъ, властвовавшихъ уже въ Водской Пятинѣ Новогородской, занялъ всѣ пути и проходы, и вшедши нечаянно во Псковъ, захватилъ всю Рыцарскую стражу и Лифляндскую Чудь, сковалъ Намѣстниковъ Рыцарскихъ и отослалъ ихъ въ Новгородъ. Лифляндскія Лѣтописи говорятъ, что онъ тогда 70 человѣкъ Рыцарей и многихъ другихъ Нѣмцевъ со всею ихъ городовою стражею изрубилъ, не пощадивъ и 6 человѣкъ сдавшихся ему. Сіе происходило въ Мартѣ 1242 года, когда еще Псковское и Чудское озера покрыты были льдомъ; а потому легко было предвидѣть, что Лифляндцы, услышавъ о переворотѣ во Псковѣ, поспѣшатъ кратчайшимъ путемъ къ сему городу. *Александръ* отправилъ сторожевой полкъ по льду на Чудское озеро и поставилъ его близъ урочища Воронья Камня. Лифляндскій Орденмейстеръ дѣйствительно не замедлилъ явиться съ сильнымъ корпусомъ войскъ Лифляндскихъ, и встрѣтивъ упомянутый полкъ, устремился на оный треугольною колонною и разорвалъ его. Но *Александръ* подоспѣлъ оному на по-

мощь, и 5 Апрѣля произошло на льду кровопролитнѣйшее сраженіе, кончившееся совершеннымъ разбитіемъ Лифляндцевъ. До 400 или 500 пало Рыцарей въ бою, а 50 захваченные въ плѣнъ ведены были по льду босые до Пскова. Чудскія войска всѣ обратились въ бѣгство; ихъ гнали цѣлый день до самаго Сабилитскаго берега, и на пространствѣ семи верстъ побитые лежали кучами; а многіе проломясь на льду потонули. Новогородцы и Псковичи готовились уже выступить на Лифляндскій берегъ: однакожъ, поелику Орденмейстеръ, устрашась опустошеній, прислалъ просить мира, обѣщаваясь не токмо не вступаться въ Лугскія и Вотскія волости, но и уступить нѣкоторыя Латышскія земли; то *Александръ* доволенъ былъ сею покорностію непріятелей и съ торжествомъ возвратился во Псковъ. Духовенство встрѣтило избавителя своего съ Крестнымъ ходомъ, а народъ съ восклицаніями. Побѣдитель, при семъ случаѣ подтверждая Псковичамъ, помнить оказанное имъ благодѣяніе, примолвилъ выразительныя слова, записанныя во Псковской Лѣтописи: *Сеже вамъ глаголю*, сказалъ онъ, *аще кто изъ наслѣдникъ моихъ и племенникъ прибѣжитъ въ печали, или тако жить придетъ въ Плесковъ, и не примете его, или не почтете его, и наречетесь вторая Жидова.* Псковичи

дѣйствительно не забыли сего завѣщанія, и когда Александровъ братъ *Андрей Ярославичь* въ 1252 году согнанъ былъ Татарами съ Великаго Княженія Владимирскаго, то дали ему они у себя убѣжище и для большей безопасности отпустили къ Лифляндскимъ Рыцарямъ, а по другимъ Лѣтописямъ, якобы въ Швецію, и Княземъ у себя во Псковѣ оставили другаго его брата *Ярослава Ярославича* Тверскаго, чрезъ три года отъ нихъ перешедшаго въ Новгородъ. Въ его княженіе 1253 года Псковъ опять вытерпѣлъ сильную осаду и разореніе окрестностей отъ Лифляндцевъ. Всѣ Посады около стѣнъ города ими выжжены и Псковичи не въ состояніи бывъ отразить ихъ, ожидали только помощи отъ Новогородцевъ, которые вскорѣ пришедши, дѣйствительно избавили ихъ и совокупясь пошли вмѣстѣ на самихъ Лифляндцевъ за рѣку Нарову, гдѣ взаимно произвели разореніе и опустошеніе. Послѣ того заключили миръ.

По отъѣздѣ *Ярослава* Псковичи въ 1258 году приняли къ себѣ Александрова сына, Новогородскаго Князя *Василія*, который бѣжалъ къ нимъ отъ Татаръ, пришедшихъ съ отцомъ его переписывать Новогородскій народъ. Но за сіе принятіе строго *Александромъ* были наказаны и нѣкоторымъ друзьямъ Василіевымъ носъ и уши были

обрѣзаны; другіе лишены зрѣнія, а инымъ отсѣчены руки. Самъ *Василій* сосланъ былъ отцемъ на заточеніе въ низовыя по Волгѣ стороны. Изъ сего можно заключать, что преступленія его были болѣе, нежели одинъ побѣгъ. По смерти Александровой съ 1263 года Псковичи приняли къ себѣ на княженіе племянника его *Святослава Ярославича*, сына княжившаго у нихъ *Ярослава Ярославича*; а по немъ съ 1260 года избрали вышедшаго къ нимъ изъ Литвы Князя *Доманта*, который женился на внукѣ *Александра* Невскаго, дочери сына его *Димитрія Александровича*. Послѣ Доманта предоставили они княженіе сыну его *Давиду*. Послѣ него съ 1327 года приняли они къ себѣ на княженіе убѣгавшаго отъ Татаръ Тверскаго Великаго Князя *Александра Михайловича*, внука *Ярослава Ярославича*, и по немъ съ 1339 года сына его *Всеволода Александровича*. Такимъ образомъ Псковское Княженіе оставалось около 100 лѣтъ въ родѣ *Александровомъ*. Сверхъ того и многіе изъ его же потомковъ Князья находили себѣ во Псковѣ убѣжище и защиту отъ гоненій, какъ то Великій Князь *Димитрій Александровичь* Тверскій, шесть Домантовъ, жилъ цѣлый 1293 и потомъ еще 1302 годъ во Псковѣ; равно и братъ его *Константинъ Михайловичь* нашелъ тутъ же себѣ безо-

пасное пребываніе; также и Великій Князь *Юрій Даниловичь* цѣлый 1322 годъ пребывалъ у Псковичей. Но княжившіе во Псковѣ потомки *Александровы* по разнымъ причинамъ кратковременно пребывали у нихъ и болѣе у *Липовскихъ* своихъ сродниковъ; а потому и Псковъ часто имѣлъ только Намѣстниковъ отъ нихъ, а иногда отъ Новогородскихъ Князей изъ *Александрова* же рода; во внутреннихъ же Гражданскихъ дѣлахъ управлялся своими Посадниками. Одинъ только *Домантъ* неотлучно княжилъ у нихъ 33 года и оказалъ имъ важнѣйшія услуги безпрестаннымъ почти защищеніемъ ихъ наипаче отъ *Лифляндцевъ*, которые сверхъ многократныхъ малыхъ набѣговъ на Псковскія земли, трижды весьма великими ополченіями нападали на самый Псковъ: но всякой разъ были побѣждаемы и прогоняемы *Домантомъ*. . Сверхъ сего Псковъ обязанъ *Домантu* построеніемъ первой каменной Крѣпости и весьма многими полезными учрежденіями. Въ его правленіе Псковичи около 1290 года вмѣстѣ съ Новогородцами приняты въ Ганзейской торговый союзъ Сѣверныхъ Нѣмецкихъ городовъ, о чемъ сказано уже выше. Во все продолженіе княженія потомковъ Александровыхъ во Псковѣ, родственные ихъ союзы съ Липовскими Князьями также полезны были

для Пскова, по крайней мѣрѣ спокойствіемъ отъ Литовцевъ; между тѣмъ какъ Новогородцы, терзаемые внутренними раздорами и утѣсняемые Великими Князьями Владимірскими и Московскими, а потомъ и Литовскими, съ исхода XIII столѣтія начали уже терять права особеннаго своего княженія и состояли большею частію подъ управленіемъ самихъ Великихъ Князей Владимірскихъ и ихъ Намѣстниковъ; а со времени княженія Великаго Князя *Іоанна Даниловича Калиты*, и именно съ 1334 г. вовсе уже не имѣли Князей Русскихъ и тщетно усиливались защитить свою вольность то приниманіемъ къ себѣ Литовскихъ Князей, то само-управнымъ противоборствіемъ Московскимъ Великимъ Князьямъ.

Въ 1341 году выѣхалъ изъ Пскова въ Новгородъ послѣдній рода Александрова Князь *Всеволодъ Александровичь*. Псковичи, на то время терпѣвшіе нападенія отъ Естляндцевъ, послали къ нему просить для Начальства себѣ хотя Намѣстника. Но когда и онъ и Новогородцы по какому-то неудовольствію въ томъ имъ отказали, то они не надѣясь уже на ихъ защиту, обратились къ *Олгерду*, Великому Князю Литовскому, имѣвшему уже нѣкоторыя владѣнія и въ Новогородской Области, и у него испросили сперва вспомогатель-

ное войско, а потомъ приняли къ себѣ на княженіе сына его *Андрея*. Однакожъ, поелику сей Князь проживалъ болѣе въ Полоцкѣ и чаще управлялъ посредствомъ Намѣстниковъ своихъ; то завистливые Новогородцы, не желая потерять прежнихъ правъ своихъ и вліянія надъ Псковомъ, опять начали вмѣшиваться въ ихъ внутреннія дѣла, и даже присылали къ нимъ своихъ Намѣстниковъ и Посадниковъ безъ ихъ прозбы. Псковичи терпѣли пока сіи насилія: но когда въ 1347 году Шведскій Король *Магнусъ* напалъ на сѣверныя Новогородскія Крѣпости и завладѣвъ Орѣховцемъ, выгналъ оттуда Литовскихъ Олгердовыхъ Намѣстниковъ, а Новгородцы сами собою не въ состояніи бывъ защищаться, просили у Псковичей помощи; то сіи договоромъ испребовали отъ нихъ 1) дабы они впредь считали Псковъ не иначе, какъ *меньшимъ* своимъ *братомъ*, а не подвластнымъ 2) чтобы Посадниковъ своихъ къ нимъ не присылали и Псковичей не судили 3) и по Духовнымъ дѣламъ чтобы Архіепископскіе Намѣстники были не изъ Новгородцевъ, но изъ Псковичей же, и въ Новгородъ Духовныхъ подъ судъ не привлекали. Правда договоръ сей послѣ не всегда въ точности соблюдался. Ибо Новогородцы около самаго Пскова долго еще удерживали за собою

нѣкоторыя земли и для оныхъ имѣли во Псковѣ особаго своего Тіуна и печать. При томъ и Псковъ имѣлъ частую нужду въ помощи Новогородцевъ; а отъ Литовскихъ Князей мало получалъ оной. Въ самое то время, когда Псковичи ходили на помощь Новогородцамъ, Лифляндцы зашедши отъ рѣки Наровы, опустошили Псковскія селенія, подошли подъ самый Псковъ, выжгли Завеличье и вышли къ Изборску; оставивъ слѣды разоренія повсюду; а Князь ихъ *Андрей Олгердовичь* не заботясь о томъ, жилъ въ Полоцкѣ. Для сего-то въ слѣдующемъ 1349 году они отказали и ему отъ княженія у себя и семь лѣтъ управлялись своими Посадниками; а за тѣмъ начали принимать къ себѣ разныхъ пришлыхъ Князей, между коими опять у нихъ былъ и *Андрей Олгердовичь*. Но всѣ они мало дѣлали имъ пользы, и они принуждены были прибѣгать съ прозбами о защитѣ то къ Новогородцамъ, то къ Великому Князю Московскому. Наконецъ, когда по сверженіи Татарскаго ига Великій Князь Московскій началъ приходить въ силу и разпространять власть свою на всѣ Удѣльныя Россійскія Княжества, а Князь *Андрей* отрекся въ 1399 году за себя и за сына своего отъ княженія Псковскаго; то они начали просить себѣ Князей уже у Московскаго Великаго

Князя, предаваясь ему въ главное покровительство; а потому онъ началъ именовать Псковъ своею *Отчиною* и съ сего времени начался третій важнѣйшій періодъ ихъ Псковскаго Княженія.

Первымъ Княземъ отъ Великаго Князя Московскаго Василія Димитріевича съ 1399 года опредѣленъ былъ во Псковъ зять его, *Иванъ Всеволодовичь Холмскій*. Но не извѣстно, какія неудовольствія со стороны Псковичей, или сего даннаго имъ Князя были причиною, что онъ не пробылъ у нихъ и полугода, и намѣсто его присланъ другой *Даніилъ Александровичь Ростовскій* съ званіемъ уже *Намѣстника* Великокняжескаго. Сіе тиило ихъ Князя означало ближайшую зависимость ихъ отъ самаго Великаго Князя и предвѣщало уже ограниченіе правъ ихъ. Но непріятельскія со всѣхъ сторонъ нападенія отъ *Лифляндцевъ*, отъ *Литовскаго* Великаго Князя *Витовта* и отъ Смоленскаго *Юрія*, со стороны же Новогородцевъ совершенное почти оставленіе безъ помощи, не позволяли еще имъ на сіе обратить свое вниманіе. Притомъ въ шестилѣтнее сего Намѣстника правленіе, Великій Князь одолжилъ ихъ присылкою на помощь Московскаго войска съ братомъ своимъ *Петромъ Димитріевичемъ*. Но послѣ обезопасенія себя отъ внѣшнихъ враговъ,

они вспомнили свою Республиканскую вольность, вздумали обвинять Князя *Даніила* въ усилившейся 1407 года у нихъ моровой язвѣ и выгнали его, а у Великаго Князя требовали себѣ уже не *Намѣстника*, но *Владѣтельнаго Князя*. Великій Князь *Василій Димитріевичъ* сдѣлалъ имъ сіе снисхожденіе и прислалъ имъ своего меньшаго брата *Константина*, который засталъ Псковъ опустошеннымъ сверхъ язвы еще пожаромъ и въ нападеніяхъ отъ Естляндцевъ, разорившихъ нѣсколько Псковскихъ волостей за рѣкою Наровою. Онъ послалъ къ Новогородцамъ просить помощи, но не получивъ, собралъ изъ своихъ Пригородовъ нѣсколько войска и 26 Іюня выступилъ въ походъ; 30 тогожъ мѣсяца переправился чрезъ Нарову и прошелъ Естляндію даже до Порха, куда, какъ говоритъ Псковская Лѣтопись, со временъ Князей *Доманта* и *Давида* Псковичи не ходили; а оттуда возвратился съ добычею. Но и сей Князь не извѣстно за чѣмъ Іюля съ 20 уѣхалъ въ Москву и пробылъ тамъ около полугода. Въ отсутствіе его Псковичи вытерпѣли сильныя нападенія. Лифляндскій Орденмейстеръ *Конрадъ Фитингофъ* въ Августѣ 1407 г. съ многочисленнымъ войскомъ своимъ и Курляндскимъ подошелъ почти подъ самый Псковъ и остановился въ Туховичахъ у броду. Псковичи

собравъ изъ ближнихъ волостей нѣсколько рати, завалили броды и мужественно воспротивились его переправѣ, такъ что простоявъ на семъ мѣстѣ безъ успѣха 4 дни, пошелъ онъ назадъ; а Псковская рать догнавши его за Камномъ на Логозовицкомъ полѣ, Августа 21 съ нимъ сразилась, но была разбита и легло на полѣ изъ нихъ до 700 человѣкъ и три Посадника. Къ счастію Орденмейстеръ не рѣшился возвращаться къ городу и ушелъ домой. Другой Псковской отрядъ въ лодкахъ покусился было пойти за Нарову: но тамъ встрѣтивъ Естляндское войско на озерѣ въ Осашкѣ, обратился назадъ, бросивъ даже своихъ 7 насадовъ. На весну Лифляндскій Орденмейстеръ совокупясь уже съ Литвою, въ началѣ Февраля пришелъ опять двумя корпусами на Псковскую Область и однимъ осадилъ городъ Велье, а съ другимъ самъ пришелъ подъ Демяницы и Залѣшье. Двѣ недѣли разоряли они волости даже до рѣки Черехи, а Князь *Константинъ* хотя тогда уже и возвратился во Псковъ, но не вышелъ противъ непріятелей. Такое малодушіе, или можетъ быть недоброхотство Псковичамъ огорчило ихъ и они послали за прежнимъ своимъ Княземъ *Даніиломъ Александровичемъ*, княжившимъ въ Порховѣ, а по прибытіи его, Февраля 2 выслали отъ себя съ презрѣ-

ніемъ *Константина*. При *Даніилѣ* Лифляндцы опять появились небольшими отрядами подъ Вельемъ: но Вельянами и Вороничами прогнаны, а съ осени заключено съ ними и съ Липовцами перемиріе на годъ. По истеченіи срока непріятели опять вторглись во Псковскія границы и подходили даже ко Пскову, а потомъ прорывались и въ Новогородскіе предѣлы: но злобившіеся на Псковъ Новогородцы ни себя, ни Псковичей не защищали и даже пересылалися особо съ непріятелями Псковскими.

По кончинѣ Князя *Даніила*, случившейся во Псковѣ 1409 года, Псковичи у Великаго Князя Московскаго *Василія Димитріевича* испросили себѣ Князя *Александра Ѳеодоровича Ростовскаго*: но опасаясь уже ограниченія правъ своихъ и вольности, вздумали привести сего Князя къ Крестному цѣлованію въ томъ, чтобы онъ не нарушалъ древнихъ Псковскихъ Уставовъ и обычаевъ. Однакожъ предосторожность сія была уже тщетна. Присыланные отъ Великаго Князя всѣ Князья Псковскіе въ надеждѣ на него, а можетъ быть и по наставленію его самаго, дѣйствовали самовластно, хотя съ сего времени всѣ давали Пскову присягу. Съ другой стороны, дабы обезопасить себя отъ Литвы, Псковичи отправили къ Литовскому Великому Князю *Витовту* По-

садника *Якима* съ двумя Боярами и заключили съ нимъ миръ безъ участія Новогородцевъ. Но въ 1412 году выѣхалъ отъ нихъ съ неудовольствіемъ Князь *Александръ*, и по прозбѣ ихъ присланъ къ нимъ опять братъ Великаго Князя *Константинъ*, который примирилъ ихъ съ Новогородцами, хотя и не надолго: а чрезъ два года и онъ оставилъ Псковъ. На мѣсто его выпросили они себѣ Князя *Андрея Александровича Ростовскаго*: но въ 1417 г. сами его выгнали а приняли брата его *Ѳедора Александровича*, который въ 1420 самъ отказался отъ княженія. Слѣдующіе за нимъ Князья иные присылаемы были отъ Великаго Князя Московскаго, а иные безъ отношенія къ нему самими Псковичами по древнему праву своему принимаемы были: но рѣдкіе пребывали у нихъ по нѣскольку лѣтъ, и многіе выгнаны. Столь частыя перемѣны Князей очевидно вредны были самимъ Псковичамъ. Но не видя въ нихъ надежной себѣ защиты противу сильныхъ сосѣдей, особливо при союзѣ ихъ между собою, они не знали къ кому лучше обратиться; а часто и за самую приверженность къ Московскому Великому Князю страдали отъ Литовцевъ и отъ Лифляндцевъ. Въ 1402 году *Свидригайло*, Князь Литовскій, по согласію съ *Витовтомъ* и съ Прусскимъ Орденомъ, постановилъ даже до-

говоръ, кѣмъ изъ нихъ ни завоеванъ будетъ Псковъ, уступитъ оный во владѣніе Рыцарямъ. Въ 1408 году *Витовтъ* хотѣлъ уже посадить своего Князя во Псковѣ, а Стрыковскій пишетъ, что якобы онъ въ 1414 году дѣйствительно посадилъ въ Новѣгородѣ и Псковѣ своихъ Князей и обложилъ сіи города податью. Но ни Псковскія, ни другія Лѣтописи наши не говорятъ сего. Впрочемъ частыя тѣхъ и другихъ сосѣдей иногда и безъ причины покушенія на Псковъ доказывали сіе ихъ намѣреніе; а потому хотя Псковичи отъ времени до времени мирилися съ обоими, но не могли твердо быть увѣрены въ ихъ мирѣ, и тогда только бывали нѣсколько спокойны, когда они между собою находились въ раздорѣ. Въ 1415 году Литовскій Великій Князь *Витовтъ*, идучи войною на Новгородъ, подошелъ и ко Пскову, и не смотря на заключенный за пять лѣтъ до того миръ, взялъ со Псковичей окупъ: а въ предшедшемъ году лѣтомъ Юрьевцы въ Нейгаузенѣ изрубили одного Псковскаго посла, и взаимно Псковичи Юрьевскаго, не смотря на бывшее также перемиріе. Но иногда и при раздорѣ Литовцевъ съ Лифляндцами Псковичи находили себя въ затрудненіи. Такимъ образомъ въ 1417 году *Витовтъ*, намѣреваясь напасть на Рыцарей, прислалъ требованіе ко

Псковичамъ, чтобы они разорвали миръ съ ними и шли на нихъ войною: но Псковичи опасаясь больше вѣроломства Витовтова, отправили съ извѣстіемъ о семъ требованіи въ Ригу пословъ своихъ *Юрья* и *Данилу*, которые при посредствѣ бывшаго тамъ же посла Великаго Князя Московскаго, Ноября 8 въ Киремпѣ подписали договоръ о продолженіи обоюднаго мира еще на 10 лѣтъ, съ обязательствомъ, чтобы имѣть взаимную свободу торговли, чтобы въ обидахъ съ обѣихъ сторонъ рѣшиться судомъ, а не оружіемъ, и чтобы не давать прохода чрезъ свою землю врагамъ чьейлибо стороны. Но въ сей союзъ не включенъ былъ Дерптскій Епископъ, съ коимъ продолжались несогласія Псковичей о границахъ и прочемъ. Онъ даже просилъ Витовта о посредствѣ между ими и сей присылалъ о томъ Граммату Псковичамъ, но безъ успѣха. Въ 1421 году *Витовтъ* опять повторилъ имъ требованіе итти съ нимъ на Рыцарей, и хотя они чрезъ Посольство ему отвѣтствовали, что у нихъ давно уже заключенъ миръ съ Лифляндцами и обязательство не помогать ему: но оправданіе сіе не принято и съ тѣхъ поръ началъ онъ имъ отмщать набѣгами; а около сего времени часто возобновлявшаяся во Псковскихъ Областяхъ моровая зараза, неурожай хлѣба, также

притѣсненія отъ Новогородцевъ, еще болѣе изнуряли ихъ. Три раза отправляли они пословъ къ Великому Князю Московскому *Василію Димитріевичу*, зятю Витовтову, просить, чтобы онъ умирилъ его, или защитилъ бы Псковъ силою: но помощи не получили. Въ 1424 году и къ *Витовту* посылали они Посадника съ Боярами: но сей встрѣтилъ ихъ съ яростію. Потомъ обратились они къ Лифляндцамъ и подтвердили съ ними еще миръ на 3 года; но кромѣ сего ничего не получили. Князья присыланные имъ отъ Великаго Князя Московскаго, даже и по выбору ихъ, только что спорили съ ними о власти, а при бѣдствіяхъ оставляли ихъ. Въ 1426 году отъ моровой язвы и отъ нашествія Литовскаго Великаго Князя *Витовта*, Князь ихъ *Ѳедоръ Патрикіевичъ* постыдно ушелъ въ Москву. А поелику тогда уже скончался Московскій Вел. Князь *Василій Димитріевичъ* и на Престолъ его вступилъ малолѣтній сынъ его *Василій Васильевичъ*, то Псковичи рѣшились не просить у него новаго себѣ Князя, и три года управлялись Посадниками своими.

Между тѣмъ *Витовтъ* съ 29 Іюня 1426 года объявивши войну Пскову, собирался уже вступить въ Области его. Гадебушъ пишетъ, что къ сей войнѣ наклонилъ его Дерптскій Епи-

скопъ, потерпѣвшій въ то время разоренія отъ Псковичей. Августа 1. съ своими, наемными Богемскими, Волошскими и Татарскими войсками явился онъ у Опочки, и осадилъ сей городъ. Псковичи успѣли туда прислать только 50 человѣкъ засадныхъ ратниковъ съ орудіями: но и сія помощь была достаточна Опочанамъ при ихъ собственной храбрости, достойной замѣчанія. До приходу еще непріятелей они повѣсили тонкій мостъ предъ воротами своей Крѣпости на веревкахъ, и подъ нимъ набили острыя колья; а когда осаждающіе взбѣжали на оный, то подрѣзали они веревки и такимъ образомъ посадили множество ихъ на колья; захваченныхъ же въ плѣнъ мучили въ виду самаго непріятеля. Сверхъ того кидая изъ-за стѣнъ каменьями и бревнами, мужественно отразили враговъ и многихъ изъ нихъ побили подъ стѣнами, а чрезъ двои сутки заставили ихъ отступить. *Витовтъ* оттуду пошелъ къ Вороничу и съ 5 Августа три недѣли держалъ въ осадѣ сію Крѣпость, разбивая стѣны пушками и бросая чрезъ оныя каменья: но взять также не могъ. Псковичи по прозбѣ Вороничанъ прислали туда къ нему Посадника своего *Ѳедора Шибалкинича* съ Боярами для переговоровъ: но онъ ни начто не согласился и уже будучи

устращенъ въ ночи грозною нашедшею на войско его тучею, далъ Воронича-намъ перемиріе, и то для размышленія только о здачѣ. Отъ Воронича разослалъ онъ войска подъ другія Псковскія Крѣпости. Ближайшія оттуда были Вильевская, Вревская и Котельная. Первую защищали Островитяне своими набѣгами на непріятельскіе станы и побили нѣсколько Татаръ, стоявшихъ въ лѣсу; вторую оберегали сами Вревичи, а въ третію Псковичи отправили двухъ своихъ Посадниковъ *Сильвестра* и *Ѳедора Шибалкинича* съ 400 ратниковъ: но они подходя туда, нечаянно нашли на 7600 Литвы и Татаръ, которые напавъ на нихъ, 17 человѣкъ убили, а 13 захватили. Прочіе однакожъ сражавшись съ ними храбро и положивши многихъ на мѣстѣ, пробились до Крѣпости и въ оной засѣвши, затворились. Во Псковѣ готовились также ко встрѣчѣ *Витовта*, и уже обожгли около города всѣ Посады; а къ Новогородцамъ и къ Великому Князю Московскому сколько ни посылали съ прозбами, но помощи не получили. Псковская Лѣтопись говоритъ, что Новогородцы хотя и отправляли къ Витовту посломъ своего Посадника, но Псковичамъ же на зло; а Великій Князь Московскій *Василій Васильевичь* тогда занятъ былъ войною съ братомъ своимъ *Юрьемъ Димитріе-*

витемъ. Почему Псковичи рѣшились еще сами склонять Витовта къ миру и отправили къ нему двухъ Посадниковъ *Якима Павловича* и *Ѳеодосія Ѳеофиловича* съ Боярами. Нѣкоторыя Лѣтописи говорятъ, что съ ними былъ и посолъ Великаго Князя Московскаго, ходатайствовавшій за Псковичей. По многихъ переговорахъ они умолили *Витовта* склониться и 25 Августа помирились на условіи, заплатить ему 1000 рублей въ Вильнѣ 6 Генваря. Псковскихъ плѣнниковъ, взятыхъ подъ Котельномъ, онъ тогда же выдалъ на поруку Посадникамъ съ тѣмъ, чтобы они представили ихъ въ Вильну же. Въ слѣдующую зиму Псковичи посылали опять въ Москву къ Великому Князю Посадника *Юрья Тимоѳѣевича* съ Боярами просить, что бы онъ для посредства между *Витовтомъ* и ими прислалъ своего посла, который и былъ наряженъ. Съ нимъ отправили они при своихъ двухъ Посадникахъ и Боярахъ въ Вильну какъ договорныя деньги, такъ и Котельницкихъ плѣнныхъ. Но Витовтъ принявъ деньги, засадилъ у себя и плѣнныхъ, не уваживъ и Великокняжескаго посла. Одна Лѣтопись говоритъ, что онъ даже обязалъ Великаго Князя Московскаго присягою, не вступаться ни за Новгородцевъ, ни за Псковичей. Уже второе къ нему посольство отправлен-

ное за 3 недѣли до великаго поста освободило плѣнниковъ, обѣщавъ за нихъ еще окупу 450 рублей, которыя къ Покрову дню, на срокъ назначенный ему и доставили. При заключеніи сего мира *Витовтъ*, умышлявшій напасть и на Новгородцевъ, истребовалъ отъ Псковичь еще обязательство, чтобы они имъ не помогали. Въ самомъ дѣлѣ слѣдующаго же 1428 года онъ явился подъ Порховомъ и взялъ съ Порховитянъ и Новогородцевъ 15,000, а по Новогородской *Лѣтописи*, 10,000 рублей и сверхъ того за плѣнныхъ 1000, по другой же *Лѣтописи* 3000 рублей:

Но едва кончилась война съ *Витовтомъ*, то *Лифляндцы* по истеченіи трехлѣтняго перемирія начали нападать на Псковскихъ людей и вопервыхъ убили 6 человѣкъ Опоческихъ борщниковъ, потомъ на верховьѣ рѣки Великой много пожгли селеній и порубили поселянъ, а наконецъ начали и сѣно косить на Псковскихъ земляхъ при озерѣ. Псковичи отправясь по озеру на двухъ насадахъ, сѣно ими кошенное сожгли, а 7 человѣкъ Чухонцевъ у Выбудска повѣсили. Можно было за симъ ожидать новой войны: но все кончилось переговорами и миромъ съ Рыцарями и Дерптскимъ Епископомъ по прежнему. Оставались имъ одни только враги Новогородцы, у которыхъ

каждый годъ просили они примиренія, но едва получили уже въ 1434 году.

Вскорѣ по заключеніи перемирія съ Лифляндцами, Псковичи рѣшились опять принять себѣ Князя и послали къ Великому Князю Московскому просить преждебывшаго у нихъ *Александра Ѳедоровича*, который и данъ имъ. Но онъ прислалъ къ нимъ сперва только своего сына *Димитрія*, а самъ по вторичной уже прозбѣ ихъ прибылъ къ нимъ въ 1429 г. чрезъ три мѣсяца. Въ правленіе его по смерти *Витовта* произшедшія въ *Литвѣ* междоусобія о наслѣдіи Престола между *Сигисмундомъ* и *Свидригайломъ*, Княземъ Литовскимъ, принятымъ въ покровительство и отъ Великаго Князя Московскаго, потребовались и со стороны Псковичей обезпеченія своихъ границъ отъ Полотска, гдѣ княжилъ безпокойный *Свидригайло*. Они въ 1432 году отправили къ нему посольство, которое однакожъ на первый разъ было безъ успѣха. Уже второе успѣло съ нимъ заключить миръ на Витовтовыхъ условіяхъ; а сверхъ того взаимно положено въ нужныхъ случаяхъ другъ другу помогать войсками. По заключеніи сего союза чрезъ два года выѣхалъ отъ нихъ въ Москву со всѣмъ домомъ Князь *Александръ*, оставивъ княжить во Псковѣ зятя своего, Князя *Володимера Даниловича*, который

успѣлъ помирить ихъ и съ Новгородцами. Онъ принялъ княженіе безъ позволенія Великаго Князя, потому что тогда о Великомъ княженіи Московскомъ происходили еще споры между Князьями *Василіемъ Васильевичемъ* и *Юріемъ Димитріевичемъ*. Но когда первый утвердился на Престолѣ, то прислалъ было своего имъ Князя *Бориса Васильевича*: однакожъ Псковичи выпросили *Владиміру* дозволеніе оставаться у нихъ, а чрезъ три года сами выгнали его и безъ отношенія къ Великому Князю приняли къ себѣ *Литовскаго Князя Александра Ивановича*. Великій Князь имѣвши тогда войну съ Новгородцами, оставилъ безъ вниманія сей ихъ поступокъ, а только потребовалъ отъ нихъ, чтобъ разорвали они свой миръ съ Новгородомъ, возвратили оному мирные свои договоры, а ему дали вспомогательное войско. Псковичи безпрекословно исполнили требованіе сіе и даже усердно содѣйствовали. Ибо пока между Великимъ Княземъ и Новогородцами происходили переговоры, Князь *Александръ* со Псковскимъ войскомъ вступилъ въ Новогородскіе предѣлы и на 300 верстъ отъ Порхова въ длину, а на 50 въ ширину, опустошилъ Новогородскія волости. Но и Новогородцы съ своей стороны въ отмщеніе вторгались также во Псковскія. По окончаніи войны благо-

получно возвратился онъ во Псковъ: а при случившейся въ 1442 году здѣсь сильной моровой язвѣ заразясь, скончался. Тогда Великій Князь уже безъ выбора и прозбы Псковичей прислалъ имъ своего Намѣстника Князя *Александра Васильевича Черторижскаго* и повелѣлъ ему присягнуть уже не одному Пскову по прежнему обыкновенію, но вмѣстѣ и себѣ. Такая двоякая присяга Княжеская была первою во Псковѣ и означала явно, что Князья, правительствующіе симъ Княжествомъ, были уже прямые вазаллы, или подданники Великаго Князя. Кажется, Псковичи сперва воспротивились сей новизнѣ. Ибо хотя Князь *Черторижскій* прибылъ къ нимъ 3 Марта 1443 года: но въ должность совершенно вступилъ уже 25 Августа по прибытіи нарочныхъ пословъ Великокняжескихъ, въ присудствіи коихъ онъ въ Троицкомъ Соборѣ возведенъ на княженіе и далъ вышеупомянутую присягу. Впрочемъ Князь сей ревностно защищалъ права и владѣнія Псковичей, успѣшно воевалъ за нихъ съ Лифляндцами и заключилъ съ ними выгодный миръ. Но чрезъ три года (въ 1447) оставилъ Псковъ и перешелъ къ Новгородцамъ въ званіе также Намѣстника, не смотря на прозбы Псковичей, умолявшихъ его у нихъ остаться. Поводомъ къ сему было тогдашнее

замѣшательство въ Великомъ Княженіи Московскомъ, которымъ завладѣлъ Князь *Димитрій Шемяка*, ослѣпившій Великаго Князя *Василія Васильевича*: а Новгородцы и самъ Князь *Черторижскій* были привержены къ *Шемякѣ* и готовились защищать его всѣми силами. Однакожъ не оставилъ онъ и Пскова безъ защиты, и въ томъ же году, когда Лифляндцы, Шведы и Прусскіе Рыцари напали на Новгородскія и Псковскія границы, то онъ съ Новгородскимъ Намѣстникомъ *Василемъ Гребенкою* ходилъ на нихъ за рѣку Нарову и прогналъ всѣхъ, а въ слѣдующемъ 1448 г. прислалъ во Псковъ на мѣсто свое княжить упомянутаго же *Гребенку*, который въ 1449 году вмѣстѣ съ Новогородцами заключилъ на 25 лѣтъ миръ съ Лифляндскимъ Орденмейстромъ и Дерптскимъ Епископомъ и возвратилъ все завоеванное ими у Псковичей.

Между тѣмъ произошелъ переворотъ въ Московскомъ Великомъ Княженіи, которое занялъ опять Великій Князь *Василій Васильевичь*; а *Димитрій Шемяка* изгнанъ и самъ договоромъ уступилъ ему оное: но послѣ возмутился и въ 1450 году при Галичѣ бывъ разбитъ *Василіемъ*, ушелъ къ Новгородцамъ, у коихъ въ 1453 году и скончался. Въ слѣдующемъ году сынъ его, Князь *Иванъ Димитріевичь*, бывшій также въ Новѣго-

родѣ, опасаясь гоненія Василіева, пріѣхалъ изъ Новагорода во Псковъ. Псковичи, согласно съ Новгородцами державшіеся стороны Шемякиной, встрѣтили сего Князя со Крестами у Димитріевской Церкви на Псковѣ рѣкѣ, содержали его у себя три недѣли, а для большей безопасности отпустили въ Литву, подаривъ ему на Вѣчѣ 20 рублей. Сіи знаки приверженности къ Шемякину роду не могли быть пріятны Великому Князю: но онъ питалъ гнѣвъ свой больше на Новгородцевъ и Князей ихъ *Черторижскаго* и *Гребенку*. Они сами предвидѣли уже неминуемую себѣ войну и для приуготовленія къ оной вызванъ былъ въ 1455 году изъ Пскова въ Новгородъ Князь *Гребенка*; а Псковичи послали въ Русу звать къ себѣ опять Князя *Черторижскаго*. А какъ онъ нуженъ еще былъ Новогородцамъ, то и оставался у нихъ до окончанія войны. Походъ Великаго Князя на Новгородъ дѣйствительно послѣдовалъ въ слѣдующемъ 1456 году, и Князь *Гребенка* предводительствовавшій войсками Новгородскими, разбитъ будучи, прислалъ ко Псковичамъ просить помощи. Немедлено собрано было войско и отправлено къ Новугороду съ двумя Посадниками, а сверхъ того къ Великому Князю посланы повѣренные для посредства и ходатайства о мирѣ. Извѣсти-

но, что война сія кончилась усмиреніемъ Новгородцевъ и отнятіемъ у нихъ многихъ правъ и вольностей. Но Псковичамъ, какъ слабѣйшимъ ихъ братьямъ, упущенъ былъ пока ихъ проступокъ, и даже не воспрепятствовано имъ опять принять къ себѣ Великокняжескаго недоброхота, Князя *Чертоурижскаго*, который пока усердно и ревностно защищалъ ихъ отъ обидъ и нападеній Лифляндцевъ; а въ 1460 году опустошилъ Лифляндскія селенія на 70 верстъ. Но княженіе его безъ соизволенія Великаго Князя для Псковичей было не надежно. Почему когда въ Генварѣ тогоже 1460 года Великій Князь вторично прибылъ въ Новгородъ, то они отправили къ нему двухъ Посадниковъ и Бояръ изъ всѣхъ Концовъ съ подарками 50 рублей, и, какъ гласитъ Псковская Лѣтопись „повелѣша имъ бити „челомъ *Господину и Осподарю* Великому Князю о жалованьи и о печалованіи своея отчины, мужей Псковичь, „добровольныхъ людей, что есми пріобиженіи отъ поганыхъ Нѣмцевъ и „водою и землею и головами, и Церкви Божіи пожжени отъ поганыхъ Нѣмцевъ на миру и на крестномъ цѣлованьи, и потомъ бити челомъ Великому Князю о Князѣ *Александрѣ Васильевичѣ*, чтобы ему быть Намѣстникомъ, а во Псковѣ Княземъ.„ А Князь

Великій отвѣчалъ; „Язъ васъ свою „отчину хощу жаловати и боронити „отъ поганыхъ, якожъ отци наши и „дѣды наши Великіи Князи. А что „ми повѣствуеше о Князѣ *Александрѣ* „*Черторижскомѣ*, о томъ васъ свою „отчину жалую, ажъ щолько поцѣлуетъ „Крестъ животворящій Князь *Алек-* „*сандрѣ* ко мнѣ къ Великому Князю и „къ моимъ дѣтемъ къ Великимъ Кня- „земъ, что ему зла на насъ не мысли- „ти, ино буди вамъ Князь и отъ мене „Намѣстникъ.„ Но *Черторижскій*, конечно не довѣряя уже сему снисхожденію, не согласился присягнуть ему и дѣтямъ его, и не смотря на прозьбы Псковичей, чтобъ не оставлять ихъ, выѣхалъ въ Литву.

Какъ скоро услышалъ о томъ Великій Князь, то немедленно назначилъ и послалъ во Псковъ Княземъ сына своего *Юрья* съ своими Боярами. Посадники и Псковскіе Бояре встрѣтили его за границею на Дубровнѣ, а Псковскіе Игумены и все Священство за градскою стѣною со Крестами противу Церкви Стараго Вознесенія и оттуду довели его въ Соборную Троицкую Церковь, гдѣ воспѣли ему многолѣтіе и по осѣненіи Крестомъ, посадили его на Княжескомъ мѣстѣ, поднесли ему мечь Доманшовъ и потомъ проводили на Княжой дворъ. Лифляндцы услышавъ о семъ, немедлен-

но прислали къ нему просить мира; и имъ назначено было вести о томъ переговоры въ Новѣгородѣ; гдѣ въ слѣдующемъ же году и заключенъ оный на пять лѣтъ. Но Князь сей не располагался пребывать во Псковѣ, и чрезъ три недѣли и два дни; поѣхалъ въ Москву: Во все время пребыванія его Псковичи оказывали ему всевозможную почесть, а при отъѣздѣ подарили ему 100 рублей и проводили за рубежъ 20 верстъ; по прозбѣ же и собственному ихъ избранію прислалъ онъ имъ Намѣстникомъ Князя *Ивана Васильевича Стригу*, котораго они по прежнему обыкновенію привели въ Троицкомъ Соборѣ къ присягѣ Пскову. Но чрезъ годъ не захотѣлъ онъ у нихъ оставаться и выѣхалъ въ Москву. Псковичи, можетъ быть чувствуя свою вину, вмѣстѣ съ нимъ послали одного своего Посадника и нѣсколько Бояръ къ Великому Князю, поднести ему въ подарокъ отъ города 50 рублей и просить, дабы онъ *печаловался своею отчиною мужей Псковичей, добровольныхъ людей*, какъ выражаетъ Псковская Лѣтопись. Они умоляли, прислать къ нимъ на княженіе самаго сына своего *Юрья*. Но Великій Князь принявъ милостиво ихъ Пословъ и подарокъ и обѣщавъ имъ продолженіе своего покровительства и защиты, не отпустилъ однакожъ къ нимъ

сына своего, а назначилъ другаго Намѣстника Князя *Владиміра Андрѣевича* безъ ихъ выбора, и съ сихъ поръ лишилъ уже ихъ права заключать миръ и союзы съ сосѣдями безъ его дозволенія. Псковичи принуждены были безпрекословно принять сіе повелѣніе. Но въ 1462 году, когда скончался Великій Князь *Василій Васильевичъ*, оставивъ Престолъ свой юному еще сыну своему *Іоанну*, то они возстали на своего Намѣстника Князя *Владиміра*, обругали его на Вѣчѣ, *сопхнули* даже его *со степени*, какъ сказано во Псковской Лѣтописи, и съ безчестіемъ выгнали; а потомъ, надѣясь на послабленіе себѣ отъ юнаго Великаго Князя, послали въ Москву одного Посадника съ нѣсколькими Боярами требовать себѣ не Намѣстника, но Князя по собственному ихъ выбору. Великій Князь сначала изъявилъ гнѣвъ свой Посламъ симъ, и три дни не допускалъ ихъ до себя; наконецъ предоставивъ дерзость ихъ разсмотрѣнію впредь, позволилъ имъ по старому обыкновенію выбрать себѣ Князя, однакожъ съ тѣмъ, чтобы представить ему чрезъ Пословъ на утвержденіе его Намѣстникомъ своимъ. Они избрали себѣ Князя *Ивана Александровича Звенигородскаго*, котораго и Великій Князь утвердилъ; а сверхъ того въ защиту имъ отъ Лифляндцевъ, напа-

давшихъ тогда на ихъ селенія и исады, прислалъ имъ и вспомогательное войско съ Воеводою Княземъ *Ѳедоромъ Юрьевичемъ*, который съ 15 Іюля вошелъ въ Лифляндскія земли, осадилъ Нейгаузенъ и къ Сентябрю принудилъ Юрьевскаго Епископа заключить на 9 лѣтъ миръ, съ уплатою дани по древнимъ Грамматамъ и съ обѣщаніемъ не обижать живущихъ въ Юрьевѣ Русскихъ купцовъ и не притѣснять Русскихъ Церквей. По окончаніи сей войны Псковичи подарили Воеводѣ 30, а всѣмъ Боярамъ его 50 рублей и отпустили ихъ съ честію.

Но въ 1466 году и Князь *Иванъ Александровичь* не захотѣвъ оставаться у нихъ, выѣхалъ въ Москву, а на мѣсто его въ слѣдующемъ году присланъ по желанію самихъ Псковичей Князь *Ѳедоръ Юрьевичь*, защитившій ихъ отъ Лифляндцевъ. Онъ по примѣру прежнихъ Князей Псковскихъ встрѣченъ со Крестами и присягалъ Пскову довольствоваться пошлиною по старинѣ; а Псковичи съ своей стороны сдѣлали ему пожертвованіе нѣкоторыхъ правъ своихъ, имянно: до сихъ поръ они дозволяли Великокняжескимъ Намѣстникамъ опредѣлять своихъ Намѣстниковъ только въ семи Пригородахъ, или Уѣздныхъ городахъ, въ прочіежъ посылали Вѣчею избранныхъ: но Князю *Ѳедору Юрьевичу* они уступили право Намѣст-

никовъ опредѣлять во всѣ Пригороды и ими производить судъ. Однакожъ дабы сіи Намѣстники Уѣздные не присвоили себѣ и распоряженія всѣми волостями, то Псковичи по приговору на Вѣчѣ въ слѣдующемъ же 1468 году раздѣлили всѣ Пригороды старые и новые въ вѣдомство по два каждому Концу города Пскова по жеребью, и сіи жеребьи снималъ съ Престола юный сынъ Князя ихъ, *Васілій Ѳедоровичь*. Впрочемъ всѣ сіи уступки Князю *Ѳедору Юрьевичу* не сдѣлали его благодарнымъ Псковичамъ. Онъ даже не успѣлъ, или не захотѣлъ примирить ихъ ни съ *Казимиромъ*, Польскимъ и Литовскимъ Королемъ въ пограничныхъ распряхъ, ни съ Лифляндцами, обижавшими ихъ, ни съ Новгородцами, нагло притѣснявшими Псковскихъ купцовъ и даже проѣзжихъ въ Москву пословъ; а послѣ похода Великаго Князя на Новгородъ, противъ коего въ помощь ему и Псковичи отправляли въ 1471 году свои войска, онъ началъ посылать на нихъ къ Великому Князю жалобныя и доносныя Граммaты, а имъ дѣлалъ разныя притѣсненія; и когда они въ 1472 году отправили въ Москву своихъ пословъ съ жалобами на него и съ прошеніемъ другаго себѣ Намѣстника, то онъ узнавъ о семъ, на другой же день вышелъ на Вѣчу и сложивъ съ себя Крестное цѣлованіе, поѣхалъ самъ за

послами въ Москву. Псковичи не смотря на обиды отъ него, дали ему провожатыхъ, одного Посадника съ двѣмъ Боярскими и Сотскими и съ прислужниками, снабдивъ и на дорогу припасами до рубежа: но онъ заведши ихъ за рубежъ, отнялъ у нихъ всѣхъ коней и самихъ ограбивъ, едва не нагихъ отпустилъ во Псковъ. Прибывшіе въ Москву Послы принесли Великому Князю жалобу и просили во Псковъ Намѣстникомъ прежняго Князя *Ивана Стригу*: но имъ въ томъ отказано, а позволено только избрать себѣ инаго. Другіе пріѣхавшіе Послы просили въ Намѣстники себѣ или Князя *Ивана Бабича*, или Стригина брата *Ярослава*. Послѣдній изъ нихъ былъ имъ назначенъ и отпущенъ; а между тѣмъ отправленъ во Псковъ особый Великокняжескій посолъ для переговоровъ и подтвержденія мира съ Лифляндцами, нарушившими оный. Однакожъ переговоры сіи были безуспѣшны, и Псковичи принуждены были у Великаго Князя просить вспомогательнаго войска для похода въ Лифляндію. Имъ прислано было онаго изъ разныхъ городовъ и изъ Татаръ великое множество подъ предводительствомъ Князя *Данила Дмитріевича Холмскаго* и многихъ Воеводъ и Бояръ, въ числѣ коихъ однихъ Князей считалось 22. Всѣ они прибыли во Псковъ въ концѣ Ноября 1474 года

и остановились на Завеличьѣ. Но поелику осень тогда случилась дождливая, такъ что вездѣ сдѣлались разливы; то войска 9 недѣль простояли у Пскова въ тягость и изнуреніе только гражданамъ; а между тѣмъ въ концѣ Декабря пріѣхали Юрьевскіе послы просить перемирія, потомъ и мира. Вслѣдъ за ними прислалъ и Лифляндскій Орденмейстеръ съ прозбою о томъ же. По нѣсколькихъ переговорахъ сперва заключенъ былъ 7 Генваря миръ на 20 лѣтъ съ Орденмейстеромъ, который сверхъ другихъ условій обязался уступить завладѣнныя имъ Псковскія земли и воды, не выпускать во Псковскія границы корчемнаго питья, пива и меду, не имѣть заставъ для пословъ и купцовъ Псковскихъ и давать имъ вездѣ безопасной проѣздъ. Во время сихъ переговоровъ пришло еще въ помощь Пскову и Новгородское войско: но оно только болѣе отяготило гражданъ. Послѣ заключенія мира съ Орденмейстеромъ заключенъ Псковичами, а также и Новогородцами 13 Генваря миръ подъ тѣми же условіями на 30 лѣтъ и съ Юрьевцами. Такимъ образомъ все обошлось безъ войны, и Псковичи Генваря 30 отпустили Князя *Холмскаго*, проводивъ съ кормомъ и честію его и всѣ войска до границы; а притомъ подарили Князю съ Боярами 200 рублей. Но при семъ случаѣ они сдѣлали предъ

Великимъ Княземъ важный проступокъ, который подалъ поводъ къ скорѣйшему ограниченію ихъ правъ и вольности. Вмѣсто того, чтобы отправить въ Москву нарядное изъ почетныхъ людей посольство съ благодарностію Государю, они послали къ нему въ великій постъ только гонца съ благодарною Граммапою: а сей гонецъ возвратясь 8 Апрѣля, привезъ имъ извѣстіе о великомъ неудовольствіи Государевомъ. Тогда почувствовавъ свою ошибку, просили они своего Князя *Ярослава* поѣхать въ Москву для умилостивленія Великаго Князя и нарядили съ нимъ трехъ Посадниковъ, двѣй Посадничьихъ и Бояръ изъ всѣхъ Концовъ, поручивъ имъ поднести Государю въ благодарность отъ Пскова сто рублей. Все сіе посольство отправилось уже 19 Маія. Но Великій Князь не принялъ ихъ и даже изъ Москвы съ подворья выслалъ на поле, гдѣ они простоявъ пять дней въ шатрахъ, возвратились безъ отвѣта во Псковъ Іюня 23. Одинъ только Князь ихъ *Ярославъ* остался въ Москвѣ, и вѣроятно успѣлъ нѣсколько успокоить гнѣвъ Государевъ. Ибо вслѣдъ за Псковскими послами чрезъ нѣсколько дней Государь прислалъ во Псковъ нарочнаго съ повелѣніемъ, чтобы присланы были въ Москву опять послы безъ лишняго наряду. По-

чему въ концѣ Іюля отправлены были туда другіе три Посадника и нѣсколько Посадничихъ дѣтей и Бояръ съ подносомъ Государю 150 рублей. Сіе посольство и даръ ихъ Государь принялъ и обѣщалъ Пскову продолженіе своего покровительства и защиты: но въ тоже время потребовалъ отъ нихъ, чтобы выданы ему были всѣ отъ прежнихъ Великихъ Князей жалованныя Псковичамъ пошлинныя Грамматы. Съ симъ повелѣніемъ отпущены послы домой, а *Ярославъ* паки остался въ Москвѣ и возвратился во Псковъ уже 13 Ноября 1475 года. Но вступя въ правленіе, конечно по данному ему наставленію, началъ судить и пошлины взыскивать не по старому обыкновенію; бралъ на посыльныхъ своихъ двойную за ѣзды плату, а по Пригородамъ и Намѣстники его брали взятки и на себя и на него, и пошлины Намѣстничьи вдвое. Псковичи отправили къ Великому Князю трехъ Посадниковъ съ жалобами и съ представленіемъ своихъ пошлинныхъ Граммать: но онъ взглянувъ только на сіи Грамматы, отдалъ имъ назадъ и сказалъ, что тѣ Грамматы писаны не Великими Князьями, а имъ подтвердилъ, чтобы они всѣ требованія Князя *Ярослава* исполняли. Псковичи отправили второе посольство съ жалобною Граммамою, что Ярославовы требованія не

по старинѣ и имъ несносны: но Великій Князь отвѣчалъ только, что пришлетъ къ нимъ своего посла разсмотрѣть о всѣхъ тѣхъ управахъ. Въ слѣдующемъ 1476 году, когда по жалобѣ Новгородцевъ на притѣсненія отъ своихъ Посадниковъ и прочихъ Чиновниковъ пріѣхалъ для управы въ Новгородъ самъ Великій Князь; то Псковичи въ Ноябрѣ отправили туда четырехъ своихъ Посадниковъ и по два человѣка Бояръ изъ всѣхъ Концовъ и дѣтей Посадничьихъ съ подаркомъ 50 рублей, просить его, чтобы онъ держалъ свою отчину Псковъ по старымъ обыкновеніямъ. Великій Князь вызвалъ *Ярослава* въ Новгородъ, а Псковичи провожая его 12 Декабря, на Вѣчѣ подарили ему 20 рублей на дорогу и просили, чтобы и онъ ходатайствовалъ за Псковъ. Но онъ прибывши въ Новгородъ, началъ самъ жаловаться на Посадниковъ и на весь народъ. Почему Великій Князь Псковскимъ посламъ, отпуская ихъ, обѣщалъ только прислать на срочные дни съ *Ярославомъ* своихъ пословъ для разсмотрѣнія дѣлъ. Съ симъ отвѣтомъ Псковскіе повѣренные возвратились; а за ними чрезъ недѣлю 31 Декабря и *Ярославъ* съ послами, отпущенными только на пять дней въ оба пути. Послы сіи безъ всякаго разбиранія объявили, чтобы Псковичи за вины свои просили у *Ярослава* прощенія, и впредь платили

ему Намѣстничьи деньги за ѣзду вдвое, Намѣстникамъ его по городамъ пошлины Княжескія, поземельные суды по старинѣ и поженной окладъ съ каждой копны, съ изгороднаго прясла и съ падалины лошадиной. А естьли не исполнятъ сего, то Государь съ ними управится. Посадники и весь Псковъ заплатили *Ярославу* на Вѣчѣ пѣни 130 р. взыскали и Великому Князю всѣ уреченныя пошлины и обѣщались впредь всѣ требованія его и Намѣстниковъ его выполнять. Для донесенія о семъ *Ярославъ* съ послами Генваря 5 самъ отправился въ Новгородъ. Съ нимъ и Псковичи отправили двухъ своихъ Посадниковъ просить Великаго Князя, чтобы онъ жаловалъ свою отчину Псковъ. Великій Князь доволенъ былъ ихъ послушаніемъ и подтвердилъ имъ, сказавъ: *кого къ вамъ о своихъ дѣлахъ ни пришлю, и выбо есте меня слушали, а ему вѣрили, какъ и мнѣ Великому Князю и моей Граммамѣ.* Симъ кончился весь судъ: но съ возвращеніемъ *Ярослава*, прибывшаго во Псковъ уже 4 Февраля по провожденіи Великаго Князя изъ Новагорода, притѣсненія умножились. Псковичи 15 Іюня отправили изъ всѣхъ Концовъ Бояръ своихъ со слезною жалобною Граммамою и съ прозбою въ Москву, чтобы Великій Князь вывелъ *Ярослава* за великія отъ него и отъ

Намѣстниковъ его по Пригородамъ и волостямъ насилія и далъ бы имъ Князя *Ивана Александровича Звенигородскаго*. Но Великій Князь сказалъ только имъ, что пришлетъ своего посла для произведенія суда по своимъ *засыльнымъ Граммамъ, а не по ихъ старинамъ, какъ его прародители держали свою отчину Псковъ*. Псковичи Августа 27 отправили другихъ пословъ опять съ Граммамою, ссылаясь на свое древнее право выбора себѣ Князей, и прося дать имъ Князя *Ивана Бабича*; потому что Князь *Иванъ Звенигородскій* тогда уже скончался Но и сія прозба ихъ не уважена. Ярославовы не только Намѣстники и Чиновники, но и дворовые между тѣмъ своевольничали во Псковѣ. А въ 1477 году Сентября 2 дошло до открытой драки у Псковичей съ княжедворцами. Случай къ сему важному въ послѣдствіи произшествію былъ самый маловажный. Нѣкто Псковитинъ везъ съ огорода по площади мимо Княжого двора капусту. Одинъ изъ княжедворцевъ снявъ качанъ, далъ княжому барану. Отъ сего произошла сперва ссора, въ которую вступились многіе Псковичи и взошли на Княжой дворъ, гдѣ пьяные княжедворцы кинулись на нихъ съ ножами. Псковичи оборонялись отъ нихъ каменьями. Потомъ всѣ выскочили на площадь; первые устре-

мились на всѣхъ встрѣчныхъ, и сверхъ ножей начали стрѣлять изъ луковъ стрѣлами. Тогда Псковичи вооружились уже дрекольемъ и убили княжого повара. Здѣсь явился и самъ Князь *Ярославъ* пьяный, въ панцырѣ, и началъ стрѣлять. Тревога сдѣлалась по всему городу. Стеклись на площадь и Посадники и Бояре и Житейскіе люди съ оружіемъ: но увѣщаніями благомысленныхъ людей уже къ вечеру междоусобіе укрощено и Князь со своими возвратился во дворъ. При всемъ томъ много Псковичь тогда было поранено, а иные и убитыми остались на мѣстѣ. Между тѣмъ пронесся слухъ, что княжедворцы въ отмщеніе хотятъ зажечь городъ и при пожарѣ бить гражданъ. Почему Псковичи поставили на площади вооруженную стражу на всю ночь, а на утро собравши Вѣче, отказали *Ярославу* отъ княженія и выслали его изъ города; къ Великому же Князю 5 Сентября 1477 года отправили съ послами доносную Граммату. Но *Ярославъ* не поѣхалъ изъ Пскова въ ожиданіи Великокняжескаго повелѣнія, да и сами Псковичи уже не принуждали его къ выѣзду. 20 Сентября прибыли во Псковъ отъ Великаго Князя два Боярина *Иванъ Ѳедоровичь Товарковъ* и *Юрій Ивановичь Шестакъ* съ Дьякомъ *Иваномъ*, и по его приказанію объявили, что Псковичи

нынѣ жалуются на Князя *Ярослава* и его Пригородскихъ Намѣстниковъ за насилія, а прежде въ Новѣгородѣ такъ не жаловались. Но *Ярославъ* и тогда, де, на самихъ ихъ жаловался и нынѣ жалуется за отниманіе виноватыхъ по Пригородамъ и за неоказываніе ему прежней чести и уваженія. А потому Великій Князь оставляетъ *Ярослава* во Псковѣ на княженіи. Послы сіи пробыли во Псковѣ двѣ недѣли, и сверхъ многихъ причиненныхъ Псковичамъ убытковъ дѣлали разныя притязанія, требовали себѣ выдачи тѣхъ людей, которыхъ Ярославовы Пригородскіе Намѣстники заковали, а Псковичи раскували, или которые Князю ослушливое слово молвили, а Псковичи не вступились. Но имъ никого не выдали, ссылаясь на древнія права своей вольности предь Князьями своими, и объявили ихъ правыми; „а съ оставляемымъ у насъ *Ярославомъ*, говорили они, намъ жить „не можно, естьли онъ продолжать „будетъ насиліе надъ нами; буди Го„сударева воля: а мы пошлемъ еще къ „нему пословъ просить о своихъ ста„ринахъ.„ При отпускѣ пословъ подарили они *Ивану Ѳедоровичу* 15, Дьяку 5 рублей, а Юрій назначенныхъ ему 10 рублей не принялъ; и дали имъ провожатыхъ, которыхъ однакожъ на границѣ они ограбили, прибили и отня-

ли у нихъ коней и самое платье. Тоюжъ осенью 18 Октября 1477 года Псковичи опять отправили двухъ Посадниковъ и двухъ Бояръ жаловаться на *Ярослава* Великому Князю, котораго нашли они во Владимірѣ. Но онъ не выслушавъ ихъ, отослалъ въ Москву; а по возвращеніи далъ имъ отвѣтъ: *коли только отчина моя Псковъ тако учинили, что на дворъ нашего Намѣстника, а своего Князя Ярослава Васильевича находили, ино то сами изъ старины выступили, а не язъ Князь Великій.* Такой отвѣтъ ясно предвѣщалъ Псковичамъ, чего имъ ожидать должно. Между тѣмъ до полученія сего рѣшенія они продолжали платить *Ярославу* Княжую пошлину, и когда Опочане поймавъ одного коневаго вора, не спросясь Псковичей сами собою повѣсили, то сіи взыскавъ съ нихъ пѣни сто рублей, отдали ихъ *Ярославу.* Псковскіе послы съ вышеупомянутымъ отвѣтомъ возвратились уже Генваря 2: а Февраля 12 прислано было *Ярославу* повелѣніе выѣхать изъ Пскова со всѣмъ домомъ и никого не оставлять. Почему онъ сложивъ съ себя Крестное цѣлованіе на Вѣчѣ, отправился 25 числа тогоже мѣсяца. Пять дней ѣхалъ онъ Псковскими волостями 40 верстъ до границы; двѣ ночи простоялъ на Прощеницахъ, три на Мелетовѣ. Псковичи на всякой станъ высылали ему изъ города кормъ,

питье и всѣ припасы съ честію: но онъ выѣхавъ изъ Мелетова за границу, провожавшихъ его Сотскихъ, Старостъ Губныхъ и иныхъ подвощиковъ корму и угощателей своихъ всего 18 человѣкъ связалъ и увезъ за собою въ Москву. Псковская Лѣтопись говоритъ о немъ: *не бывалъ во Псковѣ ни за много временъ толь Князь злосердъ, каковъ былъ онъ до Пскова и до Псковскихъ Посадниковъ; такожъ и его Намѣстники по Пригородомъ многое множество надъ Христіаны насиліе чинили.* Въ слѣдъ за нимъ Марта 9 Псковичи отправили къ Великому Князю двухъ Посадниковъ и трехъ Бояръ со 100 рублями въ подарокъ и съ прозбою, что бы онъ оставилъ у нихъ старыя права, далъ бы имъ *вольнаго* Князя *Василія Васильевича Шуйскаго* изъ Новагорода, или *Ивана Володиміровича*, и отпустилъ уведенныхъ *Ярославомъ* людей. Великій Князь принялъ милостиво подарокъ: но изъ прозбъ ихъ кромѣ послѣдней ничего не исполнилъ, а при отпускѣ пословъ сказалъ: *а что о вашихъ дѣлахъ моея отчины, а то язъ къ вамъ со всѣмъ своимъ наказомъ шлю своихъ пословъ.* Можетъ быть не преминулъ бы онъ строго и наказать ихъ: но предпріятіе похода на возмутившихся опять Новогородцевъ, съ которыми тогда въ союзѣ были Псковичи, заставило его на сей разъ отложить усмиреніе сихъ,

дабы не имѣть вдругъ себѣ двухъ неприятелей, и дабы воспользоваться даже помощію послѣднихъ противу первыхъ. Псковскіе послы возвратились Апрѣля 23; а Іюня 7 прибылъ во Псковъ посолъ Великокняжескій съ повелѣніемъ, дабы Псковичи разорвавъ союзъ съ Новогородцами, шли на нихъ воевать. Не зная, чѣмъ рѣшится сія жестокая война, долженствовавшая или защитить всѣ древнія Республиканскія сѣверныхъ Областей права, или совершенно разрушить и уничтожить оныя, Псковичи притворились, якобы не вѣрятъ посламъ Великокняжескимъ, и желая будтобы отъ самаго Великаго Князя слышать изустное о семъ повелѣніе, отправили къ нему одного своего Посадника съ Боярами; а въ тоже время дали знать о томъ и Новгородцамъ, предлагая имъ отъ себя посредничество и ходатайство о примиреніи. Но гордые Новгородцы, надѣясь на свои собственныя силы, посредничества не приняли, а чрезъ пословъ своихъ просили только ихъ не отставать отъ союза. Между тѣмъ Великій Князь присланнымъ отъ Пскова подтвердилъ, чтобы они послу его вѣрили, какъ самому себѣ, и въ слѣдующемъ Сентябрѣ 1478 года прислалъ опять къ нимъ посла съ повелѣніемъ, чтобы они немедленно возвратили Новгороду свой мирный дого-

воръ и шли туда съ войскомъ. Первое тотчасъ исполнили они: но отъ послѣдняго долго отговаривались бывшимъ тогда у нихъ пожаромъ, истребившимъ большую часть города, и оскудѣніемъ. Въ Граммамѣ своей о семъ къ Великому Князю они уже называли его *своимъ Государемъ и Царемъ всея Руси*, чего прежде не писывали. Но Великій Князь ничего имъ не отвѣчалъ, и посла ихъ увелъ съ собою въ походъ: а Великокняжескій посолъ настоялъ во Псковѣ о сборѣ войска, объявляя себя назначеннымъ для онаго Воеводою. Псковичи желая и тогда удержать права свои, употребили уже послѣднюю отговорку, что они не имѣютъ у себя Князя, и тогда соберутъ и отпустятъ войска, когда Великій Князь опредѣлитъ къ нимъ по выбору ихъ *Князя Намѣстника* своего, который далъ бы имъ присягу и принялъ бы самъ предводительство ихъ войскъ. Съ симъ отвѣтомъ отправили они нарочныхъ къ Государю, бывшему уже въ походѣ и немедленно получили себѣ Намѣстникомъ Князя *Василія Васильевича Шуйскаго*, который прибывши къ нимъ, далъ 25-го Ноября требованную присягу и чрезъ 9 дней выступилъ съ войскомъ и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ къ Новугороду. Вслѣдъ за нимъ поѣхали семь Посадниковъ, многіе дѣти Посадничьи, Бояре и дѣти Бояр-

скіе изъ всѣхъ Концовъ наряженные при войскѣ, собранномъ со всѣхъ Пригородовъ. Псковскіе купцы повезли туда-же въ станы припасы и разные товары на продажу. Сверхъ того потребованы еще отъ Пскова мостники. По окончаніи войны сей чрезъ 58 дней всѣ возвратились здравы. Одинъ только главный Воевода, Посадникъ *Алексѣй Васильевичъ*, скончался подъ Новгородомъ. Великій Князь казался доволенъ послушаніемъ ихъ и оно-то спасло Псковъ на то время отъ участи *старшаго* его *брата Новгорода*, лишеннаго тогда уже всей своей свободы и вольныхъ правъ и получившаго себѣ вмѣсто Князя четырехъ Великокняжескихъ Намѣстниковъ. Въ знакъ благоволенія своего Государь прислалъ городу Пскову серебреной съ позолотою кубокъ и обѣщалъ имъ всегдашнюю защиту отъ Лифляндцевъ и содержаніе въ старинѣ. Псковичи взаимно къ нему отправили своихъ пословъ съ благодареніемъ, но не утерпѣли при томъ, чтобы не жаловаться на обиды отъ Великокняжескихъ повѣренныхъ и посыльныхъ, которые, де, на Вѣчѣ подарковъ отъ Пскова не принимаютъ; но на подворьѣ и по городу съ ругательствомъ ихъ требуютъ, а по городамъ и волостямъ дѣлаютъ насилія, отнимаютъ лошадей и другія вещи. Однакожъ сіи жалобы оставлены безъ

уваженія и даже безъ имовѣрія; а Князь ихъ *Шуйскій* возвратился во Псковъ уже Февраля 11.

Вслѣдъ за тѣмъ началась кровопролитнѣйшая и долговременная война съ Лифляндцами. Поводъ къ оной подали сперва войска Великаго Князя *Ивана Васильевича*, бывшія съ нимъ въ Новгородскомъ походѣ и послѣ управы съ Новгородцами для добычи бѣгая по сѣвернымъ ихъ городамъ, вторгавшіеся и въ Лифляндскія границы за рѣку Нарову; а потомъ и сами Псковичи, думавшіе отмстить Лифляндскому Орденмейстеру *Бернарду де Борху* за то, что онъ весною 1479 года задержалъ въ Ригѣ Псковскихъ купцовъ, и хотя, по ходатайству пословъ, послѣ отпустилъ ихъ, но отнялъ ихъ товары. Тоже сдѣлали и Дерптяне, засадивши въ погребъ 45 человѣкъ Псковскихъ купцовъ. Псковичи, отправивъ къ нимъ пословъ для освобожденія заключенныхъ, сами заключили бывшихъ во Псковѣ Дерптскихъ купцовъ въ погребъ въ охабнѣ стѣны, а между тѣмъ собравши отрядъ, 27 Сентября вторглись въ Дерптскія земли, произвели тамъ великое разореніе и нахватавши много полона, возвратились. Три мѣсяца послѣ того Лифляндцы ничего не начинали въ отмщеніе, и Псковичи надѣялись оставаться спокойными, такъ что когда Великій Князь Иванъ Васильевичь

въ Декабрѣ прибылъ опять въ Новгородъ, то Князь *Шуйскій*, 7 Посадниковъ и по Боярину изъ каждаго Конца, не предвидя Пскову опасности, отправились туда съ подаркомъ Государю отъ города 65 рублей и сверхъ того каждый съ собственными подносами. Въ концѣ Декабря Великій Князь взаимно прислалъ во Псковъ своихъ пословъ: но при нихъ же пришло Псковичамъ извѣстіе, что Лифляндцы Генваря 6 нечаянно напали на Вышгородокъ, сожгли стѣну и Борисоглѣбскую тамъ Церковь, перерубили много людей, не щадя ни женъ, ни дѣтей, а нѣсколько гражданъ и отъ пожара сгорѣло. Вѣстникъ о семъ прибѣжалъ 7 Генваря ночью, и въ туже пору дважды зазвонили въ Вѣчевой колоколъ, созвали народъ, выбрали войско и съ онымъ Посадники немедленно поспѣшили къ Вышгороду, дабы застать тамъ непріятеля; а на завтра собравъ съ каждыхъ 4 сохъ по одному конному, еще многіе за ними тудажъ отправились. Но непріятели уже удалились и явились на другой границѣ Псковской подъ Гдовомъ. Оттуду такъже пришла вѣсть во Псковъ, что 20 Генваря весь посадъ около Крѣпости сей сожженъ ими, а стѣны цѣлую ночь разбиваемы были пушечными выстрѣлами, и часть ихъ рашныхъ тогда же стояла подъ городкомъ Кобыльимъ.

Псковичи опасались уже ближайшихъ нападеній; и потому назначили сборъ своихъ ратныхъ людей изъ всѣхъ Пригородовъ къ Изборску; а въ Новгородъ къ Великому Князю отправили гонца съ прозбою о присылкѣ вспомогательнаго войска. Великій Князь немедленно прислалъ Воеводу своего Князя *Андрея Никитича Ногтева* съ достаточнымъ корпусомъ, который пришелъ во Псковъ 11 Февраля и чрезъ три дни выступилъ къ Изборску, гдѣ совокупясь со Псковскими войсками, пошелъ къ Тростянскому погосту, а оттуда чрезъ озеро къ рѣкѣ Амовжѣ (Ембаху), осадилъ близъ устья ея бывшую крѣпостцу, названную въ *Лѣтописи Костромѣ*, взялъ оную чрезъ три дни, нашелъ тамъ много добычи, пушекъ и пороху, вывелъ въ плѣнъ до 52 женщинъ и дѣтей, а потомъ всю Крѣпость сожегъ. Оттуду всѣ войска двинулись къ Юрьеву, или Дерпту, но простоявъ подъ онымъ одни сутки, разорили только окрестности и съ множествомъ плѣнныхъ Чухонъ и своихъ освобожденныхъ возвратились во Псковъ. Не извѣстно, почему столь кратокъ былъ сей походъ: но изъ послѣдствія, что Великокняжескій Воевода чрезъ трои сутки съ неудовольствіемъ изъ Пскова выступилъ въ Москву, забравши съ собою и плѣнныхъ, можно заключать, что какія-нибудь несогла-

сія были тому причиною. Псковичи въ слѣдъ за нимъ посылали до Порхова двухъ Посадниковъ съ прозбою о возвращеніи; но онъ не послушался; а Лифляндскій Орденмейстеръ, *Бернардъ фонъ деръ Борхъ*, какъ скоро свѣдалъ объ удаленіи Московскихъ войскъ, то 25 того же Февраля пришелъ подъ Изборскъ, надѣясь нечаянно взять оный. Но увидѣвъ, что оставленныя тамъ для стражи Псковскія войска упорно отбивающися, дабы не терять времени, потянулся къ озеру по Псковскимъ волостямъ, началъ жечь ихъ, такъ что дымъ и пламя видно было уже во Псковѣ. Къ нещастію тогдашній Псковскій Князь Намѣстникъ *Василій Васильевичъ Шуйскій* былъ со всѣмъ неспособный къ воинскимъ дѣламъ, а при гордости и грубости своей къ гражданамъ, склоненъ былъ только къ пьянству и грабежу. Почему не надѣясь на него, Посадники собрали наскоро съ волостей и Пригородовъ войско, вооружились чѣмъ кто могъ, и Марта 1, встрѣтили непріятелей уже за Устьемъ въ Пецкой Губѣ на озерѣ. Тамъ передовые полки обѣихъ сторонъ сразились въ виду главныхъ своихъ войскъ; а пока происходило сіе сраженіе, Лифляндцы отрѣзали шедшій къ Псковскому войску отрядъ изъ 300 ратниковъ и весь на голову побили, такъ что Псковичи тогда о томъ и

не свѣдали. Симъ кончился весь сей походъ. Ибо главныя войска не извѣстно почему, простоявъ съ утра до вечера въ виду одно противъ другаго, не сразились. По крайней мѣрѣ, Орденмейстеръ скрывъ свое намѣреніе напасть съ другой стороны, не захотѣлъ итти впередъ и ночью удалился; а Псковичи не разсудивъ за нимъ гнаться, возвратились и сами въ городъ: но вскорѣ узнали, что онъ, перешедъ чрезъ озеро на Гдовскую сторону, выжегъ всѣ Псковскіе исады и въ расплохъ 4 Марта вечеромъ осадилъ Кобылинскую Крѣпость; съ слѣдующаго утра началъ разбивать стѣны ея пушками; потомъ по лѣсницамъ пустилъ ратниковъ своихъ на городъ: но увидѣвъ храбрую оборону, которою распоряжалъ тамошній Посадникъ *Макарій*, приказалъ обложить стѣны дровами и зажегъ ихъ. Дымъ и пламя принудили осажденныхъ кидаться чрезъ свою ограду: но осаждающіе били ихъ каменьями, кололи копьями и сѣкли мечами, а весьма многіе и погорѣли, или задохлись отъ дыму. Такимъ образомъ разорена сія Крѣпость, въ которой, по сказанію Псковской Лѣтописи, находилось 3985 человѣкъ жителей, изъ коихъ оставшіеся въ живыхъ всѣ уведены тогда и съ Посадникомъ *Макаріемъ* въ плѣнъ. Столь жестокое мщеніе навело страхъ на Псковичей. Сверхъ то-

го услышали они, якобы Орденмейстеръ жалуясь Польскому и Литовскому Королю *Казимиру* на обиды ихъ, просилъ и у него вспомогательнаго войска. Сіе вѣроятнымъ казалось имъ и потому, что въ Луцкѣ Литовскій Воевода ограбилъ одного Псковскаго купца; также и въ прочихъ Литовскихъ городахъ Воеводы и мѣщане Псковскимъ купцамъ не позволяли торговать съ Нѣмцами, а плѣнныхъ Рускихъ, убѣгавшихъ изъ Лифляндіи чрезъ Литву, задерживали у себя. Посему Вѣча Псковская отъ имени своего Князя *Василія Васильевича Шуйскаго*, всѣхъ Посадниковъ и всего Пскова отправила къ Казимиру Посадника *Василія Лошковича* и Боярина *Юрья Ивановича* съ просительною Грамматою о томъ, чтобы Король не давалъ помощи Орденмейстеру, не обижалъ бы въ своемъ Государствѣ Псковскихъ купцовъ, не запрещалъ бы имъ торговать съ Нѣмцами и со всѣми купцами, а Литовцамъ запретилъ бы удерживать у себя Псковскихъ плѣнниковъ. На сіе посольство Казимиръ отвѣтствовалъ Псковичамъ своею Грамматою съ обѣщаніемъ не помогать Лифляндцамъ, а обиды причиненныя Псковскимъ купцамъ разсмотрѣть и удовлетворить и запретить плѣнныхъ, убѣгающихъ изъ Лифляндіи, въ Литвѣ задерживать. Но въ тойже Граммать жаловался онъ, что много

и его подданныхъ ограблено, задержано и побито во Псковскихъ волостяхъ и что многократно на то приносимы бывали Посадникамъ жалобы: но управы не получено (*). Такимъ образомъ Псковичи со стороны Литвы хотя нѣсколько и успокоены: но Лифляндскій Орденмейстеръ *Бернардъ деръ Борхъ* послѣ разоренія Кобылинской Крѣпости далъ имъ покою только на шесть мѣсяцовъ и 18 Августа опять явился съ сильнѣйшимъ ополченіемъ подъ Изборскомъ. Онъ старался выжечь также и сію Крѣпость, какъ прежде Кобылинскую, или разбить пушками. Но приметы къ каменнымъ ея стѣнамъ зажженнаго хворосту и дровъ ничего больше не произвели, кромѣ дымомъ и пламенемъ мѣшали осажденнымъ отражать непріятелей: а пушками долго былобы разбивать оную; бросаемыя въ Крѣпость тучи стрѣлъ съ зажженными фитилями для произведенія пожара внутри, были также безуспѣшны. Почему простоявъ два дни подъ стѣнами ея, не захотѣлъ онъ тратить больше времени, а пошелъ прямо ко Пскову. 20 Августа явился онъ предъ

(*) Граммата сего Псковскаго Посольства и отвѣтъ Казимировъ записаны въ Польской Метрикѣ и въ концѣ приурочены индиктомъ 13, что приходится въ 1480 году. Тамъ же записаны и три Казимировы Грамматы Псковичамъ жалобныя на обиды Ливовскимъ купцамъ.

стѣнами Псковскими и расположился на полѣ въ Завеличьѣ, которое до приходу еще его сами Псковичи выжгли, дабы не дать ему пристанища: а въ Бродахъ выше города на Выбутѣ, дабы не могъ онъ перейти Великую рѣку, сдѣлали завалы и на сторожѣ тамъ поставлены были Пригородскія войска. Такуюжъ стражу послали они и на устье рѣки Великой. Но сіе послѣднее мѣсто не удобно было къ преградѣ, и на другой же день съ озера по рѣкѣ проплыли ко Пскову Юрьевцы въ 13 шнекахъ съ военными и съѣстными запасами. Они остановясь на лугу за Монастыремъ Св. Стефана, расположили тамъ свои батареи противу Запсковья, а часть перевезли противу Полонища и начали непрерывную стрѣльбу. Въ гражданахъ раждалась уже робость, такъ что многіе стали разбѣгаться, и даже одинъ Посадникъ, *Филиппъ Пукашовъ*, ушелъ было, но догнанъ. Самъ Князь ихъ *Шуйскій* приготовилъ уже осѣдланныхъ лошадей для побѣгу и едва уговоренъ и остановленъ Посадниками и Боярами. Гонцы посыланные въ Новгородъ и въ Москву съ прозбами о помощи, не возвращались, или по крайней мѣрѣ ниоткуду не привозили обнадеженія. Ибо Великій Князь былъ самъ тогда занятъ войною съ Крымскимъ Ханомъ: а Новгородцы послѣ униженія своего по-

теряли бодрость. Въ сихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ одинъ изъ гражданъ объявилъ Посаднику *Стефану* бывшее себѣ въ сновидѣніи повелѣніе Благовѣрнаго Князя *Довманта*, завѣщавшаго снять покровъ съ гробницы его и съ Крестнымъ ходомъ обнести трижды по стѣнамъ. Обрядъ сей немедленно въ слѣдующую ночь совершенъ. Граждане всѣ ободрились, и когда непріятель сѣвъ на шнеки подъ прикрытіемъ батарей, сталъ дѣлать высадку на Запсковье между Церквами Лазаревскою въ полѣ и Спаскою за стѣною, то есть на самый Варлаамскій уголъ, то народъ ринувшись на нихъ съ оружіемъ, какое кто нашелъ, отразилъ ихъ отъ берега, побилъ и потопилъ до 50 человѣкъ, а одною шнекою совершенно завладѣлъ. Послѣ сей неудачи непріятели покусились произвести пожаръ въ городѣ, дабы развлечь жителей. Они нагрузили два большія судна остатками горѣлаго на Завеличьѣ строенія, сухимъ хворостомъ и соломою, обливши все то еще смолою; и поелику съ Завеличья дулъ сильный вѣтеръ на городъ, то они зажженныя суда сіи пустили по рѣкѣ ближе къ стѣнамъ, надѣясь что вѣтръ поднявъ горючія вещества чрезъ стѣны, раскидаетъ ихъ по градскимъ зданіямъ, а сами приготовились переплыть на градскій берегъ. Но и сіе покушеніе

было неудачно, а въ слѣдующую ночь, къ удивленію граждань, по пятидневной безуспѣшной осадѣ Пскова, Орденмейстеръ со всѣми войсками отступилъ и удалился въ Лифляндію. Лифляндскій лѣтописатель Арндтъ приписываетъ сіе отступленіе, кромѣ недостатка въ корму лошадямъ, опозданію Ревельскаго Епископа, во время пущенія зажженныхъ судовъ и высадки на берегъ занимавшагося совершеніемъ Литургіи въ стану своемъ, и робости Дерптскаго Епископа при произведеніи высадки, послѣ неудачи коей онъ же первый оставилъ союзныя войска и прежде всѣхъ пошелъ со своими домой. Какъ бы то ни было, но несогласіе непріятелей спасло Псковъ на сей разъ почти отъ неминуемаго взятія. Ибо самъ же Арндтъ пишетъ, что войска Лифляндскаго тогда было якобы 100 тысячь: но въ извиненіе ему говоритъ, что оно было большою частію изъ мужиковъ, необученныхъ военному искусству: а Орденмейстеръ думалъ, де, что Псковичи сразятся съ нимъ на полѣ. При самой осадѣ они посылали къ нему повѣренныхъ для переговоровъ, соглашались обмѣняться плѣнными и даже уступить ему нѣкоторыя земли: но онъ не умѣлъ воспользоваться сими предложеніями. Впрочемъ Псковичи опасались еще возвращенія его, и поелику не было имъ по-

мощи ни отъ Великаго Князя Московскаго, ни отъ Новгородскихъ Намѣстниковъ, а въ Великихъ Лукахъ стояли Князья *Андрей* и *Борисъ Васильевичи*; по ссорѣ съ братомъ своимъ Великимъ Княземъ Московскимъ отшедшіе отъ него и при себѣ имѣвшіе до 10 тысячь войска; то Псковичи обратились къ нимъ съ прозбою о защитѣ, и отправили въ Великіе Луки Посадника *Дороѳея Гавриловича*. Князья охотно согласились, и со всѣми войсками своими не медля прибыли во Псковъ 3 Сентября. Граждане помѣстили самихъ ихъ въ Княжомъ дворѣ, а войска ихъ расположили въ Остролавицкомъ и Болвинскомъ Концахъ и на Полонищи. Но когда начали просить ихъ о походѣ въ Лифляндію, то Князья сіи предложили имъ условіе, что бы приняты были во Псковъ на пребываніе супруги ихъ съ семействами, неимѣющія пристанища. Десять дней продолжались у гражданъ разсужденія и переговоры о семъ и наконецъ замѣтивъ можетъ быть намѣреніе Князей завладѣть и Псковомъ, они отвѣчали имъ, что принятіе ихъ семействъ можетъ показаться Великому Князю съ ихъ стороны невѣрностію и измѣною; а потому они и несогласны. Такой отвѣтъ раздражилъ Князей, и они 13 Сентября вышедъ изъ Пскова съ войсками своими, стали на Мело-

ніовѣ, а оттуда дали имъ свободу грабить Псковскія волости. Не пощажены были ни хлѣбъ, ни скотъ, ни дворовыя птицы, ни даже полъ женскій, ни Церкви; все подвержено грабежу и насилію; только огонь и мечь не были употребляемы. Не оставалось другаго средства унять ихъ, какъ только подарками; а потому Князь *Шуйскій*, Посадники и весь Псковъ выслали имъ 200 рублей отъ города и сверхъ того заплатили имъ еще окольные 15 рублей. Тогда удалились они изъ Псковскихъ волостей и перешли въ Новгородскія. Псковичи въ наступившую за тѣмъ зиму послали въ Москву къ Великому Князю Посадника своего *Филиппа Пскашева* съ обстоятельнымъ донесеніемъ о всемъ томъ, и съ прозбою о присылкѣ вспомогательныхъ войскъ на *Лифляндцевъ*. Великій Князь, снисходя на ихъ прозбу, повелѣлъ двумъ Новгородскимъ своимъ Намѣстникамъ Князю *Василію Ѳеодоровичу Шуйскому* и Боярину *Ивану Зиновьеву* съ Посадниками, Тысяцкими и Новогородскими ратниками итти во Псковъ, а въ слѣдъ за ними еще изъ Москвы отправилъ 20 тысячь войска съ Воеводами своими, Князьями *Иваномъ Васильевичемъ Бѣлгакомъ* и *Ярославомъ Васильевичемъ Оболенскимъ*. Новогородцы прибыли ко Пскову 16 Генваря и расположились на Полонищѣ; а Московскія

войска 11. Февраля и стали на Запсковьѣ. По присоединеніи къ нимъ и Псковскихъ войскъ, чрезъ недѣлю, 18 Февраля, выступили всѣ въ Лифляндію тремя отдѣленіями, первымъ къ Маріенбургу, вторымъ къ Дерпту, а третьимъ къ Валку, и 4 недѣли разоряли тамошнія селенія почти до Риги. Множество богатства и плѣнныхъ было ихъ добычею. Къ несчастію непріятелей зима тогда была весьма морозная и снѣжная, отъ чего многіе убѣгавшіе изъ селеній въ лѣса, погибли тамъ отъ стужи, либо голода; а Рыцари, совсѣмъ неожидавшіе нашествія, занимались тогда пьянствомъ. Два города, Каркусъ (Гарвастъ) и Вельядъ (Феллинъ) были взяты приступомъ. Въ послѣднемъ находился тогда Орденмейстеръ *Бернардъ фонъ деръ Борхъ*, но за день до взятія онаго ушелъ. Князь *Василій Ѳедоровичь Шуйскій* гнался за нимъ 50 верстъ и взялъ только брошенные имъ обозы и нѣсколько при нихъ людей. Замокъ Феллинскій, по взятіи уже города Марта 1. отдался Князю *Ивану Васильевичу Булгаку*, съ условіемъ, что онъ заплатитъ за себя окупъ, и чтобы граждане его не были браны въ плѣнъ. Предложеніе принято, и сверхъ условленнаго окупа, Князь взялъ еще себѣ 2,000 рублей, а въ добычу набралъ до 50 колоколовъ, которые и отосланы въ Москву. Тѣмъ

кончился весь походъ сей, отъ котораго можно было бы ожидать гораздо болѣе при безкорыстіи вождей. Впрочемъ Псковской Лѣтописецъ описывая успѣхи сего похода, говоритъ: *отмстиша Нѣмцемъ за свое въ двадесятеро, или болѣе, якоже нѣцыи рекоша: Псковъ сталъ не бывало тако!* а Орденмейстеръ послѣ сей несчастной для него войны увидѣвъ со стороны Рижскихъ гражданъ и самихъ Рыцарей противу себя возмущеніе, поспѣшилъ просить мира у Великаго Князя Московскаго и заключилъ оный въ Новгородѣ на 10, а по сказанію другихъ на 20 лѣтъ; между тѣмъ однакожъ самъ Рыцарями низложенъ былъ съ начальства своего.

Послѣ окончанія войны Псковичи, давно уже недовольные Княземъ своимъ *Васильемъ Васильевичемъ Шуйскимъ*, не умѣвшимъ защитить ихъ отъ Лифляндцевъ, просили Великаго Князя вывести его изъ Пскова, и согласились лучше принять къ себѣ опять Намѣстникомъ Князя *Ярослава Васильевича Оболенскаго*, бывшаго тогда Воеводою въ Лифляндскомъ походѣ. Почему въ 1482 году первый отъ нихъ выведенъ, а послѣдній оставленъ. Но вторичное правленіе сего Князя не было спокойнѣе прежняго для Псковичей, частію отъ ихъ своевольства, а больше отъ его властолюбія. Первые хотѣли удержать во всей силѣ

Вѣчевую свою власть, а послѣдній возамѣрился ограничить оную и надъ рабами ихъ, или смердями, которые считались у нихъ крѣпостными по древнимъ записямъ ихъ, или кабаламъ, и отправляли всѣ общественныя ихъ работы и ремесла. Сіи рабы въ 1484 году, можетъ быть попущеніемъ самаго же *Ярослава*, выкрали изъ Вѣчеваго ларя свои записи и не только перестали платить оброки, но не исполняли своихъ и рабочихъ повинностей! а *Ярославъ*, съ нѣкоторыми Посадниками согласясь, написалъ даже имъ *вольную Граммату* и положилъ въ Вѣчевой ларь. Бояре и Житые люди возстали противъ сего и нѣкоторыхъ ослушливыхъ смердей въ присутствіи даже бывшаго тогда во Псковѣ посла Великокняжескаго казнили, а иныхъ посадили въ погребъ. Потомъ на Вѣчѣ написали *мертвую Граммату*, то есть смертный приговоръ многимъ Посадникамъ, изъ коихъ одного *Гавріила* Іюня 13 дѣйствительно убили, иныхъ заключили, а дворы съ имѣніемъ ихъ описали и запечатали. Отъ сего нѣкоторые *Посадники* ушли тогда же въ Москву. Великій Князь услышавъ о томъ, крайне прогнѣвался, и когда Псковскіе послы, двое Посадниковъ съ Боярами, прибыли для оправданія своихъ согражданъ и для испрошенія у него прощенія, то онъ чрезъ нихъ объявилъ Псковичамъ по-

велѣніе выпустить заключенныхъ смердовъ, и опальныхъ Посадниковъ съ домами ихъ и имѣніемъ освободить, а у Князя *Ярослава* просить прощенія въ томъ, что они дѣлали управу безъ его соизволенія. Но Псковской народъ получивъ сей Указъ, не исполнилъ и даже не повѣрилъ оному; а за недѣлю до Рождества Христова отправилъ къ Великому Князю опять четырехъ Посадниковъ и десять Бояръ изъ всѣхъ Концовъ города съ прозбою о неотмѣненіи приговора ихъ. Великій Князь съ гнѣвомъ велѣлъ повторить имъ прежнее повелѣніе. Народъ и оному не повѣрилъ, думая, что согласились послы ихъ съ ушедшими въ Москву Посадниками и со смердями. За симъ произошла великая распря и мятежъ между самыми Боярами и Житыми людьми съ Посадниками, которые хотѣли по Указу Государеву исполнить въ точности. Народъ защищалъ первыхъ и кричалъ на Вѣчѣ: *мы правы*, и требовалъ, чтобы въ третій разъ отправлены были къ Великому Князю послы, которые однакожъ на дорогѣ разбойниками убиты: а послѣ Пасхи посланы еще и четвертые. Великій Князь оказалъ имъ больше прежняго гнѣвъ свой и подтвердилъ о исполненіи повелѣннаго. Тогда-то уже выпустили они смердовъ и вынувъ изъ ларя *мертвую Граммату*,

написанную на Посадниковъ, уничтожили и ихъ съ имѣніемъ освободили; а осенью предъ праздникомъ Воздвиженія Князь *Ярославъ* съ Посадниками и Боярами ѣздили сами въ Москву просить прощенія у Великаго Князя, который въ отвѣтъ на то *повелѣлъ по всей старинѣ Псковцы жити*. Но вскорѣ за тѣмъ одному Священнику случилось у Норовскихъ смердовъ найти украденную ими Граммату, или запись, безъ коей Псковичамъ не льзя уже было принуждать ихъ къ работамъ и данямъ. Одинъ смердъ вырвалъ изъ рукъ у Священника сію Граммату и спряталъ. По доносу о семъ опять началось смятеніе во Псковѣ. Смердя того посадили въ погребъ, и поелику въ тоже время начали пріѣзжать изъ Пригородовъ и волостей во Псковъ обидимые люди съ жалобами на Намѣстниковъ Князя *Ярослава* и на самаго его; то Псковичи отправили Боярина *Андрея Семеновича Рублева* и другихъ съ доносомъ Великому Князю, какъ о смерди, скрывшемъ Граммату, такъ и о Княжихъ обидахъ. Но Князь Великій съ гнѣвомъ принялъ посланныхъ и отвѣчалъ, что дѣло о вольности смердей онъ имъ уже рѣшилъ, и вину имъ отпустилъ; нынѣ же опять на тоже они покушаются; а на Князя *Ярослава* ни одной жалобы не принялъ, и обѣщалъ только прислать къ нимъ своихъ Бояръ для расправы. Наконецъ

освободились они отъ *Ярослава* уже смертію его, случившеюся въ 1487 году отъ бывшей во Псковѣ тогда моровой язвы.

Послѣ его болѣе года управлялись они своими Посадниками. Но въ 1488 году опять присланъ былъ имъ отъ Великаго Князя Намѣстникъ Князь *Семенъ Романовичь*, княжившій у нихъ три года; по немъ съ 1491 года Князь *Василій Ѳедоровичь* у нихъ въ 1496 году и скончавшійся; по немъ Князь *Александръ Володимировичь Ростовскій* съ 1496 по 1501 годъ. Всѣ они опредѣляемы были Великимъ Княземъ безъ выбора и желанія Псковичей и потому были имъ не угодны. Тщетно уже ссылались они на древнія свои права и на прежнія Грамматы, неуважаемыя ни Великимъ Княземъ, ни Намѣстниками его, хотя вовсе еще и неуничтоженныя. Тщетно, желая удержать свою свободу, каждаго присылаемаго къ нимъ Намѣстника Великокняжескаго приводили они на Вѣчѣ или въ Соборѣ къ присягѣ, чтобъ онъ не нарушалъ ихъ старинныхъ Уставовъ и не требовалъ пошлинъ болѣе положенныхъ по древнимъ Граммамамъ. Каждый въ томъ присягалъ имъ, но ни одинъ не исполнялъ; а въ 1499 году они услышавъ, что Великій Князь *Иванъ Васильевичь* далъ сыну своему *Василію* титло *Великаго Князя Новогородскаго и Псковскаго* (потому что на Великое

Княженіе Московское короновалъ уже внука своего *Димитрія*) вообразили, что учрежденіемъ у Новогородцевъ и у нихъ особаго самодержавнаго правленія, хотятъ отдѣлить ихъ отъ Россіи. Почему посылали они въ Москву своихъ Посадниковъ и по три Боярина изъ каждаго Конца съ прозбами, не дѣлать у нихъ особаго Великаго Княженія, а оставить въ зависимости отъ Великаго Князя Димитрія. Но Великій Князь *Иванъ Васильевичъ* прогнѣвался на нихъ и двухъ Посадниковъ повелѣлъ засадить въ костеръ, въ коемъ и содержались они около полугода, а послѣ выпуска ихъ прислалъ ко Псковичамъ для успокоенія ихъ Боярина своего *Ивана Чоботова* съ обьявленіемъ прощенія за ихъ дерзость. Псковичи приняли сего посла, угостили его и при отпускѣ подарили ему 10 рублей: но тѣмъ не успокоились и питали въ себѣ тайное неудовольствіе противу Великаго Князя. Посему когда въ 1501 г. выѣхалъ отъ нихъ Князь ихъ *Александръ Володимировичъ*, то они выбрали и сами собою призвали на княженіе *Ивана Ивановича Горбатаго*. Но въ тоже время сильное нашествіе Лифляндцевъ заставило ихъ смириться и просить Великаго Князя о помощи и защитѣ. Дѣятельнѣйшій изъ Лифляндскихъ Орденмейстеровъ *Валтеръ фонъ Плетенбергъ* заключилъ тогда въ Вен-

дѣнъ съ Польскимъ Королемъ и съ Литовскимъ Великимъ Княземъ *Александромъ*, зятемъ Великаго Князя Московскаго *Ивана Васильевича*, съ Епископами Рижскимъ, Курляндскимъ, Эзельскимъ, Ревельскимъ и Дерптскимъ и всѣми Лифляндскими владѣльцами договоръ противъ Россіи, съ условіемъ не мириться никому одному безъ другихъ въ продолженіе 10 лѣтъ. Надѣясь на таковый союзъ, Лифляндцы немедленно захватили 25 Псковскихъ судовъ со 150 купцами, плывшими по озеру для торговъ съ ними, и болѣе 200 купцовъ Русскихъ жившихъ въ Дерптѣ также ограбили и заключили въ темницы. Псковичи трижды отправляли къ нимъ пословъ своихъ съ требованіемъ удовлетворенія ограбленныхъ и выпуска заключенныхъ. Но каждый посолъ былъ тамъ задерживаемъ до прибытія другаго и удовольствія никакаго не сдѣлано. А вслѣдъ за тѣмъ *Плетенбергъ* около половины Августа мѣсяца съ 4,000 конныхъ, нѣсколькими тысячами Орденской пѣхоты и со множествомъ вооруженныхъ крестьянъ вступилъ во Псковскіе предѣлы и началъ разорять волости. Псковичи не надѣясь сами защитить себя, еще заранѣе, услышавъ только о сборахъ Орденмейстера, послали къ Великому Князю Московскому просить защиты. Почему къ нимъ наряженъ былъ съ Новгородски-

ми войсками Князь *Василій Васильевичь Шуйскій*, а вслѣдъ за нимъ прибылъ еще Князь *Даніилъ Александровичь Пенковъ* съ Тверскими и Московскими. Но Воеводы сіи простояли безъ дѣйствія три недѣли во Псковѣ, отговариваясь тѣмъ, что имъ повелѣно защищать только Псковъ; а между тѣмъ на каждый день требовали войскамъ своимъ по 100 зобницъ овса, по 100 стоговъ сѣна и на прокормъ людей по 25 рублей. Четыре раза Псковичи посылали съ прозбами въ Москву къ Великому Князю, также занятому тогда войною съ Поляками и Литовцами и наконецъ получили Указъ, выступить Воеводамъ съ Псковскимъ Княземъ *Иваномъ Горбатымъ* и со Псковскими войсками въ походъ противу вторгшагося уже непріятеля. Сверхъ нарядныхъ Псковскихъ войскъ нашлись еще добровольные изъ Псковичей охотники разъѣзжать по озеру на судахъ для поисковъ. Но сей отрядъ ничего не успѣлъ; а соединенныя войска, коихъ Лифляндскіе Историки полагаютъ якобы до 40 тысячь, вышли изъ Пскова 22 и 23 Августа къ Изборску и за онымъ въ 10 верстахъ на рѣкѣ Сѣрицѣ встрѣтили *Плетенберга*. Тамъ 27 Августа на первой стыкѣ Псковичи, бывшіе впереди, потеряли Посадника своего *Ивана Тенишина*, а Московскія войска Воеводу *Ивана Бо-*

рисовича Бороздина. Первые, не потерпѣвши впрочемъ никакого еще другаго важнаго урона, смутились и подались назадъ, а другіе послѣдовали за ними и наконецъ всѣ обратили тылъ. Нѣкоторыя Лѣтописи говорятъ, что Лифляндцы напали на нихъ въ расплохъ, такъ что Воеводы не успѣли еще вооружиться, и отъ того всѣ побѣжали обратно ко Пскову мимо Изборска, бросая даже оружіе и обозы свои, которыя, досадуя на нихъ Изборяне грабили. Но Лифляндцы и не гнались за ними, а обратились на Островъ, который осадивъ 7 Сентября, сперва стѣны Крѣпости разбили пушками, а потомъ выжгли. Изъ 4,000 жителей города сего иные побиты, иные плѣнены, а многіе погорѣли. Оттуда уже поворотили они къ Изборску и провели подъ его стѣнами одну ночь. На утро сдѣлавши видъ, что будтобы отступаютъ и удаляются, скрылись въ засадѣ. Изборяне вздумали преслѣдовать ихъ: но засадные нечаянно появились, гнали ихъ до стѣны и всѣхъ перерубили, а 130 человѣкъ забрали въ плѣнъ. Съ другой стороны Липовцы подступали къ Опочкѣ, однакожъ не взяли оной. Тѣ и другіе потомъ потянулись по берегу Великой рѣки ко Пскову и вездѣ грабили и сожигали прибережныя селенія. Псковскіе отряды перестрѣливалися съ

ними только чрезъ рѣку и особливо на Бродахъ, дабы они не переходили; но остановить ихъ были не въ силахъ. Вдругъ однакожъ Лифляндцы сами остановились и возвратились домой. *Гадебушъ* пишетъ, что причиною сему былъ кровавый поносъ въ Рыцарскихъ войскахъ отъ недостатка соли случившійся и много людей умертвившій. Между тѣмъ подошли во Псковъ изъ Москвы новыя войска Русскія и Татарскія подъ начальствомъ Князей *Данила Александровича Пенка-Ярославскаго*, *Данила Васильевича Щеня* и *Александра Васильевича Оболенскаго*. Соединясь со Псковскими войсками, предводительствуемыми Псковскимъ Княземъ *Горбатымъ* и назначенными въ лѣвое крыло, они въ глубокую осень при концѣ Октября, не смотря на непогоды и худыя дороги, вступили въ Лифляндію, опустошили все около Маріенбурга, Нейгаузена и Дерпта, осаждали и брали Крѣпости и Замки: но близь Гелмета 24 Ноября за полночь неожиданно въ самую темноту напали на Московскія войска съ сильною артиллеріею непріятели. При самомъ началѣ сраженія убитъ Воевода передоваго полку Князь *Александръ Васильевичь Оболенскій*. Битва была въ безпорядкѣ и кровопролитнѣйшая. По сказанію Лифляндцевъ, пало здѣсь Россіянъ до 2.000: однакожъ они одержали верхъ, сломили совершенно

непріятелей, устлали трупами ихъ поля разстояніемъ на 10 верстъ и били ихъ, по словамъ Псковской Лѣтописи, какъ свиней уже не мечами, но шестоперами, и не оставили даже вѣстниковъ. Псковскія войска, бывшія назади, даже и не вѣдали о семъ, а наѣхали поле сраженія уже на третій день. Между тѣмъ Московскіе полки прошли отъ Дерпта къ Нарвѣ и почти до Ревеля, а возвратились во Псковъ чрезъ Ивангородъ. Лифляндскіе Лѣтописцы признаются, что въ сей походъ побито и плѣнено ихъ войскъ и народа до 40 тысячь.

Зима прошла тихо. Но на весну 9 Марта нечаянно Лифляндцы напали на Ивангородъ, убили тамъ Воеводу *Ивана Андреевича Лобана-Колычева* съ товарищами и до 200 человѣкъ ратниковъ, а за бѣжавшими гнались до Крѣпости Ямы; на возвратѣ сожгли Ивангородское предмѣстіе, и удалились. Съ другой стороны Марта 17 подступали они къ городу Красному, взяли волость Коровій Боръ и окрестности семь дней грабили и жгли, а поселянъ побивали. Слѣдующее лѣто опять протекло спокойно съ обѣихъ сторонъ. Но къ осени Орденмейстеръ *Плетенбергъ* явился опять во Псковскихъ предѣлахъ съ 7,000 конницы, 1,500 Орденской Нѣмецкой пѣхоты, 5,000 Курляндцевъ и Латышей, съ толпою Эстляндскихъ крестьянъ и съ великимъ

запасомъ тяжелыхъ орудій. Сентября 2 къ ночи подступилъ онъ подъ Изборскъ, разбилъ нѣсколько стѣнъ пушками, но не желая тратить времени надъ взятіемъ Крѣпости, въ слѣдующееж утро двинулся ко Пскову, а 6 Сентября былъ уже противу стѣнъ градскихъ на Завеличьѣ, которое до приходу его выжжено было самими Псковичами. Уставивъ свои батареи наипаче противу стѣнъ Крома или Кремля, онъ открылъ ужасную стрѣльбу на городъ, изъ котораго со стѣнъ также отвѣтствовали ему и не допустили его здѣлать никакой переправы чрезъ рѣку. Почему, дабы себѣ открыть безопаснѣйшій переходъ, пошелъ онъ въ верхъ на Броды къ Выбуту. Псковичи напередъ изъ осторожности сдѣлали тамъ противу Бродовъ стѣну и на стражѣ имѣли сильный отрядъ, который встрѣтилъ его мужественно, удержать однакожъ не могъ и онъ перешедши Великую рѣку по Бродамъ, явился съ другой стороны подъ городомъ у Полонища, недавно предъ тѣмъ только огражденнаго новою деревянною стѣною до Гремячей горы; а застѣнные посады всѣ были выжжены, дабы не дать укрытія непріятелямъ. Подъ пушечною обоюдною стрѣльбою два дни войска его покушались всходить на стѣны: но всегда сильно были отбиваемы. Между тѣмъ узналъ онъ, что

сзади его приближаются уже Московскія и Новогородскія войска. Сіе заставило его не медля отступить отъ города и дабы затруднить переходъ помянутымъ войскамъ, сжегъ онъ на рѣкѣ Черехѣ мостъ, а самъ опять на Бродахъ перешелъ за Великую рѣку. Какъ скоро пришла вспомогательная сила, то по прежней своей дорогѣ удалился онъ вовсе отъ Пскова на 30 верстъ; но Воеводы Московскіе *Даніилъ Васильевичь Щеня* и *Василій Васильевичь Шуйскій*, не теряя времени, соединились со Псковскими войсками, поспѣшили вслѣдъ его и обошли его за Изборскомъ. Тамъ Сентября 13 встрѣтились они съ нимъ при озерѣ Смолинѣ на Могильникѣ. Въ цѣлый день четыре раза окружали они непріятеля, который однакожъ каждый разъ пробивался. Наконецъ *Плетенбергъ* употребилъ военную хитрость, показавъ видъ, будто бы уклоняется отъ сраженія и бросаетъ свои обозы. Русскіе ратники безразсудно бросились тотчасъ на обозы для добычи, перерубили всѣхъ обозныхъ Чухонцевъ, а при грабежѣ начали даже драться и между собою. Отъ сего всѣхъ почти полковъ ряды разстроились; многіе вышли изъ повиновенія, и когда Псковской Князь *Иванъ Ивановъ Горбатой* началъ своихъ разбѣжавшихся по кустамъ загонять въ строй, то они

обругали даже его и дали ему прозвище *опрѣломъ* и *кормихномъ*. А междуштѣмъ *Плетенбергъ* ошкрывъ сильную стрѣльбу изъ артиллеріи, смутилъ еще болѣе Русскія войска, которыя въ безпорядкѣ наскакивая на его стройные ряды, сами отъ нихъ падали толпами. Между ими пали также на полѣ сраженія храбрые Русскіе вожди, Князь *Ѳедоръ Александровичъ Кропоткинъ*, *Григорій Димитріевичъ Давидовичъ*, *Юрій Тимоѳеевичъ Юрловъ* и многіе дѣти Боярскіе. Наконецъ Русскіе устроились, напали дружно и отбили непріятеля съ великимъ урономъ. 1500 человѣкъ его пѣхоты совершенно разсѣяны, а около 400 положены на мѣстѣ. Наступившая уже ночь заставила разойтись обѣ стороны. Лифляндскія Лѣтописи приписываютъ все преимущество и побѣду своимъ, считаютъ всего бывшаго тогда нашего войска, кромѣ 30 тысячь Татаръ, однихъ Русскихъ 90 а иные до 100 тысячь, изъ коихъ якобы побито 40 тысячь, а своихъ только 400 пѣхоты и нѣсколькихъ конныхъ съ немногимъ числомъ Офицеровъ, и говорятъ, что таковая потеря принудила Русскихъ отступить: а Орденмейстеровы войска якобы на мѣстѣ сраженія три дни отдыхали, отъ усталости не въ силахъ будучи преслѣдовать. Самъ *Плетенбергъ* изъ

хвастовства уставилъ у Рыцарей праздновать навсегда день якобы побѣды своей 13 Сентября и далъ пѣхотѣ своей наименованіе *желѣзной* (*). Но множество Лифляндскихъ плѣнниковъ долго и послѣ сего въ Россіи остававшихся, о выпускѣ коихъ въ 1505 году ходатайствовалъ у Великаго Князя Московскаго Римскій Цесарь *Максимиліанъ* и *Филиппъ*, Король Испанскій, опровергаетъ сіе хвастовство: Даже нѣкоторые изъ самихъ Лифляндскихъ Историковъ не оспориваютъ у Русскихъ преимущества въ семъ сраженіи; а приписываютъ оное только измѣнѣ одного Лифляндскаго Рыцаря, а по сказанію Гильзенову, Ротмистра, съ цѣлымъ Нѣмецкимъ полкомъ своихъ рейтаровъ будтобы перебѣжавшаго на нашу сторону и наведшаго Русскихъ на Лифляндскую пѣхоту. То-

(*) А *Гильзенъ* въ своей Лифляндской Исторіи пишетъ, что Рижскій Архіепископъ *Гилдебрантъ* уставилъ сіе празднованіе не 13 но 14 числа Сентября на день Воздвиженія честнаго Креста; предписавъ по всей Лифляндіи около каждой Церкви совершать хожденіе съ обношеніемъ Св. Таинъ и съ пѣніемъ гимна Te Deum laudamus съ припѣвомъ на концѣ: grates nunc omnes reddamus Domino Deo, qui sua benignitate nos liberauit de Ruthenica potestate и со стихомъ; Huic oportet et cet. Сей церемоніалъ напечатанъ и въ Рижскомъ Бревіаріѣ (Молитвенникѣ), изданномъ въ Амстердамѣ 1513 г. и съ того де времени Рускіе обыкновенно называли Рыцарей Лифляндскихъ *желѣзными*

же подтверждаетъ и вскорѣ послѣ сей войны заключенное на шесть лѣтъ перемиріе, которое самъ *Плетенбергъ* называлъ для Лифляндіи постыднымъ. Оно состояло въ 54 статьяхъ, большею частію прежнихъ обязательствъ, и между оными подтверждено было старинное, о повинности Дерптскаго Епископа за поручительствомъ Орденмейстера, платить Россіи поголовную дань и оброкъ Новогородскимъ и Псковскимъ Церквамъ. А во Псковѣ мирный сей трактатъ празднованъ съ колокольнымъ звономъ и пушечною стрѣльбою.

По истеченіи срока сего перемирія, въ 1509 году Марта 25 въ Новѣгородѣ заключено второе на 14 лѣтъ на тѣхъ же условіяхъ съ взаимнымъ обѣщаніемъ безопасности торговлѣ и покровительства Русскимъ въ Лифляндіи Церквамъ. Причемъ отъ Лифляндцевъ обѣщано давать Новогородскимъ и Псковскимъ купцамъ по Лифляндіи проводниковъ, и естьли они тамъ купятъ лошадь, то пошлины платить одинъ фердингъ, а за пропускъ чрезъ границу одну деньгу. Сверхъ того Лифляндцы обязались не имѣть союза съ Польскимъ и Литовскимъ Королемъ.

Вскорѣ по заключеніи еще перваго перемирія Псковскій Князь *Иванъ Ивановичъ Горбатой*, обруганный въ походѣ Псковичами, не захотѣлъ самъ у нихъ

княжить и въ томъ же 1503 году вызванъ въ Москву, а на мѣсто его присланъ во Псковъ Намѣстникомъ Князь *Димитрій Володиміровичъ Ростовскій*. Но и онъ 4 года только здѣсь княжилъ и преемникомъ ему присланъ Князь *Петръ Васильевичъ Шуйскій*, чрезъ 2 года также выведенный. Всѣ они опредѣляемы были безъ воли и выбора Псковичей, а потому не могли пріятны быть ни Чиновникамъ, ни народу и выѣзжали съ неудовольствіемъ отъ сихъ Республиканцевъ, всегда защищавшихъ свою независимость и спорившихъ за древнія свои права и преимущества.

Впрочемъ послѣ совершеннаго усмиренія и покоренія въ 1478 году *старшихъ* ихъ *братьевъ Новогородцевъ*, не льзя даже не удивляться чрезвычайному и долговременному снисхожденію къ нимъ Великихъ Князей Московскихъ. Ибо тогда, какъ первые лишены были всѣхъ своихъ вольныхъ правъ и преимуществъ, не имѣли уже ни особыхъ Князей, ни Вѣчи, ни Посадниковъ, ни другихъ гражданскихъ и военныхъ своихъ Чиновниковъ, ни своего народнаго суда, и наровнѣ со всѣми Русскими Княжествами, совокупленными подъ единодержавіе, безпрекословно повиновались Великому Князю и его Намѣстникамъ, Псковичи въ продолженіи 32 лѣтъ гордились еще своими собственными Князьями, по

большой части по ихъ же выбору, хотя и подъ именемъ Намѣстниковъ, отъ Великихъ Князей присылаемыми къ нимъ и присягавшими имъ на Вѣчѣ, у нихъ однихъ уцѣлѣвшей; требовали у Великаго Князя и получали смѣну ихъ; имѣли своихъ Посадниковъ и прочихъ по древнему обыкновенію Республиканскихъ Чиновниковъ; удерживали насильно, хотя и не всегда вполнѣ, древнія свои права и преимущества; часто спорили за оныя съ самими Великими Князьями, и выступали изъ границъ повиновенія и покорности имъ своими мятежами, не смотря на то, что безъ покровительства и защиты ихъ въ послѣднія сіи времена они легко порабощены были бы усилившимися сосѣдами своими Лифляндцами и Литовцами. Псковской Лѣтописецъ приписываетъ терпѣливость Великихъ Князей сперва силѣ самаго города Пскова, и потомъ опасенію, чтобы онъ не отдался подъ державу Литовскому Великому Князю, сосѣду своему, домогавшемуся уже сего.

XII.

О ПОКОРЕНІИ ПСКОВСКАГО КНЯЖЕСТВА ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МОСКОВСКОМУ.

Наконецъ приближился предѣлъ и ихъ вольности. Выше уже сказано, что Великій Князь *Иванъ Васильевичъ* еще въ 1501 году сыну своему *Василью* далъ титло *Великаго Князя Псковскаго*; а въ Духовномъ завѣщаніи своемъ 1504 года именно написалъ: *даю ему* (Василью) *городъ Псковъ и съ городы и съ волостьми и съ селы и всю землю Псковскую*. По кончинѣ его, послѣдовавшей 1505 года Октября 27, пять лѣтъ сей сынъ и наслѣдникъ его ничего не предпринималъ надъ Псковомъ, оставляя оный только при Намѣстникахъ своихъ. Но въ Октябрѣ 1510 года, когда съ братомъ своимъ Княземъ *Андрѣемъ*, съ зятемъ *Петромъ* Царевичемъ и съ Боярами прибылъ онъ въ Новгородъ, то Псковичи сами подали ему поводъ къ порабощенію себя. Они будучи недовольны присланнымъ къ нимъ въ прошломъ году Княземъ Намѣстникомъ *Иваномъ Михайловичемъ Репнею-Оболенскимъ*, отправили въ Новгородъ семдесятъ пословъ съ двумя Посадниками *Юрьемъ* и *Михайломъ* и съ Боярами изъ всѣхъ Концовъ города, вопервыхъ поднести въ даръ Великому

Князю полторасста рублей Новгородскихъ, а притомъ просить, чтобы *онъ жаловалъ отчину свою, мужей Псковичь, добровольныхъ людей, изобиженныхъ отъ Намѣстника его Князя Репни и отъ его Пригородскихъ Намѣстниковъ*. Великій Князь принявъ подарокъ, отвѣчалъ Посадникамъ: *Язъ васъ свою отчину хочу жаловати и боронити, якожъ отецъ нашъ и дѣды наши Великіе Князи: а что мы повѣствуете о Намѣстникѣ моемъ и о своемъ Князѣ о Иванѣ Репнѣ, ажъ на него станутъ многія жалобы, и язъ его обвиню предъ вами.* Съ симъ отвѣтомъ отпустилъ онъ ихъ во Псковъ. Но Князь *Иванъ Репня* тоюже осенью самъ поѣхалъ къ Государю въ Новгородъ жаловаться на Псковичей, что они и его Великаго Князя безчестятъ, а съ нимъ обходятся не такъ, какъ съ прежними Велико-Княжескими Намѣстниками; сами производятъ дѣла не такъ, какъ бывало; въ суды его, въ пошлины, въ оброки и во всякіе доходы вступаются; позорятъ и насилуютъ его людей и проч. Великій Князь по выслушаніи таковыхъ жалобъ, отпустилъ и его, приславъ съ нимъ только повелѣніе Посадникамъ и Боярамъ и всѣмъ Псковичамъ, чтобы они не выступали впредь изъ почтенія къ нему и къ Намѣстнику его, и въ его доходы и суды не мѣшались. Однакожъ Псковскіе дѣ-

ни Боярскіе и Посадничьи, не уважая сего снисхожденія, побѣжали вторично въ Новгородъ взаимно жаловаться на Намѣстника *Репню*. Тогда Государь прислалъ уже во Псковъ Окольничаго своего Князя *Петра Васильевича-Великаго* и Дьяка *Третьяка Далматова*, повелѣвъ имъ, сперва порознь выслушать жалобы отъ Намѣстника и Псковичей, а потомъ дать имъ очную ставку; но Псковичи на очную ставку не пошли. По сему Князь *Петръ* возвратился въ Новгородъ безъ успѣха. Съ нимъ поѣхали Посадники опять просить Государя по крайней мѣрѣ о смѣнѣ Намѣстника, говоря, что *съ нимъ прожить имъ не можно*. Государь замѣтивъ сіе упрямство, и желая самъ уже разобрать ихъ раздоры, вызвалъ Намѣстника въ Новгородъ и повелѣлъ явиться туда и жалобщикамъ: а Посадники со Псковичами вздумавъ скопомъ цѣлой Области превозмочь Намѣстника предъ Великимъ Княземъ, разослали по Пригородамъ и волостямъ повѣстки, чтобы всякой недовольный имъ ѣхалъ въ Новгородъ жаловаться на него. Сей неблагоразумный кличь возмутилъ только всю Область. Вызвались жалобщики не на одного уже Намѣстника, но изъ самихъ Посадниковъ другъ на друга, а народъ на нихъ и на Новогородскихъ Помѣщиковъ, отъ Порховской стороны ихъ стѣснявшихъ,

двое Посадниковъ, *Леонтій* и *Юрій*; на тойже недѣли поѣхали тягаться между собою предъ Великимъ Княземъ; а отколѣ *Юрій* писалъ во Псковъ Грамману, чтобъ и прочіе Посадники ѣхали въ Новгородъ на очную ставку съ Намѣстникомъ, и буде не поѣдутъ, то *вся Земля будетъ виновата. Въ ту пору*, какъ говоритъ Псковской Лѣтописецъ, *Псковичамъ сердце уныло*. На четвертый день по полученіи сей Граммамы поѣхали девять Посадниковъ, Бояре, Старосты всѣхъ рядовъ купецкихъ, и Житейскіе люди въ Новгородъ. Великій Князь отсрочивалъ разбирательство и отвѣчалъ токмо: *копитеся вы жалобные люди на Крещенье Господне, и язъ вамъ всѣмъ управу подаю; а нынѣ вамъ управы никаковы нѣтъ*. Изъ Уѣздовъ Псковскіе жалобщики всѣ съѣхалися сперва во Псковъ, а къ назначенному сроку съ ними отправились и еще другіе Посадники, купецкіе Старосты и прочіе, кто хотѣлъ, въ Новгородъ. Въ праздникъ Крещенія Господня Государь приказалъ Посадникамъ, Боярамъ и купецкимъ Старостамъ итти на водоосвященіе къ рѣкѣ Волхову, и самъ туда пошелъ съ Боярами своими. Тогда, за небытностію въ Новѣгородѣ Архіепископа, водоосвященіе совершалъ, по сказанію Псковской Лѣтописи, Смоленскій Епископъ *Вассіанъ Кривой*, а по сказанію

Рускаго Времянника, *Митрофанъ*, Епископъ Коломенскій. По совершеніи Священнаго обряда, всѣ возвратились къ Софійскому Собору; а Великій Князь повелѣлъ своимъ Боярамъ объявить Псковичамъ, чтобы они шли въ Государевъ дворъ, гдѣ Государь хочетъ всѣмъ управу дать; а кто не пойдетъ, тотъ страшился бы казни. Всѣ они съ рѣки собрались въ Архіепископской домъ, гдѣ Государь занималъ себѣ квартиру. Посадники, Бояре и Купцы введены въ палату, а прочіе оставались на дворѣ. Русскій Времянникъ говоритъ, что Государь самъ велѣлъ Намѣстнику Князю *Ивану Репнѣ* съ Посадниками стать передъ собою, и выслушавъ ихъ обыскалъ, „что его Намѣстнику отъ Псков„скихъ Посадниковъ непослушаніе было „великое, что въ суды и въ пошлины у „него и у людей его вступалися, и дер„жали его не по тому, какъ прежнихъ На„мѣстниковъ; также и своей братьѣ „Псковичамъ многія обиды и насиль„ства были великія; надъ всѣмъ же симъ „и его Государское имя презираху и „нечестно своимъ презорствомъ и не „послушаніемъ держаху. И за то на всѣхъ „Посадниковъ опалу свою положилъ.„ а Псковской Лѣтописецъ, не упоминая о семъ судѣ, говоритъ только, что Бояре вышедъ, обьявили Псковичамъ: *поиманы есте Богомъ и Государемъ Вели-*

кимъ Княземъ Васильемъ Ивановичемъ всея Руси, и потомъ засадили старшихъ въ томъ же Архіепископскомъ домѣ, а младшихъ роздали по улицамъ подъ стражу Новогородцамъ впредь до управы. Вѣсть о семъ скоро достигла до Пскова. Одинъ купчина, *Филиппъ Поповичь*, ѣхавшій въ Новгородъ, остановясь на рѣкѣ Веряжѣ, и услышавъ о томъ, бросилъ свой товаръ и прибѣжавши во Псковъ, обьявилъ согражданамъ, что Великій Князь *всѣхъ жалобщиковъ переималъ*. Тогда, какъ описываетъ выразительно Псковскій Лѣтописецъ ,,нападе на Псковичь страхъ ,,и трепетъ и туча, и пресхоша горшани ихъ отъ скорби и печали, и ,,уста ихъ пресмякли; якоже многажды приходиша Нѣмцы на нихъ, и ,,таковы имъ скорби и печали не бывало ,,тогда, якожъ нынѣ. И собрашася на ,,*Вѣчи*, начаша думати, ставити ли ,,щитъ противъ Государя и запиратися ,,ли во градѣ? и вспомянуша Крестное ,,цѣлованіе, что не мощно на Государя ,,руки подняти, ни воздвигнути противъ Великаго Князя; а Посадники и ,,Бояре и вси люди лучшіе у него. И ,,послаша гонца *Евстаѳія* Сотскаго, ,,бити челомъ со слезами отъ мала и ,,до велика, чтобы Государь нашъ Великій Князь *Василій Ивановичь* жаловалъ ,,свою Отчину старинную. А мы сироты

„твои и прежде сего и нынѣ не от-
„ступны были отъ тебе Государя, и
„непротивны были тебѣ Государю.
„Богъ воленъ, да и ты съ своею Отчи-
„ною и съ сими людишками твоими. И
„прислалъ Великій Князь Дьяка *Треть-*
„*яка Далматова* съ жалованнымъ со ль-
„стивымъ словомъ. И Псковичи обрадо-
„вались отъ Государя жалованья и ста-
„рины, еже *Третьякъ* имъ на *Вѣчи*
„сказалъ первую и новую пошлину, по-
„клонъ отъ Великаго Князя, что де
„Отчина моя Псковичи только хотите
„въ старинѣ прожити, и выбъ есте
„двѣ воли мои изволили, чтобъ у васъ
„*Вѣчья* не было, да и *колоколъ* бы *Вѣч-*
„*ной* сняли. А здѣсь быти двѣмъ На-
„мѣстникомъ, а по Пригородамъ по На-
„мѣстнику же быти; и вы еще въ
„старинѣ проживете. А только тѣхъ
„двухъ воль не сотворите Государю и
„не изволите, ино какъ Богъ по сердцу
„положитъ; ино у него много силы го-
„товой, и то кровопролитіе на тѣхъ
„будетъ, кто Государевы воли не со-
„творитъ. Да Государь нашъ хочетъ
„побывати на поклонъ къ Троицѣ во
„Псковъ. Да отговоривъ то *Третьякъ*,
„*да сѣлъ на Степени*. И Псковичи уда-
„рися челомъ въ землю, и не могли про-
„тивъ его отвѣта дати отъ слезъ и
„туги сердечныя, и никогожъ нѣсть,
„иже бы тогда не плакалъ; только тыя

„не испустили слезъ, иже младенцы „ссущіи млеко, и токмо ему отвѣщали: Посолъ Государевъ! дастъ Богъ „заутра, и мы себѣ подумаемъ, да тобѣ „о всемъ скажемъ. И бѣ тогда во Псковѣ „плачь и рыданіе и стонаніе во всѣхъ „домѣхъ, другъ друга обнимающе. На„утріежъ освѣтающу дни Недѣльному „позвониша на *Вѣчье* и собрашася По„садники и всѣ Псковичи. И пріѣха „Дьякъ Государевъ и начаша ему тако „говорити: Тако у насъ написано въ „*Лѣтописцѣхъ*, съ прадѣды и дѣды и „со отцемъ его Государемъ Крестное „цѣлованіе съ Великими Князьями по„ложено, что намъ Псковичемъ отъ „Государя своего Великаго Князя, кой „ни будетъ на Московскомъ Государ„ствѣ, и намъ отъ него не отъити ни „въ *Литву*, ни въ Нѣмцы; а намъ жити „по старинѣ въ *добровольи*. А мы Пско„вичи отъидемъ отъ Великаго Князя „въ *Литву*, или въ Нѣмцы, или о собѣ „станемъ жити безъ Государя, ино на „насъ гнѣвъ Божій, гладъ и огнь и по„топъ и нашествіе поганыхъ (*). А

(*) Не извѣстно, изъ какихъ извѣстій написалъ *Гильзенъ* въ своей Лифляндской Исторіи, что якобы въ 1509 году Псковичи посылали къ Лифляндскому Орденмейстеру *Плетенбергу* пословъ съ прозбою, чтобы по причинѣ домашнихъ ихъ несогласій между Начальниками и Гражданствомъ, принялъ онъ ихъ въ соединеніе съ Лифляндіею и якобы Орденмейстеръ боясь нарушить недавно

„Государь нашъ не учнетъ тое крестное „цѣлованіе на себѣ держати, ино на „него тотъ же обѣтъ, коли насъ не „учнетъ въ старинѣ держати. А нынѣ„ча Богъ воленъ, да Государь въ своей „Отчинѣ и Дѣдинѣ во градѣ Псковѣ и „въ насъ и въ колоколѣ нашемъ. А мы „прежняго своего цѣлованья не хотимъ „измѣнити и на Государя своего руки „поднятии, и въ городѣ запиратися не „хотимъ. А Государь нашъ хочетъ живо„начальной Троицѣ помолитися, а въ „своей Отчинѣ побывати во Псковѣ; „и мы его Государя своего рады всѣмъ „сердцемъ, что насъ не погубилъ до „конца. И Генваря 13 спустиша коло„колъ *Вѣчной* у Святыя Троицы, и на„чаша Псковичи на колоколъ смотря „плакати по всей старинѣ и по всей „воли; и повезоша его на Снѣтогорскій „дворъ къ Ивану Богослову.„ Русской Временникъ говоритъ, что сіе требованіе Великаго Князя обьявлено было еще въ Новѣгородѣ задержаннымъ Посадникамъ и Боярамъ, которые всѣ тамъже просили помилованія у него и предавали весь Псковъ на его волю, а сами тогдаже ему присягнули, и съ Дьякомъ

заключенный съ Россіею миръ, отказалъ имъ; и для того то якобы Псковичи обратились къ Великому Князю Московскому Василію Ивановичу съ прозбою объ уничтоженіи у нихъ Аристократическаго Правленія и объ укрощеніи своевольства Гражданъ.

Третьякомъ писали ко Псковичамъ увѣщательную Граммату, что бы они во всемъ исполнили Государеву волю. *Третьякъ* съ доносомъ о исполненіи возвратился въ Новгородъ тогоже 13 Генваря, и съ нимъ пріѣхалъ съ покорностью отъ Пскова Посадникъ *Козма Сысоевичь* и Бояре. Послѣ того вскорѣ, и именно за недѣлю до прибытія Государя самаго во Псковъ, присланы съ войсками Бояре Князь *Александръ Владиміровичь Ростовскій*, Конюшій *Иванъ Андрѣевичь Челядинъ*, Окольничіе *Князь Петръ Васильевичь Великой*, *Иванъ Ивановичь Хабаръ*, *Иванъ Андрѣевичь Жулебинъ*, и Дьяки *Третьякъ Далматовъ*, *Елизаръ Цыплятевъ*, *Сумарокъ Путятинъ*, *Андрей Харламовъ*, да при Дьякѣ *Далматовѣ* Подьячій *Меньшихъ Путятинъ*. Они привели всѣхъ Псковичей къ Крестному цѣлованію, а Посадникамъ обьявили, что Великій Князь прибудетъ въ пятницу. Въ слѣдъ за ними присланы для занятія Великому Князю и свитѣ его въ среднемъ городѣ дворовъ Окольничіе *Михайло Константиновичь Беззубовъ*, *Андрей Васильевичь Сабуровъ* и въ должности Окольничихъ *Петръ Яковлевичь Захарьичь*, да *Михайло Юрьевичь Захарьичь* и съ ними Дьяки *Иванъ Телешовъ*, *да Елизаръ Суковъ*. Они велѣли всѣмъ Псковичамъ выйти изъ средняго города въ крайній большой, а самому Великому Князю очи-

стинѣ дворъ Намѣстнической надъ Великорѣцкимъ мостомъ. 20 Генваря поднялся изъ Новагорода Государь съ братомъ своимъ Княземъ *Андрѣемъ Ивановичемъ Старицкимъ*, съ зятемъ *Петромъ Царевичемъ*, съ Казанскимъ Царемъ *Абдылетиволъ* (съ коимъ шли и Татары), съ Боярами, Воеводою *Княземъ Данилою Васильевичемъ Щеня*, Воеводою *Григорьемъ Ѳедоровичемъ Давидовымъ*, *Княземъ Михайломъ Львовичемъ Глинскимъ* и со многими другими. Первый станъ ихъ былъ отъ Новагорода въ Голинахъ. Напередъ ихъ Генваря 24 рано по утру прибылъ во Псковъ Коломенскій Епископъ *Митрофанъ* (по Псковской Лѣтописи онъ опять названъ *Вассіаномъ* Смоленскимъ) и Симоновскій Архимандритъ *Варлаамъ*. Псковскіе Посадники, Бояре, дѣти Посадничьи и Боярскіе, Купцы и многіе Псковичи собрались было ѣхать встрѣчать Государя на Дубровнѣ, а черное и бѣлое Духовенство у Спасова Образа въ полѣ: но Епископъ объявилъ, что Государь далеко встрѣчать себя не велѣлъ. И такъ граждане выѣхали только за двѣ или три версты отъ города и тогоже 24 числа около обѣдни встрѣтивъ тамъ Государя, *пали всѣ челомъ въ землю*. Государь спросилъ у нихъ о здоровьѣ: а они отвѣтствовали только: *тыбъ Государь нашъ здравъ былъ*. Потомъ Го-

сударь въѣхалъ въ городъ. Епископъ и Архимандритъ съ Монашествомъ и Священствомъ встрѣтили его на торгу. Онъ слѣзъ съ коня у Княжой Церкви Спаской на площади, и по принятіи благословенія отъ Епископа, пошелъ пѣшъ въ Троицкій Соборъ, гдѣ пѣтъ былъ по Литургіи молебенъ и многолѣтіе Государю. По семъ Епископъ благословляя его рекъ: *Богъ тя благословляетъ, Псковъ земиши безъ брани*. При сихъ словахъ Псковичи бывшіе тамъ горько заплакали и воскликнули: *Богъ воленъ и Государь! Отчина его и прежъ была, и старина отца его и дѣда, и мы вси его; дай Господи, онъ бы здравъ былъ!* Государь по выходѣ изъ Церкви въ тотъ день обѣдалъ дома и съ нимъ Епископъ, Архимандритъ, Бояре и Воеводы; а 26 Генваря въ Воскресенье указалъ собраться къ себѣ Псковскимъ Посадникамъ, Посадничьимъ дѣтямъ, Боярамъ, Купцамъ и Житейскимъ людямъ и сказать имъ: *язъ хощу васъ жаловати своимъ жалованьемъ*. Всѣ отъ млада до велика сошлись на Государевъ дворъ. Государь повелѣлъ Посадниковъ и Бояръ, Старостъ и Купцовъ и лучшихъ Житейскихъ людей отобрать въ большую избу, а среднимъ и прочимъ мѣлкимъ Псковичамъ не сходить съ двора; самъ сидѣлъ съ Боярами въ передней избѣ. Потомъ вышедъ Окольничій Князь *Петръ*

Васильевичъ Великой Шуйскій началъ перекликать по переписи Посадниковъ, Бояръ, Купцовъ и всѣхъ лучшихъ людей въ большой избѣ; за нимъ вышли къ нимъ Бояре Князь *Александръ Володимировичъ Ростовскій*, *Григорій Ѳедоровичъ Давыдовъ*, Конюшій *Иванъ Андрѣевичъ Челядинъ*, Казначей *Димитрій Владиміровъ*; Дьяки *Третьякъ Далматовъ*, *Мисюря Мунехинъ*, *Иванъ Телешовъ* и *Лука Семеновъ*, и обьявили Псковичамъ: „Государь „нашъ Василій, Божіею милостію Царь „и Государь всея Руси и Великій Князь, „велѣлъ вамъ говорити, что нынѣ васъ „жалуетъ, въ животы ваши не вступаюсь, и впредь васъ хочу жаловати. „А здѣсь вамъ въ нашей Отчинѣ во Псковской быти не пригоже того для, что „напередъ сего многія жалобы на васъ „въ вашихъ неправдахъ и въ обидахъ „были; а жалую васъ нынѣ своимъ „жалованьемъ въ Московской землѣ; а „вамъ ѣхати нынѣ къ Москвѣ и съ женами и съ дѣтьми; а среднимъ и мѣлкимъ людямъ Псковичемъ всѣмъ, которые стояли на дворѣ, велѣлъ Князь „Великій молвити: до васъ Государю „дѣла нѣтъ, и вамъ разводу не будетъ „изо Пскова: а до которыхъ Государю „дѣло есть, и онъ тѣхъ къ себѣ емлетъ; „а васъ Государь пожалуетъ Грамматою жалованною, какъ вамъ впредь жити.„ Послѣ сего всѣ лучшіе люди Псков-

скіе были росписаны и розданы за Приставовъ по подворьямъ дѣтямъ Боярскимъ, коимъ поручено проводить ихъ и до Москвы, а оттуда развезти по низовымъ городамъ на Волгу и проч. Всѣхъ ихъ въ слѣдующую же ночь съ женами и дѣтьми и съ легкимъ имѣніемъ, что взять могли, оставивъ прочее все, повелъ къ Новугороду Князь *Михайло Даниловичь Щенятевъ* и съ нимъ многіе дѣти Боярскіе. Въ тоже время увели они и женъ съ семействами тѣхъ Псковичей, кои задержаны въ Новѣгородѣ, всего 300 семействъ. Вслѣдъ за ними повезенъ изъ Пскова и *Вѣчевой колоколъ*. Плачь и рыданія были всеобщія. Многіе мужья и жены, не желая итти въ плѣнъ изъ своего града, ушли отъ поисковъ и постриглись въ Монастыряхъ. При описаніи сего произшествія Псковской Лѣтописецъ жалобно восклицаетъ: „Тогда отъяся слава „Псковская, и бысть плѣненъ не иновѣр„ными, но своими единовѣрными людь„ми. И кто сего не восплачетъ и не „возрыдаетъ? о славнѣйшій граде Пскове! „великій во градѣхъ! почто сѣтуеши „и плачеши? и отвѣща прекрасный градъ „Псковъ: како ми не сѣтовати? или „како ми не плакати и не скорбѣти „своего опустѣнія? Прилетѣ бо на мя „многокрыльный орелъ, исполнь крылъ „и львовыхъ ногтей; и взятъ отъ мене

„при кедра Ливанова, и красоту мою „и богатство и чада моя восхити, „Богу попустившу за грѣхи наша; и „землю пусту сотвориша, и градъ „нашъ разориша, и люди моя плѣ„ниша; и торжища моя раскопаша, „а иныя торжища коневымъ каломъ за„меташа, и отецъ и братію нашу раз„ведоша, гдѣ не бывали отцы и дѣды „и прадѣды наша, и тамо отцы и „братію нашу и други наша заведоша „и матери и сестры наша въ поруга„ніе даша.„ Послѣ сего тотъ же Лѣтописецъ, присовокупляя поученіе Псковичамъ, между прочимъ въ упрекъ и имъ говоритъ: „Богъ ждетъ нашего „покаянія и обращенія; и мы не по„каяхомся: но еще на большій грѣхъ „превратихомся, на злые поклепы и ли„хія дѣла, и *Вѣчь* кричаніе: а не вѣ„дуще глава, что языкъ говоритъ, и „не умѣюще своего дому строити, а „градомъ содержати хощемъ; сего ради „самоволія и непокоренія другъ другу „бысть сія вся злая на ны.„

По выводѣ Посадниковъ, Бояръ и прочихъ лучшихъ Псковскихъ гражданъ, Великій Князь началъ раздавать Боярскія деревни своимъ Боярамъ, и опредѣлилъ во Псковѣ Намѣстниками своими Боярина *Григорья Ѳедоровича Морозова*, да Конюшаго своего *Ивана Андрѣевича Челядина* и при нихъ, для писанія пол-

ныхъ Грамматъ и *докладныхъ*, Дьяка *Мисюрю* или *Михайла Мунехина* и другаго Ямскаго Дьяка *Андрея Никифоровича Волосатаго*; сверхъ того уставилъ и Воеводъ Градскихъ и по всѣмъ двенадцати Псковскимъ Пригородамъ назначилъ также изъ своихъ дѣтей Боярскихъ двенадцать Намѣстниковъ или Городничихъ и 12 Старостъ Московскихъ съ ихъ Прикащиками, Пошлинниками и Тіунами или Судьями, а къ нимъ двенадцать же Старостъ Псковскихъ, коимъ дозволено съ Намѣстниками и Тіунами засѣдать въ судахъ; по волостямъ же уставлены Земскіе суды и съ Приказными; а всѣмъ имъ вмѣсто жалованья даны деревни, и велѣно имъ же по всѣмъ Пригородамъ и волостямъ привести народъ къ присягѣ. Для руководства въ производствѣ судныхъ дѣлъ Великій Князь далъ Псковичамъ *Уставную Граммату* съ назначеніемъ дѣловыхъ пошлинъ. Изъ дѣтей Боярскихъ для охраненія Пскова и своихъ Намѣстниковъ оставилъ онъ на годъ 1,000 человѣкъ вызванныхъ изъ Москвы, и велѣлъ занять имъ весь средній городъ; а Псковичамъ тамъ не оставаться ни одному человѣку и дворы свои ставить въ большомъ крайнемъ городѣ. Туда же указалъ вывести торговую площадь и гостинный дворъ (бывшіе за Доманшовою стѣною, гдѣ и

нынѣ) назначилъ для оныхъ мѣсто за среднимъ городомъ противъ Лужскихъ воротъ за рвомъ на огородѣ *Юшки Носухина* и Посадника *Григорья Кротова*, и сіе мѣсто съ тѣхъ поръ прозвано *новымъ торгомъ*; а изъ *Кромц*, то есть верхней части Крѣпости, приказалъ всѣмъ Псковичамъ *статки* (имущества) свои, хлѣбъ и всякой запасъ и клѣти вывезти по домамъ, и въ *Кромц* размѣрить мѣсто, гдѣ быть собственному его двору и житницамъ хлѣбнымъ и новой его Церкви (*); а въ Соборной Церкви указалъ быть денноночной неугасимой свѣщѣ. Между тѣмъ пока Великій Князь пребывалъ еще во Псковѣ, послано въ Москву отъ него извѣстіе о взятіи сего города и повелѣніе прислать сюда 1) изъ низовыхъ десяти городовъ на мѣста выведенныхъ туда 300 семей, поселянъ столькожъ, которые того же года къ Троицыну дню пріѣхали, 2) гостей Московскихъ для установленія во Псковѣ *тамги* или купеческихъ пошлинъ съ привозныхъ и вывозныхъ товаровъ, каковой пошлины у

(*) Такъ свидѣтельствуетъ Руской Времянникъ: но Псковской Лѣтописецъ говоритъ, что сію новую свою Церковь во имя Преподобныя *Ксеніи* (24 Генваря, день прибытія его во Псковъ) Государь поставилъ на Пустой улицѣ въ садникѣ *Ермолки Хлѣбникова*. Улица же сія *Пустой* слыла де, потому что между огородовъ и дворовъ на ней не было.

Псковичей прежде никогда не бывало. Сіи гости тогда же при Великомъ Князѣ во Псковъ и прибыли 3) для стражи города 500 человѣкъ Новогородскихъ пищальниковъ (ружейниковъ) и воротниковъ (караульныхъ по заставамъ) 4) монетныхъ мастеровъ. Ибо Великій Князь отмѣнилъ прежнее Псковское клеймо и уставилъ свое, о которомъ выше уже сказано. Всѣмъ имъ домы отведены были въ среднемъ городѣ, въ коемъ тогда считалось до 1,500 дворовъ; а Псковская Лѣтопись по Архивскому списку полагаетъ до 6,500. Но сей щетъ можетъ быть включаетъ число всѣхъ градскихъ домовъ. Распоряживъ такимъ образомъ новый образъ правленія во Псковѣ, и проживъ тамъ цѣлый мѣсяцъ, Великій Князь отправился обратно въ Новгородъ и оттуда въ Москву. При отъѣздѣ взялъ онъ съ собою и другой любимый Псковичами колоколъ, называвшійся *Корсунскимъ*; а въ замѣну онаго уже въ 1518 году прислалъ имъ къ Соборной Троицкой Церкви большой колоколъ.

Такъ палъ знаменитый Псковъ, сверстникъ и названный *меньшій братъ* Великаго Новагорода, союзникъ городовъ Ганзейскихъ, бѣдный произведеніями своея Области, но богатившійся дѣятельностію и тщательностію въ переводной торговлѣ, славившійся въ теченіи многихъ вѣковъ свободою, все-

гда утѣсняемый сильными сосѣдами, но храбро и мужественно защищавшій оную, уступавшій Новугороду въ изобиліи, но отъ Европейскихъ сосѣдей больше его образованный просвѣщеніемъ и нравственностію, и нѣсколько лѣтъ долѣе его сохранившій свою вольность. Даже и потомство древнихъ Псковичей не осталось уже на мѣстахъ своихъ. Ибо сверхъ выведенныхъ при семъ случаѣ лучшихъ гражданъ, въ 1569 году еще переселено 500, въ 1615 г. 300 семействъ; а въ 1695 году отъ случившейся во Псковѣ ужаснѣйшей всѣхъ прежнихъ моровой язвы почти всѣ коренные жители вымерли, какъ сказано въ Лѣтописи, и мѣста ихъ заселены уже переведенцами и пришлецами разнаго рода изъ другихъ городовъ.

Опредѣленные Великимъ Княземъ *Василиемъ Ивановичемъ* во Псковѣ Намѣстники и по Пригородамъ Городничіе и Московскіе Старосты и Судьи не только не удѣляли въ судахъ своихъ никакой власти посаженныхъ съ ними Псковскимъ Старостамъ, но и не внимали ихъ представленіямъ. Изъ дошедшихъ до насъ Граммать Царя Ивана Васильевича видно, что не только Намѣстники сильны были во Псковѣ, но и Царскіе при нихъ Дьяки имѣли власть раздавать и отводить общественныя угодья и даже деревни на оброкъ, по крайней мѣрѣ

впредь до Указа Государева. Простой народъ, издревле привыкшій къ Республиканской свободѣ, вездѣ также чувствовалъ ограничиваніе, притѣсненія, необыкновенные налоги, отъ ябедниковъ подметы и поклепы; а за выпускъ на поруки платилъ по 5, по 7, и по 10 рублей, и естьли кто осмѣливался ссылаться на уставленныя Государевою Граммапою пошлины умѣренныя за поручительство, того убивали. Отъ такихъ насильствъ, какъ говоритъ Лѣтопись, многіе оставивъ женъ и дѣтей разбѣжались по чужимъ городамъ, и всѣ Пригороды опустѣли; а иноземцы жившіе во Псковѣ выѣхали въ свои земли. Съ другой стороны Великій Князь при всѣхъ своихъ походахъ на войну началъ требовать отъ Пскова посошнаго (*) набора войскъ.

(*) То есть по числу земли, сколько кто обработываетъ. Въ каждой *сохѣ* считалось три *обжи*, а каждая *обжа* причислялась на одного работника съ лошадью. Слѣдовательно *соха* значила три работника съ тремя лошадьми. По сему счету дѣлалась и денежная раскладка податей. А поелику распашка дикихъ земель съ года на годъ распространялась, то чрезъ 10 лѣтъ или болѣе присылаты бывали писцы посошные для описыванія земель и покосовъ и отъ того произошли *Писцовыя Книги*. Въ военные походы посошный наборъ былъ вмѣсто запаснаго Земскаго войска для дополненія служащихъ и до востребованія составлялъ обозный корпусъ. Посохи были частію конные, частію пѣшіе. Избраннымъ въ оную позволялось вмѣсто себя к нанимать охочихъ людей.

Такимъ образомъ въ 1512 году при походѣ подъ Смоленскъ взялъ онъ отъ Псковичей 1000 человѣкъ пищальниковъ т. е. ружейныхъ стрѣльцовъ изъ земцовъ, изъ коихъ многіе тамъ и побиты. Въ томъже году и тогдаже былъ и другой нарядъ Псковскаго войска съ Княземъ *Михайломъ Кислицею*. *Все то*, говоритъ Псковской Лѣтописецъ, *было Псковичамъ не легость, тѣхъ людей поднимая*. Въ 1515 году они ходили еще съ Намѣстникомъ своимъ *Андрѣемъ Васильевичемъ Сабуровымъ* въ Литву подъ Брацлавъ, а въ 1517 города Псковскіе Опочка, Воронич и Велье взаимно выдержали сильное нашествіе и опустошеніе отъ Литовскихъ войскъ, соединенныхъ со многими другими подъ предводительствомъ *Константина Князя Острожскаго*, и потомъ въ 1519 году опять Псковскія войска ходили въ Литву даже до Вильны. Къ счастію еще, тогда не было опасности отъ Лифляндцевъ, ослабленныхъ внутренними своими несогласіями и хранившихъ заключенный съ Россіею миръ ненарушимо.

Между тѣмъ жалобы Псковичей на опредѣленныхъ къ нимъ первыхъ Намѣстниковъ дошли до Великаго Князя, и онъ смѣнивъ ихъ, прислалъ другихъ двухъ, Князя *Петра Великаго Щуйскаго*, бывшаго и прежде во Псковѣ, да Князя *Симеона Курбскаго*, которые были

снисходительнѣе ко Псковичамъ, и управляли ими 4 года. При нихъ, говоритъ Лѣтопись, начали въ свои домы возвращаться тѣ, кои прежде разбѣжались. Правленіе добрыхъ Намѣстниковъ и Городничихъ убѣждало Псковичей мало по малу забывать уже о древнихъ правахъ и о своей свободѣ: но при жестокихъ притѣснителяхъ воспоминали они старину съ воздыханіемъ, а иногда и съ явнымъ ропотомъ. Великій Князь по временамъ старался утѣшать ихъ возобновленіемъ и подкрѣпленіемъ ихъ торговли. Такимъ образомъ въ 1514 году повелѣлъ онъ заключить съ Ганзейскими купеческими городами въ Новѣгородѣ торговый договоръ на 10 лѣтъ, коимъ и Псковичи возпользовались; а въ 1517 году таковый же договоръ заключенъ былъ и съ Шведскимъ Королемъ *Христиномъ* о торговлѣ чрезъ Ивангородъ. Въ 1521 году онъ обезопасилъ ихъ отъ Лифляндцевъ разграниченіемъ и мирнымъ трактатомъ на 10 лѣтъ; а въ слѣдующемъ году подтвердилъ торговый союзъ со всѣми 73 Ганзейскими городами, къ которымъ въ договоръ сей присовокупились также Лифляндцы и Естляндцы и обѣщались быть посредниками. Въ томъ же году послѣ десятилѣтней войны съ Литовцами при заключеніи перемирія открыта и съ ними свободная торговля. Въ 1533 году по нѣкоторымъ неудоволь-

вшвіямъ Любчане запрещили было своимъ кораблямъ ходить до Нарвы: но увидѣвъ, что Лифляндцы въ 1534 году заключивши съ Россіею миръ на 17 лѣтъ и воспользовавшись всею Сѣверною торговлею начали и ихъ притѣснять въ торгахъ, разрѣшили опять свое запрещеніе, и въ 1540 году подтвердили прежній трактатъ.

Все сіе оживляло торговую дѣятельность Псковичей. Но въ 1541 году бывшій у нихъ Намѣстникомъ Князь *Андрей Михайловичь Шуйскій* утѣсненіями и грабительствомъ вывелъ ихъ изъ терпѣнія. Безмѣрныя его съ судовъ пошлины, всчинаніе старыхъ и рѣшенныхъ уже дѣлъ и исковъ, принужденіе всѣхъ мастеровыхъ работать на себя безъ платы, беззащитность всѣмъ добрымъ, а покровительство злымъ и развратнымъ, произвели повсюду вопли и жалобы на притѣсненіе его и на дерзость, своевольство, воровства и разбои отъ покровительствуемыхъ имъ. Царь *Иванъ Васильевичь* по кончинѣ отца своего былъ тогда еще въ малолѣтствѣ, и его именемъ правительствовалъ Совѣтъ Бояръ. Псковичи отправили къ нимъ жалобщиковъ своихъ съ явными доказательствами, которыя и были уважены. Намѣстникъ *Шуйскій* смѣненъ и на его мѣсто присланъ другой; а Псковичамъ возвращено даже было древнее ихъ право,

своими выборными, безъ отношенія къ Намѣстнику и Тіунамъ, ловить, пытать, судить и казнить разбойниковъ и прочихъ лихихъ людей. Посему Псковскіе Цѣловальники или присяжные и Сотскіе начали сами на Княжомъ дворѣ производить суды, и своевольства прекращены. Но власть сія была у нихъ не надолго. Ибо Намѣстники, лишенные силы и доходовъ, мало по малу опять вступились въ дѣла сіи. Псковичи оспоривали ихъ, но терпѣли. Въ Декабрѣ 1547 года прибылъ къ нимъ юный Царь *Иванъ Васильевичь*, съ Боярами объѣзжавшій города: но занимался только звѣриною охотою, а не разсмотрѣніемъ жалобъ ихъ и дѣлъ правительственныхъ, которыхъ тогда еще и не принималъ на себя. Ибо уже съ 16го Генваря щогоже года былъ онъ коронованъ и вступилъ въ Самодержавіе. Съ того времени Намѣстники Великокняжескіе именемъ его присвоили себѣ еще больше власти, и притѣсненія умножились, такъ что Псковичи опять выщедъ изъ терпѣнія, въ Петровъ постъ 1547, по другимъ же запискамъ въ 1550 году отправили въ Москву къ Царю 70 человѣкъ своихъ жалобщиковъ на Псковскаго Намѣстника, Князя *Ивана Турунтая Пронскаго*; а Опоческіе Пригорожане притѣснявшаго ихъ Намѣстничья пошлинособирателя сами заключили въ Крѣпость. Однакожъ

Царь весьма немилостиво принялъ сихъ жалобщиковъ и признавъ самихъ ихъ виновными, безчестилъ, обливая ихъ горячимъ виномъ, зажигая потомъ свѣчею ихъ бороды и волосы, и растягивая ихъ нагими по землѣ; а въ Опочку для усмиренія своевольныхъ послалъ 2,000 человѣкъ войска.

Въ 1550 году 76 статьею изданнаго Судебника, для облегченія холоповъ, позволено въ Москвѣ, Новѣгородѣ и Псковѣ (а болѣе нигдѣ) писать имъ отпускныя отъ Государевыхъ Намѣстниковъ. Въ 1554 г. присланы были во Псковъ поземельные писцы, которые описали городъ Псковъ съ Пригородами и Уѣздными землями, измѣрили владѣнія и обложили хлѣбными и денежными оброками пашни, воды, мѣльницы; а въ 1556 году при общемъ по всей Россіи распоряженіи о судебныхъ дѣлахъ и о бытіи во всѣхъ городахъ и волостяхъ Земскимъ Старостамъ, Сотскимъ и Десятскимъ для судовъ, и объ уничтоженіи судныхъ пошлинъ, а вмѣсто того о положеніи Боярамъ жалованья изъ оброчныхъ доходовъ съ городовъ и волостей по промысламъ и землямъ, введенъ былъ сей образъ правленія и во Псковской Области. Въ сіежъ время, по свидѣтельству современника, Бухавскаго Принца Даніила, Царь предположилъ учредить въ Новѣгородѣ и Псковѣ школы для обу-

ченія Русскаго юношества Латинскому и Нѣмецкому языкамъ, столь нужнымъ тогда для сообщенія съ сѣверными торговыми народами, которые усиливая свои торги, начинали уже ослаблять и Ганзейцевъ; а въ соревнованіе имъ тогда вошли Голландцы, Фландерцы и Англичане, приплывавшіе къ южнымъ Финскимъ берегамъ. Псковскіе купцы имѣли также торговые дворы въ Нарвѣ, Дерптѣ и другихъ городахъ Лифляндскихъ. Ганзейскіе города въ сіе время уже жаловались Царю, что Лифляндцы и Естляндцы затрудняютъ даже прямое сообщеніе торговъ ихъ, и хотятъ, чтобы всѣ товары переходили чрезъ ихъ руки, а оружіе провозить въ Россію вовсе запрещаютъ. Съ другой стороны Швеція и Польша завидуя успѣхамъ Россійской торговли, старались разстроить Царя съ Англинскою Королевою, внушая сей послѣдней опасеніе отъ усиленія Россіи. Но сія смута была тщетна. Ибо обѣ стороны понимали свои выгоды. Царь только по жалобѣ Ганзейскихъ городовъ на Лифляндцевъ и Естляндцевъ, рѣшился стѣснить сихъ послѣднихъ вопервыхъ тѣмъ, что запретилъ Новгородскимъ и Псковскимъ купцамъ ѣздить съ товарами въ Лифляндію; а предполагая уже съ нею войну, для непосредственнаго торгу съ Ганзейцами, сперва повелѣлъ торговать съ иностранцами

въ Иванѣгородѣ, потомъ послалъ въ Апрѣлѣ 1557 года Окольничаго Князя *Шастунова* основать на устьѣ рѣки Наровы при самомъ морѣ Русской городъ и пристань, которые чрезъ полгода и были готовы: а въ слѣдующемъ же году открытъ военный походъ на всѣ Области Лифляндскихъ и Естляндскихъ Рыцарей. Россійскія войска, соединенныя съ Татарскими, съ Генваря 22 отъ Нейгаузена въ три недѣли съ половиною, и при томъ зимою, дошли за 50 верстъ до Риги и за 30 до Ревеля, разорили множество городковъ и селеній и въ концѣ Февраля къ Ивангороду возвратилися съ великимъ числомъ плѣнныхъ и добычи; а въ Великій постъ взяли и Нарву, въ коей тогдаже основаны были новыя двѣ Русскія Церкви, въ Замкѣ и въ городѣ. Въ Іюнѣ взятъ Сыренескъ или Нейшлоссъ и потомъ Нейгаузенъ, Дерптъ и далѣе, всего 20, а по Псковской Лѣтописи 23 городовъ и во всѣхъ основаны также Русскія Церкви. въ Крѣпости Феллинѣ взятъ былъ въ плѣнъ и отставной Орденмейстеръ *Фирстенбергъ*, а въ Дерптѣ тамошній Епископъ *Германъ* и оба свезены въ Москву. Но за то непріятель обошедъ наши войска, прорвался къ городу Красному, сжегъ предмѣстіе онаго и много волостей разорилъ, а также и подъ Себежемъ сжегъ Никольскій Монастырь и

Церковь. Въ слѣдующемъ 1559 году Царь опять послалъ въ Лифляндію войска свои, которыя вступивъ въ оную отъ города Краснаго на Маріенбургъ, разбивали вездѣ встрѣчаемаго непріятеля; брали малые городки и прошли до устья Двины и чрезъ Курляндію до Прускихъ и Литовскихъ границъ, а наконецъ всѣ Рыцарскія Области покорены были Россіанами. Оставалось только присовокупить ихъ совершенно къ Россійской Державѣ. Но, сверхъ чаянія Царя, Естляндцы поспѣшили предаться подъ державу сперва Датскому, потомъ Шведскому Королю; островъ Эзель и Курляндія также Датскому, а преемникъ Фирстенберговъ *Кетлерв*, послѣдній Магистръ Лифляндскихъ Рыцарей, отдалъ всю Лифляндію Польскому сперва въ 1559 г. подъ покровительство, а потомъ съ 1561 г. въ подданство, съ личнымъ собственнымъ ему васальствомъ за данное ему вмѣсто того титло *Герцога Курляндскаго* и *Семигальскаго*, и съ тѣмъ вмѣстѣ сложилъ съ себя Орденъ Духовнаго начальства; а тѣмъ уничтожилъ и существованіе самаго Рыцарства. За Россіею остались только города Нарва, Дерптъ, Аллештакенскій Уѣздъ и часть Вирландскаго и Іервенскаго. Вслѣдъ за симъ началась распря и даже сшибки у Поляковъ со Шведами за Естляндію, которую по Рыцарству присвоивали

первые. Между тѣмъ Шведскій Король *Ерикъ* XIV при самомъ занятіи сей Провинціи счелъ за лучшее заключить миръ съ Царемъ *Иваномъ Васильевичемъ* на два года. По мирному трактату, *сему*, сверхъ прочихъ соглашеній, позволено Шведскимъ купцамъ изъ Ругодива или Нарвы пріѣзжать и во Псковъ, а за торги пошлину платить *по старинѣ*. Послѣ Шведовъ Царь *Иванъ Васильевичь* съ 1562 года началъ также за Лифляндію войну съ Польшею, а потомъ и съ самою Швеціею за Естляндію. Взаимныя сраженія, осады, взятіе городовъ и крѣпостей происходили по всей ихъ землѣ; а со стороны Польши много страдали и Псковскіе города. Также и Царь неоднократно въ отмщеніе вступалъ въ Литовскія границы; для облегченія же себѣ сей войны заключилъ въ 1564 г. миръ съ Даніею и Швеціею. Наконецъ казалось обѣ стороны воюющія утомились взаимными нападеніями и начали переговоры. Польскій Король предлагалъ Царю совокупно выгнать Шведовъ изъ Естляндіи и раздѣлить оную между Польшею и Россіею. Но Царь требовалъ себѣ безъ раздѣлу всѣхъ Рыцарскихъ Областей и не хотѣлъ ничего уступить. Россійскіе гарнизоны удерживали всѣ прежде ими занятыя Крѣпости и города. Въ Дерптѣ открылся было заговоръ: но за то всѣ Нѣмцы

оттуда выведены въ Поволжскіе города и на мѣсто ихъ поселены Русскіе. Чрезъ три года потомъ открылось и во Псковѣ подозрѣніе на нѣкоторыхъ, либо за согласіе съ Новогородцами предаться Польскому Королю, либо просто за ропотъ на тягость безпрестанной войны: но Царь 500 семействъ Псковичей вывелъ въ Москву и на мѣста ихъ прислалъ другихъ поселенцевъ; а Новогородцевъ наказалъ онъ въ слѣдующемъ же году гораздо строже. Впрочемъ при всѣхъ сихъ военныхъ обстоятельствахъ Новогородскіе и Псковскіе купцы не переставали чрезъ Нарву пользоваться торговлею съ Агличанами, Голландцами, Французами и другими сѣверными народами, такъ что Ганзейцы завидуя просили даже Царя не пускать ихъ, а всю торговлю предоставить имъ. Но Агличане въ то время открыли уже для себя другой сѣверный путь въ Россію чрезъ Архангельскъ. Симъ могла быть ослаблена не только Ганзейская, но и Псковская торговля. По сему-то можетъ быть Царь въ Таможенномъ Уставѣ, данномъ 1571 году Новогородцамъ, предоставилъ нѣкоторымъ изъ Псковичей лучшимъ купцамъ преимущество не платить пошлинъ.

Между тѣмъ Рыцарскія Области оставались поводомъ къ непримиримому раздору для всѣхъ раздѣлившихъ оныя

Державѣ. Царь *Иванъ Васильевичъ* не видя надежды прекратить сей споръ однимъ своимъ оружіемъ, вздумалъ употребить убѣжденія Рыцарямъ о соединеніи всей Лифляндіи и Естляндіи паки во одну Область съ подданствомъ Россіи. Двое Рижскіе Дворяне; *Іоганъ Таубе* и *Елертъ Крузе*, еще въ Лифляндскую войну 1558 года взятые въ плѣнъ; милостиво принятые Царемъ; жившіе при дворѣ его и присягнувшіе ему на службу, вызвались въ 1570 г. отправиться отъ него съ довѣренностію въ Лифляндію и Естляндію для преклоненія городовъ. Но упорные Рыцари отвергли ихъ предложеніе. Тогда вздумали они другой способъ убѣдить ихъ, совѣтуя составить изъ себя особое Королевство подъ покровительствомъ Россіи. Надлежало только съ согласія Царя избрать Короля. Съ симъ предложеніемъ Лифляндской Короны сперва отнеслись они къ бывшему Орденскому Орденмейстеру, а тогдашнему Курляндскому Герцогу *Готардуѣ Кетлеру*. Но когда и сей отвергъ ихъ убѣжденія; то они обратились къ Голштинскому Принцу *Магнусу*, сыну Христирна III. Короля Датскаго, владѣніе имѣвшему тогда на островѣ Езелѣ. Сей юный Князь обольстясь титломъ Короля, отправилъ посла къ Царю для своего удостовѣренія и получивъ твердое об-

надеженіе, поспѣшилъ самъ въ Россію. Царь принялъ его съ необыкновеннымъ отличіемъ и ласкою и послѣ переговоровъ заключилъ съ нимъ обязательство въ 4 статьяхъ: 1) жениться Принцу на Царской двоюродной по отцу племянницѣ Княжнѣ *Маріѣ Владиміровнѣ* 2) въ приданое получить всю Лифляндію подъ именемъ особаго Королевства съ наслѣдственнымъ ему владѣніемъ 3) естьли не будетъ онъ имѣть дѣтей, или всѣхъ ихъ лишится, то наслѣдіе Престола его принадлежать должно ближайшему изъ боковой его линіи 4) Царь ничего себѣ болѣе не предоставляетъ, кромѣ титла *Покровителя* Лифляндіи съ нѣкоторою маловажною отъ оной ежегодно платою въ знакъ подданства. Согласясь на сіи условія восхищенный Принцъ въ 1571 году поспѣшно отправился въ Лифляндію, сочинилъ и разослалъ по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ манифестъ о принятіи имъ Лифляндской Короны, убѣждалъ всѣхъ покориться ему безпрекословно и для общаго блага соединиться паки въ едино Государство, увѣряя при томъ, что въ случаѣ упорства онъ по согласію съ Россійскимъ Царемъ можетъ ихъ принудить къ тому и оружіемъ. Но успѣхъ не соотвѣтствовалъ его надеждѣ, по крайней мѣрѣ въ Естляндіи, оставшейся вѣрною Швеціи. Ревель первый изъ городовъ от-

вергъ и манифестъ и предложеніе Магнусово. Оскорбленный Принцъ рѣшился испытать принужденіе, и поелику тогда по Естляндскимъ удержаннымъ Россіею Крѣпостямъ находилось много Рускаго гарнизона, то собравъ изъ онаго Корпусъ, подступилъ онъ подъ городъ, дѣлалъ многіе жестокіе приступы, покушался зажечь городовыя зданія приваломъ горючихъ веществъ къ стѣнамъ и проч. но Шведскій, находившійся тамъ гарнизонъ храбро защищался и Принцъ отъ окопченыхъ только имъ Ревельскихъ стѣнъ чрезъ 8 мѣсяцевъ осады принужденъ былъ отступить безуспѣшно; а отъ стыда весь гнѣвъ свой излилъ на бывшихъ при немъ и руководствовавшихъ его *Тауба* и *Круза*, упрекая имъ, что они и его и Царя обманули увѣривъ, якобы вся *Лифляндія* и Естляндія охотно предадутся новоизбранному Королю. Послѣ такой укоризны симъ руководителямъ нечего лучшаго было ждать и отъ Царя; почему они перебѣжали къ Польскому Королю. Но первая неудача Принца Магнуса не остановила Царя въ намѣреніи своемъ, и онъ въ слѣдующемъ же году самъ пришелъ въ Естляндію съ 80 тысячами войска, взялъ Крѣпость Виттенштейнъ и разославъ многочисленные отряды по всей Естляндской Провинціи для разореній, самъ между

тѣмъ поѣхалъ въ Новгородъ съ Магнусомъ, праздновать его бракосочетаніе. Въ его отсутствіе почти вся Естляндія была завоевана Русскими войсками, кромѣ Ревеля, и Принцъ съ новобрачною прибылъ туда уже къ распоряженію завоеваній, занявши себѣ подъ столицу Обер-Паленъ. Царь повелѣлъ ему продолжать оныя и въ *Лифляндіи*. Тамъ народъ недовольный худымъ распоряженіемъ *Липовскихъ* Военачальниковъ, занимавшихъ Крѣпости ихъ гарнизонами, дѣйствительно желалъ уже предаться Магнусу, которому не медля поддалось и присягнуло 4 города и 20 Замковъ, онъ перенесъ столицу свою въ Венденъ; но Царь не доволенъ былъ еще медленными его успѣхами, и въ 1577 году съ многочисленнымъ войскомъ самъ прищелъ туда, а не желая терять времени, обратился сперва на *Лифляндскіе* города, имѣвшіе въ себѣ Польскіе и *Липовскіе* гарнизоны, взялъ Маріенгаузенъ, *Лу*цинъ, Динабургъ, Кокенгаузенъ, Ашераденъ и приближался уже къ Ригѣ: но узнавъ тамъ объ измѣнническомъ умыслѣ *Магнуса*, за грубое съ нимъ обхожденіе задумавшаго предаться Польскому Королю, поворотился назадъ къ Вендену для наказанія его. Здѣсь насытивъ гнѣвъ свой надъ нимъ и даже надъ поддавшимися сему Принцу городами, онъ чрезъ Дерптъ и Псковъ возвратился въ Москву

оставивъ по себѣ ужасъ по всей Лифляндіи и Естляндіи. Тогдашній Польскій Король Стефанъ Баторій, Государь дальновидный, честолюбивый, предпріимчивый, рѣшительный и дѣятельный, не могъ ни остановить, ни отвратить оружія его потому, что былъ въ походѣ подъ Данцигомъ для укрощенія и покоренія сего прошивъ него возмутившагося города. Но окончивъ сію войну, онъ рѣшился чувствительно отмстить Царю и Россіи; особливо нещастный Псковъ съ Областью своею дорого заплатилъ за Царскія завоеванія.

XIII.

НАШЕСТВІЕ ШВЕДСКАГО КОРОЛЯ ІОАННА СЪ СѢВЕРА, А ПОЛЬСКАГО СТЕФАНА БАТОРІЯ СЪ ЮГА, НА ПСКОВСКІЯ ОБЛАСТИ И НА ПСКОВЪ.

Раздѣлившіе Лифляндію и Естляндію Государи Польскій и Шведскій равно чувствовали притѣсненіе отъ Царя: однакожъ каждый порознь не въ состоянія былъ противиться его силѣ. Но первый больше могъ собрать войска, а вторый съ моря въ разныхъ мѣстахъ обширнѣйшей съ Россіею границы своей могъ дѣлать высадки и ими производить нечаянные набѣги. И такъ оба

сіи Государи въ 1578 г. заключили тѣснѣйшій союзъ для войны противу Россіи. Положено было начать оную совокупно въ самой Естляндіи и Лифляндіи вытѣсненіемъ Россійскихъ гарнизоновъ изъ городовъ и Крѣпостей ими занятыхъ. Первое сраженіе дано подъ Венденомъ, занятымъ уже Польскими и Литовскими войсками, съ которыми соединились и Шведскія. Тамъ Россіяне были разбиты и потеряли всѣ свои пушки. Вслѣдъ за тѣмъ они вытѣсняемы были постепенно и изъ другихъ городовъ; но разсѣянныя по всѣмъ Провинціямъ засады ихъ долго былобы порознь преодолѣвать. А притомъ союзные Государи не хотѣли продолженіемъ войны въ Лифляндіи и Естляндіи подвергать сіи Провинціи опустошеніямъ, и потому засѣвшихъ тамъ Россіанъ оставивъ до времени, согласились напасть на самыя Россійскія Области съ разныхъ сторонъ. Шведскій началъ дѣлать набѣги отъ Нарвы и съ Финляндскихъ границъ: а Польской отъ Литовской границы. Они подущали еще и Крымскаго Хана съ юга занять Россію: но Царь убѣдилъ его дарами къ перемирію на годъ. Россіане отражали часто не безъ успѣха нападенія сѣвернаго непріятеля и долго удерживались во многихъ городахъ Естляндскихъ; а въ своих далѣе Ивангорода его не впу-

стили: но ополченіе Польскаго Короля превозмогало ихъ. Войско его состояло изъ различныхъ наемныхъ и своихъ Польскихъ и Литовскихъ людей и изъ корпуса Венгерской пѣхоты. Польскими предводительствовалъ Гетманъ *Мѣлецкій*, Литвою Гетманъ *Николай Радивилъ*, Венграми славный Воевода ихъ *Гавріилъ Бекѣшъ*; а при осадѣ Пскова Великимъ Гетманомъ или Фелдмаршаломъ былъ коронный Канцлеръ *Иванъ Замойскій*. Первыя непріятельскія дѣйствія Баторіемъ открыты лѣтомъ 1579 года осадою Полоцска, который твердо укрѣпленъ былъ и имѣлъ сверхъ своего засаднаго гарнизона еще 6 полковъ, присланныхъ изъ Пскова Царемъ, тогда въ семъ городѣ цѣлое лѣто пребывавшимъ для военныхъ распоряженій. Сверхъ того двое Воеводъ, *Шейнъ* и *Шереметевъ* изъ города Сокола дѣлали набѣги на непріятельскія партіи, искавшія корму. Россіяне въ Полоцскѣ храбро обороняились, а дабы отнять у непріятеля всякое прикрытіе, сами напередъ выжгли всѣ предмѣстія города. Шесть недѣль Баторій держалъ оный въ осадѣ и многіе дѣлалъ приступы безуспѣшно. Польскіе писатели сію медленность и затрудненіе приписываютъ неприступному мѣстоположенію Крѣпости, а болѣе безпрестаннымъ дождямъ во всю осаду продолжавшимся. Наконецъ осаж-

давшіе успѣли зажечь Крѣпость и взяли городъ. Вслѣдъ за тѣмъ Подольскій Воевода *Николай Мѣлецкій* взялъ городъ Сокольъ и Сушу, а *Бекешъ* Туровъ и другіе ближніе. Послѣ сего перваго похода, не имѣя запасовъ и денегъ на продолженіе онаго, Король возвратился въ Варшаву и 23 Ноября созвалъ Сеймъ, на которомъ послѣ многихъ споровъ и охужденій начатой войны съ Россіею, рѣшено однакожъ дать Королю налогомъ податей пособіе. Надлежало умножить и войско, особливо пѣхоту, въ которой Польское и Литовское Дворянство служить считало себѣ за низость. Королю и Гетману его *Замойскому* много труда стоило уговорить къ сему Дворянъ. Однакожъ составлено было оной въ сколько и отправлено въ походъ на весну. Намѣреніе Короля было начать второй походъ съ пограничныхъ отъ всей Бѣлоруссіи городовъ, дабы на случай похода внутрь Россіи обезопасить себя съ тылу. Но на пути къ Великимъ Лукамъ вспрѣтилъ онъ Крѣпость Велижъ, усиленную достаточнымъ гарнизономъ, а съ Бѣлорусской стороны заграждённую многими засѣками по непроходимому лѣсу, отдѣлявшему её отъ границы. Польскіе писатели говорятъ, что доколѣ 100 лѣтъ уже никакое войско не смѣло проходить сквозь лѣсъ сей. Окружныя дороги бы-

ли очень далеки, а обойти сію Крѣпость опасно было, дабы не оставить въ тылу засадныхъ: но и остановляться для нее цѣлому войску не было времени. Почему Король поручилъ Гетману *Замойскому* какъ-нибудь пѣхотою пробраться сквозь лѣсъ и нечаянно взять Велижъ. Два дни съ трудомъ пробирался онъ сквозь всѣ преграды, а въ третій взялъ Крѣпость въ расплохъ и тамъ нашелъ множество пороху, оружія и припасовъ: но отъ Велижа до Великихъ Лукъ предлежала такаяже сквозь густые лѣса дорога, которую съ трудностью прочищала Венгерская пѣхота и на пути оборонялась еще отъ Русскихъ засадъ. Наконецъ вышли всѣ на равнины къ Великимъ *Лукамъ*. Туда подошелъ съ *Литовскими* войсками и Виленскій Гетманъ *Радзивилъ*, на пути взявшій городъ Усвятъ, Невель и Озерище. Великіе *Луки*, по сказанію Польскихъ описателей сего похода, были городомъ тогда многолюднѣйшимъ и послѣ Москвы и Пскова обширнѣйшимъ и богатѣйшимъ. Въ немъ находилась Крѣпость защищавшаяся 12 батареями. Царь предвидѣвъ Баторіево нападеніе на сей городъ, велѣлъ напередъ выжечь предмѣстія, а въ Крѣпость прислалъ всѣ нужныя орудія и такой многочисленной гарнизонъ, который могъ не только въ стѣнахъ защищаться, но и на откры-

томъ полѣ сражаться. Всѣ приступы непріятельскіе сильною артиллеріею были отражаемы, а непріятельская не могла проникать сквозь валы ограждавшіе Крѣпость, и потому начаты были подкопы: но индѣ болотистый, а индѣ песчаный грунтъ земли не позволялъ продолжать ихъ. Отъ сего въ войскѣ Баторіевомъ произошелъ уже ропотъ за напрасную потерю времени и всѣ совѣтовали отступить; но *Замойскій* требовалъ терпѣнія и превозмогъ всѣхъ своимъ упорствомъ. Онъ замѣтилъ, что валы, защищающіе Крѣпость, составлены были изъ деревянныхъ обрубовъ, присыпанныхъ только пескомъ и обложенныхъ дерномъ. Для того рѣшился онъ подкопами сперва разрушить ихъ и сквозь нихъ сдѣлать себѣ проходы, или по крайней мѣрѣ содравъ съ нихъ дернъ, зажечь. Послѣднее удалось ему болѣе. Ибо покушавшіеся пройти сквозь валы прогнаны осажденными; но огонь запущенный въ обрубы хотя сперва погашенъ былъ прикрытіемъ мокрыхъ кожъ, однакожъ въ слѣдующую же ночь такъ разгорѣлся, что обнялъ всю Крѣпость пламенемъ, зажегъ многія въ городѣ зданія и Церкви, а дошедши до большаго пороховаго погреба, взорвалъ оный на воздухъ и многихъ побилъ. При семъ то смятеніи непріятель ринулся со всѣхъ сторонъ въ Крѣпость и взялъ оную

Король однакожъ поправилъ ее для засады своего гарнизона. Ибо въ Великихъ Лукахъ онъ былъ намѣренъ оставить свое войско на зиму. Въ тоже время послалъ онъ одинъ отрядъ подъ начальствомъ Брацлавскаго Воеводы *Збаражскаго* къ Торопцу, гдѣ собрано было Русское войско для наблюденій непріятеля, а *Замойскому* поручилъ взять городъ Заволочье, лежавшій на границѣ Псковской; самъ же отъѣхалъ въ Невель дожидаться ихъ успѣховъ. *Збаражскій* у Торопца немного имѣлъ дѣла и скоро возвратился: но *Замойскій* при столь маломъ городкѣ, каковъ Заволочье, встрѣтилъ неожиданныя затрудненія. Начальствовавшій тамъ Воевода *Сабуровъ* сдѣлалъ такія благоразумныя предосторожности, что всѣ первыя къ приступу покушенія непріятельскія остались тщетными. Ибо плотину, по коей одной только можно было доѣзжать до города, на островѣ озера лежащаго, онъ разрушилъ, всѣ лодки истребилъ, вооружилъ всѣхъ гражданъ, а отъ кидаемыхъ на городъ гранатъ прикрылъ всѣ кровли дерномъ. Нѣкоторые изъ непріятелей хотѣли переправясь на плотахъ напасть на городъ: но онъ сдѣлавъ вылазку, вогналъ ихъ въ озеро, и едва немногіе уплыли назадъ. Непріятны были сіи вѣсти Королю, готовившемуся тогда возвратиться на Сеймъ;

Но поелику *Замойскій* обнадеживалъ его успѣхомъ, то онъ пославъ ему еще нѣсколько войска на помощь, въ Октябрѣ уѣхалъ въ Варшаву. При второмъ уже сильнѣйшемъ приступѣ Заволочье сдалось непріятелямъ на договорѣ. Послѣ сего *Замойскій* поѣхалъ вслѣдъ за Королемъ на Сеймъ, гдѣ они получивъ новыя пособія податьми на два года впредь, и набравъ свѣжаго войска, на весну возвратились въ Великіе Луки, гдѣ были зимнія квартиры Польскихъ и Липовскихъ войскъ ихъ: а Венгерскій корпусъ съ артиллеріею зимовалъ уже около Опочки, и по приказанію *Замойскаго* Воевода *Вольскій* добѣгалъ разъѣздами до Порхова, Холма и Воронича и до Старой Русы. Весною занятъ былъ Красной городъ и Опочка, а послѣ сего Король отъ Заволочья двинулся въ походъ тремя отдѣленіями къ Острову, занялъ по пути лежащіе городки Велье и Вороничь, подступилъ подъ Островъ, разбилъ пушками башни и стѣны и взялъ безъ всякаго труда. Ибо тамъ нашелъ онъ только 30 засадныхъ стрѣльцовъ и небольшое число служилыхъ Боярскихъ дѣтей. Тогда очевидна уже была опасность предстоявшая Пскову. Но Король не спѣшилъ походомъ, не извѣстно изъ осторожности ли, или отъ какихъ нибудь препятствій, либо отъ ожиданія сбора своихъ разнонародныхъ войскъ,

Даже не понятно, почему на три года расположилъ онъ войну сію, когда могъ начать и кончить ее въ одно лѣто. Польскіе Историки приписываютъ сіе затрудненію въ сборѣ податей на иждивеніе войны и медлительнымъ переправамъ чрезъ рѣки и лѣсистыя мѣста. Не меньше удивительно и то, что Царь *Иванъ Васильевичъ*, столь рѣшительный въ своихъ войнахъ, имѣя всѣ способы собрать многочисленное войско и много временъ на приготовленіе себя къ оборонѣ, не воспользовался медленностію своего непріятеля. Онъ могъ надѣяться и на содѣйствіе себѣ Ганзейскихъ городовъ, по связямъ торговли доброжелательствовавшихъ Россіи, такъ что Любчане тогда тайно препятствовали даже Баторіеву найму войскъ въ Германіи, а Данчане пересылали въ Россію и военные снаряды, какъ пишетъ Далинъ. Не смотря на то, Царь совершенно оставилъ Псковъ на произволъ судьбы, а только успѣлъ свезенною изъ разныхъ окружныхъ городовъ артиллеріею достаточно снабдить его и самъ не оставшись тамъ и даже выѣхавъ изъ Москвы, жилъ въ городѣ Старицѣ безъ дѣйствія во все продолженіе Баторіева нашествія, а только написалъ къ Королю въ Великіе Луки укоризненную за нашествіе его Граммату, на которую сей отъ 1 го Авгу-

ста тогоже года отвѣчалъ ему еще укоризненнѣе и послалъ ему цѣлую книгу, тогда изданную въ Германіи о его тиранствѣ. Псковская Лѣтопись и Князь *Курбскій* нерѣшительность Царя приписываютъ какой-то непонятной робости и боязни, въ то время обьявшей его, а *Гейденштейнъ* недовѣрію къ своимъ войскамъ и потерянію разсудка. Сами непріятели, говоритъ онъ, дивились, что онъ ничѣмъ не препятствовалъ Королю въ походѣ, а вмѣсто того искалъ помощи и посредничества къ примиренію у Римскаго Императора *Рудолфа* и у Римскаго Папы, обѣщавая имъ за то помощь и содѣйство противу Турокъ. Когда же Король двинулся уже изъ Опочки ко Пскову, то онъ Псковичамъ прислалъ только подтвержденіе, чтобы они стояли крѣпко и единодушно до послѣдней капли крови; а изъ Новогорода Архіепископъ Александръ писалъ къ нимъ только увѣщанія, чтобы они начали молебствія и въ Соборѣ и по приходскимъ Церквамъ и по домамъ, а по городу совершали бы ежедневные Крестные ходы съ иконами; прочее все предоставлено городовымъ Начальникамъ и самимъ гражданамъ въ распоряженіе.

Во Псковѣ тогда находился Намѣстникомъ Князь *Василій Ѳедоровичь Скопинъ Шуйскій* съ товарищемъ, Княземъ *Ива-*

номъ Петровичемъ Шуйскимъ. Сему послѣднему, яко въ дѣлахъ военныхъ опытнѣйшему, Царь поручилъ и главное распоряженіе укрѣпленій. При нихъ тамъ еще находились Воеводы *Никита Ивановичь Очинъ-Плещѣевъ*, Князь *Андрей Ивановичь Хворостининъ*, Князь *Владиміръ Ивановичь Бахтеяровъ-Ростовскій* и Князь *Василій Михаиловичь Лобановъ-Ростовскій*. Войска съ ними было только 15 тысячь, по сказанію нашихъ Лѣтописей: а Польскіе писатели полагали онаго до 50 тысячь пѣшихъ, считая вмѣстѣ съ Пригорожанами, способными къ вооруженію, и самыхъ жителей Псковскихъ до 50 же тысячь, а болѣе семи тысячь конницы. Сіе и могло статься, потому что Воеводы, какъ скоро узнали о выступленіи Короля еще изъ Опочки, то послали во всѣ Псковскія волости, села и засады созывать жителей во Псковъ съ ихъ имуществомъ, что съ собою взять можно; а прочее все и съ домами приказали предать огню. Въ тоже время пришелъ ко Пскову еще отрядъ Козаковъ подъ начальствомъ Атамана *Николая Черкасскаго*. Собравъ такимъ образомъ довольное количество народа, Градоначальники сдѣлали распоряженіе и войскамъ и народу, кому какую часть Городовой стѣны оборонять отъ непріятелей, и какія гдѣ поставить

орудія. Нѣкоторыя слабыя части стѣнъ они укрѣпили прикопами, деревянными надолбами въ два ряда, насыпавъ промежутокъ землею и на насыпяхъ по мѣстахъ нарубили деревянныя же башни, дабы съ нихъ стрѣлять чрезъ стѣны изъ большихъ пушекъ. Надъ пѣхотою начальствовалъ *Косецкій*, а надъ Козаками *Николай Черкасскій;* на встрѣчу же Королю Псковичи выслали только два сторожевые полка подъ начальствомъ Воеводъ *Ивана Михайловича Бутурлина* и *Василія Плещеева*.

Между тѣмъ Король *Стефанъ* отъ Острова шелъ уже безостановочно и впереди пустилъ Венгерцевъ, раздѣливъ ихъ на три отряда, изъ коихъ одинъ пошелъ прямо ко Пскову, а два остались въ скрытой засадѣ. Первый стрѣтивъ сторожевые Псковскіе полки, сдѣлалъ легкую стычку и началъ отступать назадъ: но доведши ихъ до своихъ засадъ, вдругъ всѣ напали, разбили Псковичей и взяли двухъ Воеводъ въ плѣнъ и еще потомъ третьяго, подошедшаго къ нимъ *Никиту Кростова*; а чрезъ плѣнныхъ Король узнавъ о состояніи города, жителей и засаднаго войска, вслѣдъ за тѣмъ къ 18 Августа 1581 года самъ явился съ Польскими и Литовскими войсками за рѣкою Черехою, и тамъ со стороны ручья укрѣпилъ станъ свой тремя рядами обоз-

мыхъ повозокъ, о чемъ вѣстовые стражи; отъ Пскова тамъ поставленные, тотчасъ дали знать городу. Тогда общимъ совѣтомъ Воеводъ положено было выжечь все Завеличье, а изъ Церквей и Мирожскаго Монастыря все вывезть въ городъ. Войско Польскаго Короля состояло изъ различныхъ народовъ, по сказанію Псковской Лѣтописи изъ 17, по Серапіонову описанію осады Пскова изъ 14, по Лѣтописи Покровской Церкви изъ 12, по Печерской изъ 10, а по Лифляндскимъ и Польскимъ только изъ Поляковъ, Литвы, разныхъ Нѣмцовъ, Голландцовъ, Прусаковъ, Курляндцовъ и Венгровъ. Число ихъ также полагается различное: по Лѣтописи Покровской и Печерской до 100, по Псковской до 70, по сказанію Нѣмецкаго путешественника Самуила Кихеля (бывшаго во Псковѣ около 1589 г.) до 60; а по Историкамъ Польскимъ якобы только 30 тысячь и пять тысячь Венгерской конницы и пѣхоты. Естьли первый счетъ войскъ сихъ увеличенъ, то можетъ быть уменьшенъ и послѣдній. Ибо невѣроятно, чтобы Король осмѣлился съ малымъ корпусомъ войти въ такое Государство, которое могло выставить противъ его многочисленное войско. Современный Польскій Историкъ *Гейденштейнъ*, описавшій подробно всю сію осаду, говоритъ, что и по окончаніи оной, когда по силѣ за-

ключеннаго съ Россіею мирнаго договора войска непріятельскія отходили отъ Пскова, то сверхъ пѣхоты, конницы у нихъ было до двадцати четырехъ тысячь, а кромѣ того въ завоеванныхъ городахъ оставались еще засадные гарнизоны. Впрочемъ тотъ же Историкъ говоритъ, что самъ Король при началѣ осады осмотрѣвши Псковъ и узнавъ о состояніи онаго, раскаивался, что давно не послушался совѣтовъ итти подъ сей городъ не замедляя въ пути и что надлежало бы привести подъ оный впрое больше пѣхоты; въ которой замѣчалъ уже онъ у себя недостатокъ, такъ какъ и въ порохѣ нужномъ для сей осады. Посему думалъ даже, оставя Псковъ, итти на Новгородъ, по тогдашнимъ слухамъ меньше укрѣпленный, или къ ближайшимъ городамъ Порхову и Гдову и занявъ ихъ, набѣгами оттуда безпокоить Псковъ. Но стыдъ отступленія отъ Пскова и опасеніе Новагорода удержали его, а наступившая уже осень и не позволяла предпринимать дальнѣйшаго похода. Какъ бы то ни было, Король хотѣлъ сперва облечь весь городъ кругомъ и 26 Августа переправясь чрезъ Череху распорядилъ войска свои въ обходъ. Но сильная стрѣльба со стѣнъ разстроивала ихъ. Для закрытія себя они потомъ начали обходить далѣе лѣсами, около города тогда еще быв-

шими: но ядра проникали и сквозь лѣса и ломая оныя застилали имъ проходъ и многихъ побивали. Король не ожидалъ, что бы городъ имѣлъ столь сильную и далеко досязающую артиллерію. Въ самомъ дѣлѣ, по свидѣтельству *Гейденштеина*, были тамъ такія пушки, которыя семидесяти и осмидесяти фунтовыми ядрами заряжались и пробивали три ряда коробовъ насыпанныхъ землею. Къ вечеру Король уклонился еще далѣе отъ города и расположилъ шатры свои по Порховской дорогѣ на высотахъ въ пяти верстахъ около Николаевскаго Любятова Монастыря. Граждане все сіе видѣли со стѣнъ и въ молчаніи только направляли пушки свои на его лагерь; а когда довольно уже смерклось, то открыли безпрестанную и сильную пальбу, отъ которой въ туже ночь снялъ онъ свои шатры и удалясь опять къ рѣкѣ Черехѣ, сталъ за буграми и горами на рѣчкѣ Промежицѣ близь Спасскаго Монастыря. Послѣ того перемѣнилъ онъ все расположеніе своей осады и чтобы не раздѣлять далеко силъ своихъ, рѣшился сдѣлать приступъ съ одной юговосточной линіи градскихъ стѣнъ. Такимъ образомъ назначилъ онъ уголъ между Покровскою и Свинусскою башнями одной части Венгерцовъ подъ начальствомъ вождя ихъ *Гавріила Бекѣша*, а другую часть ихъ подъ начальствомъ

племянника своего *Валтазара* переправилъ чрезъ Великую рѣку на лѣвой берегъ. Противъ Свинусской башни велѣлъ стать Полякамъ и загородиться коробами насыпанными землею; отъ Порховской дороги къ Петровскимъ воротамъ стать *Липовцамъ*, а въ остальномъ промежуткѣ Нѣмцамъ. Въ сіе самое время прибылъ къ Королю отъ Турецкаго Султана для переговоровъ о Татарскихъ на Украинѣ перебѣжчикахъ посланникъ, которому Король показалъ всѣ свои войска и распоряженія и получилъ отъ него похвалу. По отпускѣ его начаты немедленно подступы. Венгерцы первые подошли къ стѣнамъ между Покровскою и Свинусскою башнею: но вылазкою гражданъ были прогнаны. Августа 27, по сказанію Псковской Лѣтописи о сей осадѣ, нѣкоему благочестивому мужу, именемъ *Дороѳею*, было явленіе и откровеніе отъ Божія Матери о будущемъ нападеніи на градъ со стороны угла Крѣпости при Покровскомъ Монастырѣ. (*) Почему Печерскаго Мона-

(*) Все сіе явленіе обстоятельно описано на Иконѣ, находящейся донынѣ въ тойже Покровской Церкви подъ изображеніемъ самаго того явленія. Въ *Историческомъ Описаніи Московскаго Успенскаго Собора* сказано, что тамъ надъ южными дверми въ деревянномъ кивотѣ стоитъ за стекломъ изображеніе и мѣра Чудотворной Иконы Псково-Покровскія Обители, зовомыя во Углѣ, на которой изображено вышеупомянутое явленіе. На

рыря Игуменъ *Тихонъ*, еще до осады по повелѣнію Архіепископскому прищедшій въ городъ съ Чудотворными Успенія и Умиленія Богородицы Иконами Печерскаго Монастыря, началъ съ Духовенствомъ и гражданами совершать ежедневныя Крестныя хожденія съ тѣми Иконами въ помянутое мѣсто, а Воеводы и Бояре поставили въ той части стѣны три Креста завѣтные. Четыре дни послѣ сего не видно было никакого непріятельскаго движенія. Но Сенцября усмотрено, что по большой Новгородской (*) дорогѣ къ загородней Церкви Святаго Алексія, человѣка Божія, и къ градскимъ воротамъ Великимъ, Свинуским и Покровскимъ, со стороны Флоро-Лаврской, бывшей за Выползовою слободою у Песковъ Церкви, начали они отъ своихъ становъ копать большіе рвы. Три дни занимались они сею работою и выкопали пять большихъ бороздъ рвъ къ городу и семь поперечныхъ. Вну-

одной изъ трехъ золотыхъ шаблицъ при томъ спискѣ находится слѣдующая надпись: „1740 года, сей образъ „пщаніемъ ея Императорскаго Величества Великой „Государыни, Императрицы, Анны Іоанновны, Самодержицы Всероссійскія, обложенъ золотымъ окладомъ „и украшенъ адмазами по ея Императорскаго Величества „Христолюбивой вѣрѣ къ сему образу для бывшей войны „противъ Турокъ и Татаръ съ 1736 по 1740 годъ, которымъ праведныхъ ради молитвъ даровалъ Богъ Всероссійской Имперіи надъ сопротивными побѣду.“

(*) Тогда дорога сія лежала чрезъ рѣку Череху.

три сихъ бороздъ, какъ послѣ осады найдено, сдѣлали они 139 большихъ и 904 меньшихъ землянокъ съ печками для жительства полковымъ Чиновникамъ и ратникамъ. Прокопы доведены были почти до самыхъ стѣнъ градскихъ и заслонены высокими насыпями, сквозь кои наведены были пушки. 4 Сентября въ ночи со стороны Алексѣевской Церкви, на версту отъ города, они прикатили и поставили туры или насыпные коробы, въ коихъ сдѣлали съѣзжій дворъ для закрытія конныхъ и засадныхъ, а другой таковой же къ Великой рѣкѣ отъ Флоро-и-Лаврской Церкви; еще двое туровъ бойничныхъ противу Свинусскихъ воротъ и угольной Покровской башни; а третьи таковыежъ туры противъ тойже башни за Великою рѣкою, и всѣ оные въ одну ночь насыпали землею; а въ слѣдующій день 5го Сентября въ бойничныхъ уставили осадную артиллерію. Осажденные замѣчая все сіе, сами противу тѣхъ туровъ дѣлали съ своей стороны укрѣпленія, и не надѣясь на одну каменную стѣну свою, начали рубить еще за нею отъ Покровскаго угла по той линіи деревянную тарасами, съ нагрузкою камней и земли на случай пролома: а на каменной поставили большія пушки и особый отрядъ Дворянъ, Стрѣлецкихъ Головъ, стрѣльцовъ и посадскихъ. Сія

передовая стѣна отъ Покровской башни до Свинусскихъ воротъ особенно поручена была оборонѣ Воеводъ *Андрея Ивановича Хворостинина* и Князя *Ивана Петровича Шуйскаго*. Но ежедневно шуда даже съѣзжались на совѣтъ и всѣ Бояре и Воеводы. Прочія мѣста крайнихъ стѣнъ и даже средней по слабѣйшимъ частямъ прирублены были также деревянными стѣнами въ тарасахъ съ нагрузкою камней. Всѣ сіи стѣны распредѣлены были въ защиту другимъ Воеводамъ, неотлучно стоявшимъ тамъ день и ночь. 6 Сентября начальствовавшій тогда во Псковскомъ Духовенствѣ Печерскій Игуменъ *Тихонъ* по нѣкоему откровенію, съ совѣта прочихъ Духовныхъ, по утру благовѣстомъ созвалъ гражданъ въ Соборъ и сдѣлалъ отшуду опять крестной ходъ къ Покровскому углу съ чудотворною Печерскою Иконою Богородицы, съ Мощами Св. Благовѣрнаго Князя Псковскаго Гавріила и со старою Печерскою хоругвію. Весь народъ сопровождалъ ихъ съ плачемъ и рыданіемъ, не чая ниоткуду болѣе помощи и защиты, кромѣ Бога.

На утро 7го Сентября при самомъ разсвѣтѣ Король открывъ стрѣльбу по стѣнамъ градскимъ съ трехъ бойничныхъ туровъ изъ 20 пушекъ и изъ разставленныхъ по прикопамъ, продолжалъ оную во весь день до ночи и на

другой день отъ утра до девяти часовъ онаго. 24 сажени городовой стѣны отъ Великихъ воротъ до Свинусской башни и весь охабъ были разбиты до земли, и еще 69 саженъ стѣны избиты и разсыпаны въ разныхъ мѣстахъ. Осажденные успѣли наскоро заградить проломъ только рвомъ и фашинами, работая почти подъ пушечными выстрѣлами. Около полудня 8 числа стрѣльба съ бойничныхъ туровъ умолкла: но появились изъ окоповъ выступившія къ стѣнамъ шедшія войска. Воеводы видя приближеніе ихъ, для извѣщенія народа приказали зазвонить въ осадной колоколъ, висѣвшій въ среднемъ городѣ на стѣнѣ у Церкви Василія Великаго на горкѣ; а непріятелей встрѣтили со стѣнъ жестокою пушечною стрѣльбою, коею цѣлые ряды ихъ положили на полѣ. По звуку колокола, изъ всѣхъ Концовъ города граждане прощаяся съ домашними, сбѣглись къ стѣнамъ на оборону, а въ Троицкомъ Соборѣ Духовенство съ остальнымъ народомъ начало совершать безпрестанное моленіе. Въ самые полдни, по сказанію *Гейденштейна*, Нѣмцы, а по сказанію другихъ, Венгерскіе гайдуки, одѣтые въ латы, подъ предводительствомъ Вождей своихъ *Борнемиссы*, *Матвея Керекеза* и *Ѳомы Дерцена* съ частію Нѣмцевъ, столпясь и закрывшися щитами, усильно

и поспѣшно приближились къ пролому отъ Покровской башни съ ручнымъ оружіемъ: но дошедши, вдругъ остановились, либо почитая проломъ для себя тѣснымъ, или встрѣтивъ вышеупомянутую фашинную и палисадную преграду со рвомъ, какъ пишутъ Лифляндскіе Историки; а вѣроятнѣе сильное сопротивленіе. Тогда Поляки за ними шедшіе, изъ ревности протѣснясь сквозь ихъ, устремилися съ такою яростію на сопротивляющихся, что сломивъ ихъ, стали на проломѣ; другіе взлѣзли на разбитыя стѣны; третьи взошли уже на Покровскую и Свинусскую башни, и поднявъ тамъ свои знамена, стрѣляли съ высоты на осажденныхъ. Къ нимъ туда же взлѣзли и Венгерскіе Вожди *Керекеза* и *Дерценъ*. Самая великая трудность осажденнымъ предстояла не допустить непріятеля чрезъ проломы въ открытой уже городъ. Ибо къ несчастію не успѣли еще они въ семъ мѣстѣ кончить начатой предъ осадою задней деревянной стѣны въ заслонъ проломной. Не смотря на то, Воеводы съ войскомъ и народомъ упорно отбивали вторгающихся непріятелей и старались сбивать взошедшихъ уже на стѣны. Крикъ съ обѣихъ сторонъ, звукъ и трескъ оружія и взаимные выстрѣлы пищальные заглушали даже всѣ начальническія приказанія, и каждый дѣйство-

валъ почти только по своему стремленію. Польскій Король на все сіе смотрѣвшій за полверсты изъ-за города съ колокольни Никитской Церкви, замѣтивъ смятеніе гражданъ, а своихъ уже на башняхъ и на стѣнахъ со знаменами, полагалъ навѣрное взять Псковъ того же дни. Окружавшіе его Бояре завидуя успѣху и славѣ осаждающихъ, сами выпросились у него къ стѣнамъ, обѣщаясь встрѣтить его въ городѣ и представить ему плѣнными начальствующихъ Псковскихъ Воеводъ. Такихъ охотниковъ съ Польскими и Литовскими войсками пошло тогда подъ стѣны всего около 2000. Они всѣ оставивъ Венгерцевъ и Нѣмцевъ на проломѣ, сами взошли на стѣны и въ башни, а оттуду какъ частымъ градомъ осыпали пулями защитниковъ, падавшихъ рядами отъ пораженія и отъ утомленія при случившемся тогда солнечномъ жаркомъ днѣ. Стонъ раненыхъ, разносимыхъ по улицамъ и по домамъ, распространилъ ужасъ по всему городу; а вѣсть о занятіи уже стѣнъ врагами, достигла до множества народа, собравшагося въ Соборѣ на безпрерывное моленіе. Отчаяніе овладѣло всѣхъ сердцами. Всѣ подняли руки къ небу съ рыданіемъ; старые, жены и дѣти наполнили воплемъ всю Церковь, и, какъ говоритъ Лѣтописецъ, весь полъ облили слезами, моля

о защищеніи града и о внушеніи защитникамъ добраго совѣта и храбрости. Въ то самое время пришло въ мысль Воеводамъ завести большую Псковскую пушку Барса къ Церкви Похвалы Богородицы и поставивъ на раскатѣ, направить на Свинусскую башню, наполненную лучшихъ Чиновниковъ Польскихъ. Нѣсколькими выстрѣлами изъ оной потрясена была башня и засыпала многихъ; а Воеводы въ тоже время успѣли подложить еще подъ оную пороху, зажгли и развалинами погребли всѣхъ тамъ засѣвшихъ. Отъ взрыву и погибели многихъ Королевскихъ Бояръ ужасъ перешелъ на сторону непріятелей; а осажденные оживясь мужествомъ, погнали смятенныхъ въ поле. Король увидѣвъ бѣгущихъ, немедленно выслалъ въ помощь имъ свѣжія лучшія свои войска, съ рѣшительнымъ повелѣніемъ, не отступать отъ стѣнъ до совершеннаго взятія города. Битва непріятельская возобновилась и защитники опять начали ослабѣвать отъ усильнаго напора. Тогда Воеводы послали въ Соборъ къ Духовенству сказать, чтобы они принесли къ пролому Мощи Святаго Благовѣрнаго Князя Псковскаго *Гавріила* съ чудотворными Иконами Богородицы и другими. Немедленно подняты изъ Собора сіи Святыни; а напередъ ихъ прискакали къ пролому на коняхъ три Монаха, Печер-

скаго Монастыря Келарь *Арсеній Хвостовъ*, Снѣшогорскаго Монастыря Казначей *Іона Нацмовъ* и Игуменъ *Мартирій*, всѣ родомъ изъ Бояръ и въ Мірѣ бывшіе храбрыми воинами. Они воскликнули къ Воеводамъ и воинамъ громкимъ голосомъ: *Не бойтеся братія! станемъ крѣпко! устремимся вкупѣ на Литовскую силу! Богородица бо къ намъ грядетъ съ милостію и заступленіемъ и со всѣхъ Святыхъ помощію!* Сей нечаянный гласъ Духовныхъ воиновъ оживилъ всѣхъ и ослабѣвавшихъ. Всѣ другъ другу повторяли торжественно: *Богородица къ намъ грядетъ! о друзи! умремъ вкупѣ за Христову вѣру и за Православнаго Царя и не предадимъ града Пскова.* Вслѣдъ за симъ появилось Духовенство, несущее Мощи Благовѣрнаго Князя *Гавріила* и чудотворныя Иконы. Началось молебствіе предъ самымъ проломомъ въ виду защитниковъ и враговъ, и продолжалось шествіемъ къ Покровской Церкви. Сіе зрѣлище вдохнуло защитникамъ такое мужество, что всѣ устремились въ проломъ на непріятелей; самыя женщины вмѣшивались въ сраженіе; иныя приносили жаждущимъ воинамъ питье, иныя подавали оружіе, иныя сами бросали на враговъ каменья и со стѣнъ лили на нихъ кипячую воду и всякія нечистоты. Сраженіе съ обѣихъ сторонъ было жаркое, долговременное и упор-

ное. Наконецъ при наступавшей уже ночи непріятели всѣ вытѣснены въ проломъ, сбиты со стѣнъ и прогнаны съ безпорядкомъ въ поле, гдѣ на бѣгу добиваемы были уже народомъ безъ пощады; а иные укрывавшіеся во рвахъ и за стѣнами взяты въ плѣнъ. Больше всѣхъ потерпѣли въ осадѣ и въ отступленіи Венгерцы, кои были напереди. Оставались только засадные въ Покровской башнѣ, изъ коей не можно было ни самимъ имъ сойти, ни выгнать ихъ защитникамъ, хотя многіе уже и тамъ были подстрѣлены. Почему остальные пороховымъ взрывомъ подъ башнею погребены въ развалинахъ. Бѣжавшій непріятель бросилъ на полѣ много оружія и военныхъ снарядовъ, которыя всѣ подобраны гражданами. Такимъ образомъ Псковъ избавился отъ перваго и жестокчайшаго Баторіева нападенія. Воеводы, Бояре и всѣ граждане обѣщались тогда же въ память сего построить близъ Покровской Церкви новую во имя Рождества Богородицы, день сего приступа, а убіенныхъ своихъ погребли съ честію. Псковская Лѣтопись при семъ жалуясь на укрывавшагося въ Старицѣ городѣ Царя *Ивана Васильевича*, говоритъ: „а у него было въ собраніи тогда три„ста тысячь; а на выручку Бояръ сво„ихъ не посылалъ подо Псковъ, ни самъ „не пошелъ: но страхомъ одержимъ бѣ-

Король *Стефанъ Баторій* на семъ приступѣ потерялъ знатныхъ и храбрыхъ Чиновниковъ болѣе 40 своихъ, и толикожъ число Венгерскихъ, по признанію самихъ Польскихъ Историковъ; а Венгерскій корпусъ лишился и предводителя своего *Гавріила Векеша*. Наши Статейныя Книги полагаютъ тогда потерю его до семи тысячь убитыми; а Псковскій описатель осады сей болѣе 5 тысячь убитыми и вдвое ранеными. Напротивъ того изъ Псковскаго войска считаетъ онъ только 863 убитыхъ, и 1106, а по другому списку 1526 раненыхъ. Въ числѣ убитыхъ у насъ былъ Козацкій Начальникъ *Николай Черкасскій*. Какъ бы то ни было: но Король послѣ сей первой неудачи въ приступѣ долго не предпринималъ ничего важнаго противъ города. Въ совѣтѣ его рѣшено было только продолжать осаду, и сперва безпокоить осажденныхъ частыми подступами и стрѣльбою по стѣнамъ, потомъ увѣщевать къ добровольной сдачѣ; а наконецъ ворваться въ городъ подкопами. Между тѣмъ осажденные успѣли противу пролома срубить назади деревянную стѣну съ такими же башнями; уставили по ней и въ башняхъ большія орудія; прокопали еще между проломомъ и сею стѣною рвы; укрѣпили ихъ дубовыми засѣками въ тарасахъ, надолбами и палисадомъ; заготовили много

зажигательныхъ снарядовъ для метанія на непріятелей, и даже сухую сѣяную известь для бросанія имъ въ глаза и проч. Каждый день, а иногда по дважды и трижды на день подходили непріятельскіе отряды къ стѣнамъ: но всегда удачно были отбиваемы осажденными. Послѣ сего Король написалъ къ Воеводамъ, Боярамъ и гражданамъ увѣщательную граммату о сдачѣ города со многими льстивыми обѣщаніями; а въ случаѣ упорства съ угрозами, и велѣлъ имъ бросить оную въ городъ на стрѣлѣ. Но ему такимъ же образомъ отвѣчали съ отказомъ и съ грубостію; а въ слѣдъ за тѣмъ сами осажденные начали дѣлать на отряды его вылазки, коими хватали многихъ и чрезъ нихъ допытывались о состояніи его войска. Въ одну изъ таковыхъ вылазокъ за Варлаамскими воротами поймали они нѣсколько Литовцевъ и отъ нихъ узнали, что съ 17 Сентября поведено уже отъ непріятеля подъ городъ съ различныхъ сторонъ девять подкоповъ, раздѣленныхъ по корпусамъ войскъ, и Венгерскій подкопъ скорѣе всѣхъ оконченъ будетъ. Но гдѣ сіи подкопы, плѣнные указать не могли, отзываясь тѣмъ, что ведутся оные въ тайнѣ. Граждане долго искали мѣстъ сихъ посредствомъ копанія слуховыхъ ямъ, однакожъ безъ успѣха, и безпрестанными Крестохожденіями къ

пролому молили только Бога объ открытіи сей имъ тайны. Но какъ скоро приходили они на мѣсто пролома, то Литовскіе гайдуки услышавъ пѣніе; осыпали ихъ изъ-за стѣны бросаемыми каменьями. 20 Сентября по обыкновенію пришли они туда съ чудотворными Иконами, въ числѣ коихъ принесена была и Св. Великомученика *Димитрія* Селунскаго, Греческаго Корсунскаго письма. Гайдуки не преминули пустить и при семъ случаѣ тучу каменьевъ на народъ; и одинъ большой камень прямо ударился въ Икону Св. *Димитрія* и выбилъ большое мѣсто на Иконѣ въ воинскомъ его доспѣхѣ золоченнаго оклада, выше пояса, противъ праваго рама; а подъ нимъ пробилъ и живопись и доску. Народъ съ ужасомъ тогда воскликнулъ: „О Великомучениче *Димитріе!* дерзость „вражія не только надъ нами, но и „надъ Святымъ твоимъ чудотворнымъ „Образомъ поругается! но ты избавилъ еси отъ плѣна и свой градъ Селунь; ты и Великому Князю *Александру „Ярославичу Невскому* на озерѣ Чудскомъ „поганыхъ Нѣмцевъ прогнавшему и сію „Икону твою съ собою носившему, споборалъ еси. Ополчися и за ся и за ны „на сопротивныя нынѣ, и открый намъ „ихъ козни!“ Послѣдняя молитва дѣйствительно была вскорѣ услышана. Ибо въ тотъ же день 20 Сентября перебѣ-

жалъ въ городъ изъ *Литовскаго* войска одинъ бывшій Полотскій Русскій стрѣлецъ, именемъ *Игнатій*, который указалъ Воеводамъ всѣ мѣста подкоповъ. Не медленно начали по указанію копать поперечный подъ стѣною ровъ и 23 Сентября встрѣтили одинъ подкопъ пониже воротъ Покровскихъ и Свинусскихъ; другой уже подъ Покровскою башнею, а многіе еще за городомъ и всѣ оные взорваны порохомъ, а иные найдены завалившимися сами собою. *Гейденштеинъ* говоритъ, что каменистый грунтъ земли мѣшалъ продолжать оные: а Венгерцы прокопали только свой до стѣны по поверхности земли и прикрыли было оный землею на плетневыхъ рѣшеткахъ. Тогда Король увидѣвъ, что и послѣднее совѣтомъ его придуманное средство безуспѣшно, снова обратился къ первому и усугубилъ свои приступы. Каждый день отъ него посылаемые отряды порывались открыть опять проломъ и взойти на стѣны: однакожъ всегда съ урономъ были отражаемы. Для облегченія себѣ предпріятія сего Король велѣлъ съ устроенной на Заведичьѣ батареи почти цѣлый день 24 Октября бросать въ городъ бомбы, а съ Мирожской колокольни раскаленыя ядра, дабы произвести ими пожаръ и отъ стѣнъ развлечь войска и гражданъ по улицамъ. Однакожъ и сіе было

безуспѣшно. Потомъ онъ выдумалъ странное средство разрушать стѣны Псковскія, и именно, 28 Октября подослалъ подъ стѣну отъ Покровской башни до водяныхъ Покровскихъ же воротъ гайдуковъ Липовскихъ, которые закрывшись большими щитами, начали ту стѣну подсѣкать кирками и ломами. Но противъ ихъ Псковичи также изобрѣли необыкновенное оружіе, кнутъ съ острыми крюками, навязанный на шестъ, которымъ съ размаху зацепляя подкопателей за платье, а иногда и за тѣло, вздергивали ихъ къ себѣ на стѣну; а стрѣльцы между тѣмъ разстрѣливали ихъ висячихъ; другихъ отгоняли взливаніемъ на нихъ кипящей смолы, бросаніемъ осмоленной и зажженной пакли и кувшиновъ наполненныхъ порохомъ, также стрѣляніемъ сквозь стѣну въ проверченныя окна, кололи взлѣзавшихъ, а иныхъ задавливали низвергаемыми большими каменьями; и наконецъ всѣхъ отогнали. Съ сихъ поръ отъ неудачи началось оказываться неудовольствіе въ войскахъ Баторіевыхъ, требовавшихъ уже отступленія. Король съ трудомъ уговорилъ ихъ сдѣлать еще два, или три рѣшительныхъ приступа, послѣ коихъ въ случаѣ неуспѣха, обѣщался вывести ихъ изъ окоповъ и изъ-подъ стѣнъ. Онъ приказалъ изъ Завеличья, съ батареи без-

престанно бить въ набережный уголъ, дабы пробивъ оный дать направленіе ядрамъ вдоль стѣны Покровской и тѣмъ воспрепятствовать осажденнымъ всходъ на стѣны, а себѣ съ поля дѣлать свободные приступы. Пять дней продолжаема была батарейная стрѣльба, и когда сдѣлала уже довольной проломъ въ набережной стѣнѣ, то Ноября 2 приведены были подъ оную на приступъ гайдуки по замерзшей уже рѣкѣ. Осажденные встрѣтили ихъ мужественно и своими пушками съ пролома побивали цѣлые ряды ихъ. Тщетно ѣздившіе на коняхъ предводители то ободреніями, то угрозами и даже сабельными ударами принуждали ихъ всходить на проломъ, и въ каждое приближеніе сами съ осаждающими устилали только рѣку трупами своими. Наконецъ безъ успѣха и въ сей день отступили. Осажденные между тѣмъ опасаясь продолженія осады, писали и къ Царю и къ сосѣднимъ городамъ прозбы о подаяніи себѣ помощи. Нѣкоторыя изъ сихъ писемъ были непріятелями перехвачены и только ободрили ихъ къ усиліямъ. Но нѣкоторыя дошли до своихъ мѣстъ. Изъ Гдова поднялся одинъ отрядъ по Чудскому и Псковскому озеру еще до заморозовъ. Но Королевскій Гетманъ *Замойскій* узнавъ о семъ, перегородилъ рѣку лодками и

плотами на цѣпяхъ. На лодки посадилъ Нѣмецкія войска, а по берегамъ для стражи разставилъ еще пѣхоту подъ Начальствомъ *Вровецкаго*. Въ тоже время пришли еще къ Королю свѣжіе отряды войскъ, Варшавскій Кастелланъ *Резайскій* со стапятидесятью ратниковъ, *Стефанъ Билавскій* съ семью стами конныхъ, *Николай Корфъ* и *Вилгелмъ Платеръ* съ нѣсколькими конными изъ Лифляндцевъ. Всѣмъ имъ назначенъ станъ около Снѣтогорскаго Монастыря и приказано имъ лагерь свой окопать рвами для безопасности отъ набѣговъ. Плывшіе въ помощь Пскову изъ Гдова достигли къ устью ночью; но встрѣтивъ преграду и нечаянное нападеніе отъ непріятелей, выскочили на берегъ, а передъ разсвѣтомъ всѣ переловлены и приведены въ лагерь. По сказанію *Гейденштеина* въ числѣ ихъ было до 200 Боярскихъ дѣтей. Немного времени спустя выплылъ было и изъ Дерпта ко Пскову Русской отрядъ: но по приближеніи замѣтивъ непріятельскую засаду, воротился назадъ. Послѣ того Стрѣлецкій голова *Никита Хвостовъ* съ семью тысячами стрѣльцовъ присланъ былъ отъ Царя. Но *Замойскій* узнавъ о семъ, весь корпусъ около Снѣтогорскаго Монастыря стоявшихъ войскъ разставилъ отводными стражами до города и до Псковы рѣки. Къ нимъ присовокупились

вце и Литовцы. *Хвостовъ* узнавъ о семъ, простоялъ нѣсколько времени на одномъ острову Псковскаго озера, потомъ высадясь на берегъ, потянулся ночью въ лѣво ко Пскову лѣсами. Но стрѣльцы его начали отъ страха разбѣгаться и по сказанію *Гейденштеина* якобы оставалось у него не болѣе 300 человѣкъ. Въ сію ночь непріятельскіе отводные на стражи отъ осенняго холода засвѣтили у себя огни и сіе то помогло ведшему передовой отрядъ стрѣльцовъ *Данилѣ Исленьевц* обойти ихъ въ расплохъ и войти въ городъ; а *Хвостовъ*, шедшій съ заднимъ отрядомъ, опоздавшій къ разсвѣту, вышедши изъ лѣсовъ, скрылся было въ кустарникахъ: но конные Волынскаго Палатина *Андрея Вишневецкаго* поимали его и привели къ Королю. Прочіе упедшіе отъ него частію побиты, а частію переловлены. Спустя нѣсколько дней присланъ еще отъ Царя стрѣлецкій Голова *Ѳедоръ Мясоѣдовъ* съ корпусомъ стрѣльцовъ. Онъ обошелъ Литовскихъ отводныхъ стражей: но задній его отрядъ замѣченъ непріятелями, которые напали на него, около 150 человѣкъ побили и до 60 полонили, прочіе однакожъ вошли въ городъ. Псковской описатель сей осады полагаетъ приходъ сего корпуса причиною, что Король 6 Ноября ночью вывелъ изъ око-

повъ свои войска и даже съ батарей своихъ снялъ пушки. Но одна причина сія была недостаточна. Статейные Списки говорятъ, что и безъ того Польскіе и Венгерскіе Вельможи, скучивъ безуспѣшною осадою, усильно уже совѣтовали Королю и Великому Гетману *Замойскому* вступить въ переговоры о мирѣ и уменьшить свои требованія при оныхъ; а наемныя войска вовсе служить отказывались и просили отпуска; иныежъ и безъ отпуска уходили домой. Польскіе Историки еще присовокупляютъ, что войска вообще роптали и на чрезвычайную строгость Великаго Гетмана *Замойскаго*, и на Королевское будто бы намѣреніе раздѣлить всю Лифляндію во владѣніе племянникамъ своимъ Венгерцамъ; а Литовцы подали даже письменную прозбу Королю объ окончаніи войны и назначили даже срокъ оному. Въ тоже время по войску появлялись уже пасквильные стихи на *Замойскаго*. Все сіе извѣстно было и осажденнымъ отъ многихъ къ нимъ перебѣжчиковъ, изъ коихъ одинъ нѣкто *Савва* принесъ имъ и списокъ съ Литовской прозбы, поданной Королю. Важнѣйшеежъ затрудненіе непріятелей состояло въ томъ, что у нихъ не доставало пороху, котораго и просилъ Король у Курляндцевъ и Рижанъ взаймы, а также и нѣсколько стрѣлковъ. Почему Рижане прислали

ему онаго 80 бочекъ съ 200 стрѣлками. Однакожъ сіе пособіе онъ употребилъ уже не столько на Псковъ, какъ на разореніе Псковской и Новгородской Области. Сего именно просили у него и войска, оставшіяся еще при немъ. Ибо въ наступившую глубокую, сперва грязную, а потомъ холодную и морозную осень, почувствовали они крайнее неудобство держаться всѣмъ при Псковѣ, по недостатку квартиръ и пропитанія людямъ и лошадямъ. Рожъ въ ихъ стану продавалась уже по 2 рубли четверть, грошевой хлѣбъ печеной по 12 копѣекъ, корова по 5 рублей и такъ далѣе. Сѣна и соломы трудно было и достать, и то не меньше какъ за 200 верстъ, отъ чего начали падать и лошади. Сверхъ того Король крайне оскудѣлъ и въ деньгахъ. Наемныя войска считали уже свои на немъ недоимки, и, какъ выше сказано, уходили отъ Пскова изъ самаго стана его; а шедшіе къ нему и еще на помощь 3,000 Нѣмецкаго войска, услышавъ о семъ, съ дороги воротились и отъ случившейся тогда жестокой зимы въ лагерѣ его открылись повальныя горячки. Въ сихъ обстоятельствахъ разослалъ онъ какъ для предохраненія отъ повальныхъ болѣзней, такъ и для прокорму и собиранія запасовъ по сторонамъ многіе отряды своего войска, ко-

торыя вездѣ производили разореніе; добѣгали и до Гдова, а Кобылинскъ заняли. Съ другой стороны отъ Могилева и Шклова оставленный тамъ Королемъ *Христофоръ Радзивилъ* съ *Филономъ Климтою* и *Гарабурдою*, присоединивъ къ себѣ Литовскихъ Татаръ, двинулись на южные города. *Климта* съ двумя почти тысячами конницы и съ Татарами, подъ начальствомъ *Гарабурды* бывшими, вышедъ изъ Великихъ Лукъ, простерся за Торопецъ къ Старицѣ, гдѣ пребывалъ тогда Царь. Къ нимъ подошелъ и *Радзивилъ* и съ ними началъ тамъ разорять селенія: но высланными противу ихъ отъ Царя войсками удержаны они и поворотили къ Торопцу, котораго однакожъ не взяли. Оттуду *Радзивилъ* потянулся къ Холму и къ Старой Русѣ, гдѣ имѣлъ также нѣсколько сшибокъ съ Новогородскими войсками и надѣлавъ много опустошеній, возвратился къ Королю. Но наши Лѣтописи говорятъ, что Литовцы простерлись даже до Новогорода и засѣли въ Юрьевѣ Монастырѣ, тогда какъ съ 40 тысячами войска Князь *Юрій Голицынъ* сидѣлъ тамъ въ городѣ безъ дѣйствія, и отъ страха самъ хотѣлъ выжечь торговую сторону. Ржева Володимирова въ тоже время занята была Оршанскимъ Старостою *Филономъ Климтою*.

Съ другой стороны Шведской Король

Іоаннъ, союзникъ Баторіевъ, по всѣмъ сѣвернымъ границамъ отъ Корелы, или Кексгольма до предѣловъ Естляндіи продолжалъ также сильныя нападенія. Выше уже сказано, что онъ еще при началѣ войны напалъ на Новгородскую и Псковскую Область. Его Адмиралъ *Бенгтъ Севризонъ Гилленлодъ* приплылъ подъ Нарву, превратилъ въ пепелъ *Лифляндское* предмѣстіе оной и неоднократно поджигалъ Иванъгородъ; тамъ же захватилъ нѣсколько купеческихъ Русскихъ судовъ и отвелъ въ Ревель и Стокгольмъ; потомъ заперъ Нарву съ сухаго пути и многихъ находившихся тамъ Россіянъ изрубилъ. А хотя вскорѣ Россіяне прогнали его съ великимъ урономъ, и преслѣдовали до Нингофа, Гаріена и Вика: но не вытѣснили изъ Естляндіи. Между тѣмъ другой Шведскій Полководецъ *Понтъ де-ла Гарди* со стороны Финляндіи разорялъ Русскія засады, выжегъ Кексголмъ бранскугелями, а оттуду въ Генварѣ 1580 года, хотя съ великимъ трудомъ, по льду пришелъ къ своему товарищу; и поелику во время похода Царя *Ивана Васильевича* по всѣмъ почти знатнѣйшимъ городамъ *Лифляндскимъ* и Естляндскимъ оставлены были засады Русскихъ войскъ, то оба сіи полководца Шведскіе на нихъ особенно обратили свое оружіе. Крѣпости Падисъ по семимѣсячной, Везенбергъ по дву-

недѣльной осадѣ, а Толеборгъ чрезъ четыре дни взяты были сдачею и Россіяне выпущены на договорѣ. Послѣ того *де-ла Гарди* отправился въ Стокгольмъ за свѣжими войсками и военными припасами; а въ отсутствіе его вытѣснены Россіяне изъ всего Естляндскаго Вика, взяты Лоде, Виккель и Замокъ Леальскій. Но въ Гапсалѣ они упорно защищались и уступили (Августа 9го) не иначе, какъ съ дозволеніемъ свободнаго выхода. Потомъ *де-ла Гарди* возвратившійся съ свѣжими войсками и съ титломъ Ингерманландскаго и Естляндскаго Намѣстника, немедленно ворвался въ Новогородскую Область, выжегъ Сыренескъ или Нейшлоссъ 27 Іюля, изрубилъ встрѣтившійся отрядъ Россіянъ, и пошелъ подъ Нарву, куда прибылъ Флотомъ и Адмиралъ *Класъ Флеммингъ* съ тяжелою аршиллеріею. 3 Сентября 1581 года начата осада и двое сутокъ съ трехъ сторонъ изъ 24 орудій производимая стрѣльба сдѣлала большія отверстія: но Россіяне еще не сдавались. Сдѣланъ потомъ приступъ самый жестокій, Сопротивленіе было всевозможное, и когда, по сказанію Шведскихъ Историковъ, изрублено уже было 2000 стрѣльцовъ, 300 дворянъ со служителями и множество другихъ, всего якобы болѣе 5000, то осажденные 6 Сентября сдались. Послѣ сего непріятели обратились на

сопротиволежащій Иванъгородъ и по немъ открыли жестокую пальбу: но тамошній гарнизонъ, видѣвшій уже взятіе Нарвы, самъ на договорѣ 17 Сентября безъ обороны уступилъ свое мѣсто. Вслѣдъ за тѣмъ 28 Сентября взятъ Ямбургъ, а 10 Октября Копорье. Городъ Виттенштенъ нѣсколько долѣе держался; но недостатокъ припасовъ и непріятельская стрѣльба принудила 26 Ноября и оный къ сдачѣ. Кончивъ сіи завоеванія, *де-ла Гарди* имѣлъ торжественный въѣздъ въ Ревель и слушалъ въ Русской Церкви Св. Николая благодарственной молебенъ за успѣхи Шведскаго оружія съ воспоминаніемъ своего имени. Послѣ сего предложилъ онъ *Баторію* готовность свою притти со Шведскимъ и Нѣмецкими полками и артиллеріею подъ Псковъ. Но честолюбивый Король, думавшій уже по завоеваніи Пскова отнять и у Шведовъ Естляндію, какъ пишутъ Лифляндскіе Историки, не принялъ сего предложенія, хотя и продолжалъ дружескую переписку со Шведскимъ Королемъ. Польскіежъ Историки пишутъ, якобы *Баторій* жаловался, что ему не помогаютъ Шведы. За симъ, пока осада Пскова продолжалась, Шведскіе, равно какъ и Польскіе отряды отнимали у Русскихъ другіе городки и мѣстечки по Лифляндіи, а иные по озеру Чудскому и Псков-

скому и по окрестнымъ берегамъ перехватывали Псковскія суда и грабили селенія. Но взаимно и Русскіе, выходя изъ Новогородка (Нейгаузена), Печерскаго Монастыря, Изборска, Гдова и Дерпта, побивали сихъ бродягъ и отнимали у нихъ награбленное. Псковская Лѣтопись говоритъ, что Шведы въ сію войну отбили въ одной Естляндіи 10 городовъ, занятыхъ нашими войсками, а Воеводъ и людей всѣхъ побили, и присовокупляетъ къ тому: „*и сбысться писаніе, еже аще кто чужаго „похощетъ, помалѣ и своего останетъ. „Царь Иванъ не на велико время чужую „землю взелъ, а по малѣ и своей не „удержа, а людей вдвое погуби*.„

Достойна здѣсь особеннаго упоминовенія жестокая осада, каковую тогдаже вытерпѣлъ и Псковопечерскій Монастырь, старавшійся помогать Пскову ловленіемъ и побиваніемъ непріятельскихъ отрядовъ, перехватываніемъ ихъ обозовъ, съ припасами шедшихъ ко Пскову и возвращавшихся оттуду отпускаемыхъ войскъ въ Литву съ награбленнымъ имѣніемъ и съ плѣнными. *Баторій*, занятый преимущественно Псковомъ, терпѣлъ пока сіи оскорбленія. Но когда привозившаго ему порохъ изъ Риги переводчика *Іоакима*, возвращавшагося съ отрядомъ отпущенныхъ изъ подъ Пскова съ плѣнными наемныхъ Лифлянд-

скихъ войскъ около 300 человѣкъ и весь ихъ обозъ Печерскіе люди Октября 25 близъ Монастыря своего на рѣчкѣ Пачковкѣ разбили, самаго переводчика съ нѣсколькими ратниками до 30 человѣкъ и съ ними болѣе 30 телѣгъ полонили и забрали въ Монастырь, а прочіе ушедшіе обратно во Псковъ донесли о томъ Королю; то онъ вышедъ изъ терпѣнія прислалъ 29 тогоже мѣсяца подъ Монастырь отрядъ Нѣмцевъ съ тремя осадными пушками подъ начальствомъ Нѣмецкаго Полковника *Георгія Фаренсбаха* съ подначальными ему Офицерами, *Вильгельмомъ Кетлеромъ*, племянникомъ Герцога Курляндскаго, *Рейнголдомъ Тизенгаузеномъ* изъ Берзона, *Каспаромъ Тизенгаузеномъ* изъ Одензе, и *Юріемъ Кранбекомъ*. Осада Монастыря начата 5 Ноября за день до снятія осады Пскова, и всѣми тремя направленными въ одну башню пушками скоро сдѣланъ былъ проломъ, въ который устремились непріятели съ лѣстницами. Но Монахи вынесши на проломъ сей старую икону Успенія Божія Матере, храбро отбивались. *Рейнголдъ*, *Касперъ* и *Кетлеръ*, надѣясь пробраться въ Монастырь сквозь башню, приставили лѣстницы и по онымъ взошедъ спускались уже внутрь: но первый изъ нихъ обломясь ушибся до смерти; а послѣдовавшіе за нимъ въ башнѣ захвачены въ плѣнъ; съ прочи-

ми Монахи и находившіеся въ ихъ Монастырѣ люди билися отъ третьяго часа дни до ночи и совершенно отразили нападающихъ. Въ семъ сраженіи раненъ былъ и *Юрій Кранбекъ*. Когда вѣсть о сей неудачѣ дошла до Короля, то немедленно еще отправилъ онъ въ помощь осаждающихъ пять сотъ пѣшихъ Венгерцовъ подъ начальствомъ ихъ Начальника *Іоанна Борнемиссы*, или *Бернемиссы* съ четырьмя большими пушками. По приходѣ ихъ началось приуготовленіе ко второму приступу въ двухъ мѣстахъ съ той же стороны. Нѣмцы пушками распространили прежній проломъ, а Венгерцы открывали себѣ новый. По двудневной стрѣльбѣ Ноября 14 начатъ приступъ. Въ то же время съ противной стороны *Ѳома Соландъ* съ нѣсколькими маркитантами и Польскими Козаками для развлеченія осажденныхъ полѣзъ на Никольскую Колокольню, а снизу велѣлъ рязбивать ворота: но прежде всѣхъ отогнанъ. Нѣмцовъ и Венгерцовъ осажденные также не впустили въ проломы. *Гейденштеинъ* говоритъ, что неудачу сію Руские приписали чуду, а наши де очарованію и волшебству. Самъ же онъ приписываетъ сіе небреженію и раздѣленію силъ осаждавшихъ, и приступамъ не въ одно время, а тѣмъ де самымъ данъ способъ осажденнымъ совокупно отбивать каждое на-

паденіе. Но какъ бы то ни было, наша Псково-Печерская Лѣтопись приписываетъ сіе чудной помощи Божіей и благоразумному распоряженію бывшаго въ Монастырѣ Засадным Головою *Юрью Нечаеву* съ 200 или 300 стрѣльцовъ, которымъ и безпрестанными молитвами на стѣнахъ и ревностнымъ содѣйствіемъ помогали сами Монахи; даже и укрывавшіеся отъ нашествія враговъ сихъ въ Обители женщины и дѣти сталкивали ихъ со стѣнъ оружіемъ, варили воду и лили на взлѣзающихъ; другіе заряжая пищали, подавали ихъ ратникамъ. Не льзя винить и непріятелей въ слабости и небреженіи; потому что битва была самая кровопролитная отъ 10 часовъ утра до сумерковъ и осаждающіе сбиты уже поздо съ башенъ и со стѣнъ. При всемъ томъ изъ Монастырскихъ людей на всѣхъ приступахъ ранеными и убитыми оказалось только до 40 человѣкъ. Но отъ стѣсненія народа въ Монастырскихъ келліяхъ по осеннему времени много было больныхъ. Лифляндскіе Лѣтописатели сказываютъ, что при семъ случаѣ Монахи со стѣнъ разговаривая съ *Борнемиссою*, Венгерскимъ Военачальникомъ, укоряли его тѣмъ, что онъ съ ратниками своими оказываетъ храбрость надъ безоружнымъ Монастыремъ и Храмомъ Божіимъ; и естьли желаютъ они сражаться,

то шли бы ко Пскову, гдѣ найдутъ себѣ приличныхъ сопротивниковъ. Они даже упрекнули ему тѣмъ, что Венгерцы вѣроломны и въ словѣ неустойчивы; а потому и не льзя осажденнымъ рѣшиться на сдачу имъ своей Обители. Послѣ сей вторичной неудачи, приведшей въ стыдъ Короля *Баторія*, Коронный его Канцлеръ и Великій Гетманъ *Янъ Замойскій* вздумалъ лестію преклонить Монаховъ къ сдачѣ Монастыря. Онъ чрезъ 10 дней послѣ приступовъ прислалъ имъ изъ Пскова Икону Благовѣщенія Богородицы, писанную на стеклѣ, якобы изъ Іерусалима полученную, съ рѣзнымъ образцомъ дому Іосифова и при нихъ увѣщательную граммату (*), коею сперва укоряя Монаховъ, что они облили де Святое Мѣсто кровію, ловили и били Королевскихъ людей, а иныхъ и доселѣ у себя въ Монастырѣ держатъ, воспротивились малому отряду, посланному не для разоренія Монастыря и Церквей, которыя Король почитаетъ, а для того, чтобъ вывести изъ Монастыря такихъ Монаховъ, живущихъ не по Христіански; потомъ увѣдомляя, что и онъ идетъ къ нимъ съ войскомъ и пушечнымъ снарядомъ, увѣщеваетъ ихъ, чтобъ они

(*) Грамматa сія напечатана въ *Повѣсти о началѣ и основаніи Печерскаго Монастыря* 1807 года въ Московской Синод. Типографіи.

сдавъ Монастырь, стрѣльцовъ изъ Монастыря выслали, или и сами со всѣмъ имуществомъ вышли куда хотятъ, либо спокойно оставались бы, но Королевскихъ людей плѣнныхъ съ ихъ имѣніемъ сохранилибъ. Иначе, писалъ онъ, не буду я виновенъ, что разорится все Святое мѣсто, осквернятся Святыя Церкви и прольется много Христіанской крови. По прочтеніи сей Граммапы и Монахи и ратные рѣшились единодушно не сдавать Монастыря и защищаться до смерти. Для обьявленія отвѣта сего на *Замойскаго* граммапу, они выбрали одного Схимонаха, именемъ *Патермуфія*, который облачась во всю схимническую свою одежду, вышелъ на стѣну и сквозь стѣнное окно сказалъ присланнымъ о рѣшеніи своей Братіи; а она со стѣнъ тоже повторила крикомъ своимъ и въ слѣдъ за тѣмъ пустила выстрѣлы на осаждающихъ. Послѣ сего наступившіе сильные морозы принудили непріятелей прекратить приступъ и довольствоваться однимъ только непропусканіемъ никого ни изъ Монастыря, ни въ Монастырь до самаго заключенія мира; а одинъ отрядъ ихъ занялъ было Изборскъ: но тамъ всѣ они взяты въ плѣнъ и отправлены въ Москву. Плѣнныхъ было Дворянъ 103, а простыхъ 60 человѣкъ, какъ пишетъ Полякъ *Папроцкій*.

Между тѣмъ отправленное въ прошломъ еще лѣтѣ отъ Царя посольство къ Папѣ *Григорію* XIII. было успѣшно, и въ то самое время, когда *Баторій* еще изъ Великихъ Лукъ двинулся ко Пскову, ѣхалъ уже отъ Папы къ Царю Іезуитъ *Антоній Поссевинъ*, славный въ тогдашнее время успѣхами въ Папскихъ посольствахъ по разнымъ Государствамъ. Онъ прибылъ въ Старицу 1581 года въ Августѣ, и привезъ Папскія грамматы Царю, Царицѣ и Царевичамъ. Послѣ переговоровъ съ Царемъ онъ отправился съ довѣренностію о мирныхъ договорахъ къ Королю *Баторію* подо Псковъ, и прибылъ Сентября въ первыхъ числахъ, то есть въ самомъ первомъ жару осады и твердаго предувѣренія *Баторіева* о несомнѣнномъ успѣхѣ. А потому первыя предложенія *Поссевиновы* о съѣздѣ обоюдныхъ пословъ для мирнаго договора *Баторіемъ* были отринуты. Онъ и Гетманъ его *Замойскій* слышать не хотѣли о какой-нибудь уступкѣ, а особливо Лифляндіи; объявили посреднику сему, что они не намѣрены посылать на съѣздъ своихъ пословъ для переговоровъ; что не они, а Царь имѣетъ нужду въ мирѣ; что рвенія своихъ войскъ унять они не могутъ; что не смотря на приближающуюся зиму, будутъ вовсю оную продолжать осаду Пскова; что для войска ихъ строются уже домы, землянки

и избы; а по взятіи Пскова намѣрены продолжать завоеванія свои внутри Россіи; къ договорамъ же не приступятъ до тѣхъ поръ, пока Царь всѣхъ своихъ людей и войска не выведетъ изъ Лифляндскихъ мѣстъ. Ибо въ 15 тамошнихъ городахъ еще оставались оныя. Съ такимъ отвѣтомъ *Поссевинъ* въ слѣдующемъ Октябрѣ мѣсяцѣ наступившаго, (считая съ Сентября) 1582 года послалъ извѣстіе къ Царю въ Старицу. По полученіи онаго на другой же день Царь съ совѣта окружавшихъ его Бояръ отвѣчалъ *Поссевину*, что онъ соглашается уступить Королю всѣ Лифляндскіе города и мѣстечки; но чтобы и онъ уступилъ Царю всѣ завоеванные имъ Русскіе города отъ Двины; а для договора выслать обоюдныхъ пословъ на Полотскую дорогу между Порховомъ и Заволочьемъ въ Запольскій Станъ и въ замиреніе не включать Шведскаго Короля. Послѣднею статьею можетъ быть Царь предоставлялъ себѣ время потерю Лифляндіи замѣнить завоеваніемъ Естляндіи: а Лифляндскіе и Шведскіе Историки пишутъ, что оная внушена ему Іезуитомъ же *Поссевиномъ* съ согласія и Короля Польскаго, завидовавшаго успѣхамъ оружія Шведовъ и неискренно соблюдавшаго союзъ свой съ ними. Неудачи подъ Псковомъ, которыхъ и не зналъ Царь, а слышалъ

даже о взятіи его, какъ говоритъ Псковская Лѣтопись, болѣе всего преклонили *Баторія* къ согласію на переговоры, и онъ думая Псковъ принудитъ къ сдачѣ однимъ облежаніемъ и голодомъ, какой самъ терпѣлъ, назначилъ пока отъ себя на съѣздъ Бояръ своихъ *Стефана Зборовскаго* Воеводу Брацлавскаго, *Албрехта Радзивила*, Князя Олыкскаго, Маршала Литовскаго, и переводчика Секретаря *Михаила Гарабурду;* а Ноября 14 подписавъ проѣзжія грамматы Русскимъ посламъ, оставилъ подъ Псковомъ Гетмана *Замойскаго*, и самъ уѣхалъ для сбору новыхъ войскъ, припасовъ и денегъ на Сеймъ въ Варшаву, а за нимъ ушло и все охотническое Литовское войско, не обѣщавшись и возвращаться.

Король отправился чрезъ Островъ и Красной городъ на Люценъ къ Динабургу: но обозъ его потерпѣлъ на пути отъ засадныхъ по Крѣпостямъ Русскихъ войскъ; а оставшійся при Псковѣ его Великій Гетманъ *Замойскій* съ Польскими жалованными и съ приведенными изъ-подъ Старицы *Радзивиломъ* войсками довольствовался только разсылкою своихъ отрядовъ около города и содержаніемъ его въ блокадѣ; а шесть сотъ Литовцевъ оттудаже возвратившихся выпросились квартировать по деревнямъ около Порхова. Изъ Польскихъ же волон-

теровъ немногіе при немъ остались. Осажденные между тѣмъ не переставали дѣлать вылазки и многихъ побивали; а иныхъ захватывали въ плѣнъ и чрезъ нихъ допытывались о состояніи осадныхъ войскъ. Были даже и перебѣжчики, отъ непріятелей приходившіе въ городъ, но по сказанію *Гейденштеина*, пойманный на вылазкѣ, а потомъ сказавшійся перебѣжчикомъ одинъ Шуйскаго подьячій *Савва Сутурма* открылъ также непріятелямъ все внутреннее состояніе города и *Замойскій* узналъ отъ него, что естьли прерваны будутъ къ осажденнымъ всѣ подвозы припасовъ и подходъ войскъ, то немногимъ далѣе Маія мѣсяца держаться они могутъ: но осаждающіе еще больше терпѣли нужды во всемъ. Въ сей крайности, по словамъ тогоже Историка, *Замойскій* уже думалъ развести войска свои по городамъ, въ Печоры, Порховъ и Гдовъ; или естьли найдетъ въ семъ затрудненіе, то построитъ засѣки по дорогамъ отъ сихъ городовъ и отъ Новагорода для засады своихъ войскъ, а самому съ частію оныхъ итти на Новгородъ къ озеру Ильменю, къ Старой Русѣ и къ Осташкову и разъѣзжать по Новогородскимъ, Тверскимъ и Московскимъ волостямъ. Такія намѣренія хотя и неисполненныя доказывали дѣйствительную его крайность. Но онъ удержался еще при Псковѣ въ облежаніи: а отвод-

ныя свои стражи отъ Снѣтогорскаго Монастыря до города и верховья Псковы рѣки по Гдовской дорогѣ усилилъ еще отрядомъ пѣхоты и малаго разряда пушками, назначивъ дневные и ночные знаки маячные, ночью огонь, а днемъ флагъ. 6 Декабря, дабы выманить на вылазку осажденныхъ, подпустилъ онъ подъ самыя стѣны свой обозъ, сдѣлавъ засады въ дождевыхъ рытвенныхъ около города ямахъ. Но граждане въ сей праздничный день не вышли. На другой день онъ повторилъ тоже и тогда граждане выпустили конницу, которая устремясь къ обозу, увидѣла однакожъ засаду и успѣла возвратиться въ городъ, оставивъ на мѣстѣ около 30 человѣкъ и въ полону до 12 дѣтей Боярскихъ, въ числѣ коихъ былъ знаменитый храбростію *Петро Колтовской*. *Гейденштеинъ* отдаетъ въ семъ случаѣ честь Рускимъ лошадямъ со взгляду малымъ и безобразнымъ, но быстрѣйшимъ нежели наилучшія Украинскія, бывшія подъ Венгерскими Боярами. За сіе однакожъ, по свидѣтельству тогоже Историка, *Шуйскій* взаимною засадою и вылазкою за Псковою рѣкою отмстилъ имъ. Сверхъ того и со стѣнъ большими пушками проникалъ онъ въ самые ихъ станы даже сквозь тройную ограду насыпныхъ коробовъ. Послѣднюю сильнѣйшую вылазку конными и пѣшими сдѣлали граж-

дане на самые станы непріятельскіе 4 го Генваря и болѣе 80 Чиновниковъ при оной побили, а многихъ въ плѣнъ захватили. Но Польскіе Историки во всѣхъ вылазкахъ приписываютъ только своимъ преимущество. Въ распоряженіи сихъ вылазокъ особенно отличался мудрый Воевода Князь *Иванъ Петровичъ Шуйскій*, на котораго за то болѣе всѣхъ злобствовали непріятели. Псковской описатель сей осады расказываетъ ужасное злоухищреніе ихъ надъ жизнію сего Воеводы. Послѣ вышеупомянутой послѣдней вылазки, говоритъ онъ, пришелъ Генваря 9 изъ Литовскаго войска Руской полонянинъ и принесъ великой ларецъ. Когда впустили его въ городъ и представили Воеводамъ и Боярамъ, то объявилъ онъ, что тотъ ларецъ при письмѣ присланъ къ Воеводѣ Князю *Ивану Петровичу Шуйскому* отъ Королевскаго Дворянина *Гансумера*, а по Гейденштеинову сказанію отъ Нѣмца *Моллера*. Въ писмѣ было написано, что онъ *Гансумеръ* бывши у Государя Царя съ Нѣмчиномъ Юрьемъ *Франбрикомъ* (по другимъ съ *Фаренсбахомъ*) и памятуя Царскую хлѣбъ-соль, хочетъ, убивши Великаго Гетмана, перебѣжать отъ непріятелей въ городъ, и напередъ себя посылаетъ ларецъ съ деньгами и драгоцѣнными вещами, который проситъ принять до его приходу и досмотрѣть одному ему

наединѣ отъ прочихъ. Столь необыкновенная посылка и довѣренность возбудила во всѣхъ подозрѣніе. Сысканъ былъ искусный слѣсарь для открытія ларя сколько можно осторожнѣе и далѣе отъ Воеводской избы. По вскрытіи оказалось, что въ ономъ вдѣланы были 24 пистолета, заряженные на всѣ стороны и сверхъ ихъ насыпано съ пудъ пороху. Заведенные замки привязаны были ремнемъ къ личинкѣ ларца, къ которой однимъ неосторожнымъ прикосновеніемъ спустились бы курки и послѣдовалъ бы выстрѣлъ. Такимъ образомъ Богъ избавилъ и Воеводу и другихъ отъ непріятельскаго злоумышленія. О семъ злоумышленіи не умалчиваютъ и Польскіе Историки. Выдумку сего ящика приписываютъ они одному артиллерійскому Офицеру *Остромецкому*. Ящикъ сей, говорятъ они, былъ о 12 пистолетахъ и посланъ къ *Шуйскому* въ отмщеніе за его вѣроломное нападеніе на Польскихъ Чиновниковъ при мирныхъ переговорахъ о погребеніи убитыхъ за стѣнами Псковичей при вылазкѣ, и что будто Воевода *Андрей Хворостининъ* по приказанію *Шуйскаго* захотѣлъ открыть сей ящикъ и при вспышкѣ пороха убитъ съ нѣкоторыми окружавшими его Чиновниками, а съ дому того и кровля взорвана.

Между тѣмъ по пересылкѣ взаимныхъ охранныхъ проѣзжихъ граммамъ посламъ для договоровъ о мирѣ, прибыли въ назначенное мѣсто въ началѣ Декабря и Царскіе послы, Дворянинъ и Кашинскій Намѣстникъ Князь *Димитрій Петровичь Елецкой*, Дворянинъ и Козельскій Намѣстникъ *Романъ Васильевичь Олферьевъ* и Дьякъ *Николай Басенокъ Верещагинъ* (*). Посредникомъ же между обоесторонними послами былъ вышеупомянутый Папскій посланникъ Іезуитъ *Антоній Поссевинъ*. Но поелику назначенное для съѣзда мѣсто, Польскій станъ, Козаками тогда былъ большею частію выжженъ, то и не могли всѣ въ ономъ помѣститься. И такъ остались тамъ только Русскіе; Польскіежъ послы остановились въ селѣ Пожеревищѣ, оттуду въ 15 верстахъ, а Поссевинъ въ деревнѣ Киверовѣ Горкѣ, гдѣ и первый съѣздъ ихъ былъ 13 Декабря. По двадцати съѣздахъ и по многихъ переговорахъ и спорахъ объ Императорскомъ Цесарскомъ и Царскомъ

(*) Наказную данную имъ для договоровъ граммату въ 19 статьяхъ можно видѣть въ *Росс. Исторіи Щербатова* и въ *Ильинскаго Историч. Описаніи города Пскова*. Польскіе Историки пишутъ, что одинъ Рускій Дьякъ *Богданъ*, перебѣжавшій къ нимъ, открылъ всю тайну сего Наказа и потому то де Русскіе повѣренные ничего больше вытребовать не успѣли, кромѣ предписаннаго уже на случай крайности.

*

титулѣ (*), объ уступкѣ Лифляндскихъ городовъ, о возвращеніи завоеванныхъ Русскихъ, о размѣнѣ плѣнныхъ и проч. наконецъ 15 Генваря 1582 года подписано было перемиріе на 10 лѣтъ; уступлены Польскому Королю всѣ Лифляндскіе города и Замки числомъ 34, а по сказанію Гейденштеина только 18, въ томъ числѣ Дерптъ, 24 года бывшій въ полномъ владѣніи Россійскомъ и одними Русскими уже населенный, хотя Царь возвратить его весьма не хотѣлъ, и соглашался лучше уступить Великіе Луки, Заволочье и другіе нѣкоторые города; положено выпустить изъ всѣхъ Лифляндскихъ мѣстъ Русскихъ жильцовъ, Церковныя утвари, Духовенство и артиллерію; въ прибавокъ тому отдать Польшѣ Торопецъ къ Смоленску, а Полоцкъ и Велижъ къ Литвѣ. Съ своей стороны Польскіе послы согласились возвратить Россіи всѣ завоеванные города отъ Невеля и Великихъ Лукъ до Пскова и Новагорода. О Лифляндскихъ плѣнникахъ, коихъ въ Россіи было множество изъ знатныхъ, ничего не положе-

(*) Русскіе послы домогались Царю своему Императорскаго титула: но *Поссевинъ* сіе отклонилъ изъясняя, что якобы въ Христіанствѣ больше одного Императора быть не можетъ. А Польскіе послы не согласились въ своихъ актахъ писать его даже и *Царемъ*, а только *Великимъ Княземъ*: но Русскимъ уступлено было въ своихъ актахъ именовать его и *Царемъ*.

но, либо потому, что Царь надѣялся чрезъ нихъ со временемъ опять имѣть вліяніе на Лифляндію, либо, какъ Лифляндскіе Историки пишутъ, потому, что Польскій Король хотѣлъ раздѣлить сію Область въ помѣстья своимъ племянникамъ и служащимъ у него Венгерцамъ; а *Поссевинъ* не счелъ де за нужное ходатайствовать за Лифляндскихъ Лютеранъ. По сей причинѣ почти всѣ сіи плѣнники остались въ Россіи, а многіе и къ Грекороссійской Церкви обратились. Уже Царь *Борисъ Годуновъ* при вступленіи на Престолъ всѣхъ ихъ отпустилъ съ наградою. Шведскій Король выключенъ былъ изъ мирнаго договора и даже, какъ пишетъ *Далинъ*, въ мирныхъ между Россіею и Польшею статьяхъ положено: „Нарвѣ оставаться за тѣмъ, „кто прежде оную отыметъ у Шведовъ „и потомъ наилучше защищать воз„можетъ, противу когобы то ни было, „не нарушая однако тѣмъ мира.„ Польскіе Историки щитаютъ въ сію войну потерю Россіи убитыми якобы до 300 тысячь человѣкъ и плѣнными до 40 тысячь: Но ихъ столько и во всѣхъ завоеванныхъ мѣстахъ едвали было. Столь же ложно ихъ сказаніе, что будто они тогда завоевали Русскіе города отъ Стародуба до Чернигова, отъ Двины до Старицы и отъ Новагорода до Ладожскаго озера.

Такимъ образомъ Псковъ освободился отъ пятимѣсячной тѣснѣйшей осады, во время коей вытерпѣлъ онъ 231 приступъ и самъ сдѣлалъ 47, а по другимъ извѣстіямъ 77 вылазокъ на непріятелей, которые и во время переговоровъ не преставали безпокоить осажденныхъ. Вѣсть о заключеніи мира привезена во Псковъ 17 Генваря изъ непріятельскаго стана отъ Спаскаго Монастыря, что на Промежицѣ, Боярскимъ сыномъ *Александромъ Хрущоевымъ*, отправленнымъ отъ Посольскаго съѣзда, и обрадовала несказанно всѣхъ гражданъ: а народъ на плечахъ своихъ носилъ вѣстника по всему городу. Но непріятельскія войска и послѣ заключенія мира стояли еще въ лагеряхъ до 4 Февраля и не прежде 6 числа вышли въ Лифляндію чрезъ Нейгаузенъ къ Дерпту, который и заняли 24 числа. *Гейденштеинъ* описываетъ, съ какою жалостію Русскіе оставляли сей городъ и съ какимъ рыданіемъ и крикомъ наипаче женщины на кладбищахъ прощались съ погребенными тамъ родителями, мужьями и дѣтьми. Послѣ Дерпта Поляки захватили нѣсколько городовъ и Крѣпостей и отъ Шведовъ, которые на ту пору не хотѣли имъ противиться, не кончивъ еще войны своей съ Россіею, и обратились болѣе въ Финляндію на Россійскія границы къ Нотенбургу или Орѣшку. Царь

по видимому также хотѣлъ продолжать съ ними войну: но вслѣдъ за тѣмъ начавшіеся набѣги съ южной стороны отъ Крымскихъ, Казанскихъ и Астраханскихъ Татаръ заставили его послать и къ Шведскому Королю предложеніе о заключеніи мира, и на съѣздѣ 9 Маія 1583 года на устьѣ рѣки Плюсы сперва заключено было перемиріе съ 26 Маія на 2 мѣсяца, а по истеченіи онаго Августа по на три года, съ уступкою Шведамъ всего ими въ Естляндіи завоеваннаго, и даже съ Нарвою, Ивангородомъ, Ямою, Копорьемъ и частію Ингріи. Всѣ плѣнные были размѣнены взаимно, и возстановлена между обоими Государствами торговля, которая однакожъ была болѣе полезна Шведамъ, нежели Псковичамъ, лишеннымъ уже не только приморскихъ, но и рѣчныхъ пристаней, а сверхъ того стѣсненнымъ нѣкоторымъ образомъ и въ Новѣгородѣ. Потому что въ 1586 году при отдачѣ Новогородскихъ гостинныхъ дворовъ на откупъ, запрещено было имъ, какъ и прочимъ иногороднымъ купцамъ, становиться на своихъ подворьяхъ и торговать прямо съ возовъ, а всѣ товары складывать велѣно въ Новогородскихъ гостинныхъ дворахъ и платить постоялое. Въ слѣдующемъ году тамъ же отданы на от-

купъ вѣсы и мѣры, что также стѣсняло торговлю.

По истеченіи перемирія со Шведами, оно заключено еще на 4 года на томъ же основаніи: но, по свидѣтельству Кихеля, въ сіе время торговать во Псковѣ дозволялось только Нѣмцамъ и Агличанамъ; а по прошествіи втораго перемирія съ Генваря 1590 началась опять война, въ коей Ямбургъ, Ивангородъ и Копорье взяты обратно Россіянами; а потомъ заключено опять перемиріе на годъ. Послѣ опять открылись непріятельскія дѣйствія, при коихъ Шведы напали на Псковскую Область, разорили и выжгли Печерскій Монастырь и Братію побили, а также и въ открытыхъ сраженіяхъ имѣли нѣсколько удачь. Но все сіе прекращено смертію Шведскаго Короля *Іоанна* и опять заключено перемиріе на три года, потомъ 18 Маія 1595 года совершенный миръ, по коему за Россію съ Естляндской стороны осталась вся Ингрія, а отъ Финляндіи Кексгольмъ; Шведамъ же уступлена была Нарва и вся Естляндія, съ договоромъ однакожъ, чтобы Россіянамъ торговать тамъ и съ обѣихъ сторонъ имѣть свободный пропускъ; также взаимно помогать въ случаѣ кораблекрушеній; а во Псковѣ, у которыхъ Шведскихъ купцовъ прежде были дворы и домы, оные совсѣми принадлежностьми велѣно было

имъ возвратить для складки товаровъ. Такимъ образомъ опять оживилась Псковская торговля, въ которой и Агличане и Ганзейскіе города по прежнему пожелали взять участіе. Самая Лифляндія сему обрадовалась; ибо и ея торги остановились. Въ 1599 году Нѣмецкимъ купцамъ *Игнатію Поперзаку* и *Андрею Витту* дана привиллегія торговать во Псковѣ и въ другихъ городахъ безпошлинно, и съ тогоже года по прозбѣ города Любека Царь *Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ* дозволилъ Любчанамъ торговлю со всею Россіею чрезъ Ивангородъ, Псковъ и Новгородъ. Съ тѣхъ поръ Любскіе купцы начали приплывать прямо къ Ингерманландскимъ берегамъ, а съ 1603 года заняли во Псковѣ старой свой гостинной дворъ на Завеличьѣ со всѣми прежними правами и вольностьми и съ дозволеніемъ отправлять имъ даже свое Богослуженіе въ дворовой Церкви. Но воспослѣдовавшія вскорѣ затѣмъ въ Россійскомъ Правленіи перевороты и замѣшательства заставили и ихъ удалиться.

XIV.

МЯТЕЖИ ВО ПСКОВѢ ВО ВРЕМЯ САМОЗВАНЦЕВЪ.

Извѣстно, какія сильныя во всей Россіи потрясенія произвело появленіе *Димитрія* Самозванца, который брачною записью женѣ своей *Маринѣ* уступилъ даже въ приданое Новогородское и Псковское Княжества со всѣми городами, Крѣпостями и жителями, предоставивъ ей въ случаѣ неимѣнія дѣтей управлять и распоряжать чрезъ своихъ Намѣстниковъ, дарить, продавать и покупать помѣстья независимо отъ Царя, заводить здѣсь Католицкіе Монастыри, Церкви и школы, опредѣлять Католицкихъ Епископовъ и прочее Духовенство и обращать народъ въ Римскую вѣру. Къ счастію низверженіе сего тиранна отвратило сію язву отъ Новагорода и Пскова. Но появленіе иныхъ многихъ по немъ самозванцовъ повергло Псковичей въ другое несчастіе. Одинъ изъ сихъ самозванцовъ, именуемый въ Лѣтописяхъ *Тушинскимъ*, разослалъ изъ Болхова по городамъ своимъ повѣренныхъ для соблазненія народа и для убѣжденія къ присягѣ ему. Таковые повѣренные двое, одинъ Стрѣлецкій Голова, а другой Сотникъ со Псковскими и Пригородскими Стрѣльцами принесли так-

же и во Псковъ увѣщательную граммату. Сіи пришлецы расхвалили народу самозванцову мудрость и милосердіе, и поколебали во Псковичахъ вѣрность къ Царю *Василью Ивановичу*, тѣмъ паче, что народъ тогда терпѣлъ со всѣхъ сторонъ притѣсненія и грабежи отъ своихъ Правителей и Бояръ. Но Псковскіе Начальники посадили въ тюрму обоихъ сихъ присланныхъ, Голову и Сотника съ нѣкоторыми другими, а Стрѣльцовъ развели по Пригородамъ и за Мирожу въ слободу. Къ тому же осенью 1607 года Царь *Василій Ивановичь* прислалъ во Псковскія темницы болѣе 800 измѣнниковъ, пойманныхъ въ Сѣверскихъ городахъ. Въ Декабрѣ отъ самозванца отпущено и еще нѣсколько Псковскихъ и Пригородскихъ Стрѣльцовъ, которые разошлись по своимъ Пригородамъ на Себежъ, на Опочку, Красной, Островъ и Изборскъ и распространили возмущеніе. Къ нимъ пристали многіе Боярскіе дѣти съ своими холопами и начали Пригорожанъ и волости приводить къ присягѣ самозванцу. Псковскій Намѣстникъ *Петръ Шереметьевъ* услышавъ о семъ, и собравъ ратныхъ людей и своихъ дворовыхъ съ Архіерейскими и Монастырскими крестьянами, послалъ было на измѣнниковъ сына своего *Бориса* Воеводою: но сей отрядъ едва ушелъ отъ нихъ обратно во Псковъ. Съ другой

стороны Новгородцы, узнавъ объ измѣнѣ во Псковскихъ Областяхъ, прислали уговаривать Псковичей, чтобы они съ ними соединились на измѣнниковъ, извѣщая притомъ, что они скоро призовутъ Шведовъ на помощь. Но сіе самое обѣщаніе призыва Шведовъ устрашило Псковичей, такъ, что вовсе отказались они отъ сей помощи и отъ союза съ Новгородцами: а Намѣстникъ *Шереметьевъ* съ Воеводами и Боярами Псковскими, понадѣясь больше воспользоваться замѣшательствомъ Россійскаго Престола, нежели защитою онаго, разобрали себѣ въ помѣстья лучшія Дворцовыя села. Въ тоже время Воевода *Ѳедоръ Плещѣевъ* съ Пригорожанами Псковскими, собравшись толпою изъ Ржева, начали приводить Псковскія Области къ присягѣ самозванцу, собирая повсюду кормы себѣ. Волостные крестьяне обратились съ прозбою о защитѣ къ *Шереметьеву*: но онъ самъ позволилъ имъ присягать и давать кормъ и подводы. Вслѣдъ за симъ измѣнившіе также Изборяне собравшись пришли на Псковъ и даже огнестрѣльнымъ оружіемъ сразились со Псковичами, предводительствуемыми Воеводою *Петромъ Бурцовымъ* на Ригиной горѣ: однакожъ были Псковичами разбиты. Въ помощь Изборянамъ уже послѣ бою подошли еще съ Выбута отъ *Плещѣева* бунтовщики, коихъ силѣ

не могли уже Псковичи противиться и ушли въ городъ. Тогда Намѣстникъ *Шереметьевъ* и Псковской Воевода *Иванъ Грамматинъ* предвидя, что и имъ отъ бунтовщиковъ не спастись, дабы отвлечь ихъ отъ Пскова, послали отрядъ своихъ войскъ внизъ по рѣкѣ Великой въ займища и на Кусву грабить селенія; самиже изъ Пскова вылазками хватали крестьянъ и мучили пытками, какъ измѣнниковъ, не памятуя того, что самъ Намѣстникъ имъ присягать позволилъ. Сверхъ того многихъ и изъ гражданъ началъ онъ заключать въ темницы, а Стрѣльцовъ хотѣлъ всѣхъ казнить; прочимъ же угрожалъ пришествіемъ Новгородцевъ и Шведовъ. Все сіе тѣмъ больше только возмущало народъ, который и слышать не хотѣлъ о впущеніи Шведовъ во Псковъ; а за призваніе ихъ негодовалъ и на самаго Царя *Василія Ивановича Шуйскаго*. Посему когда вскорѣ за тѣмъ отъ него присланы были на защиту Пскову и Иванугороду Донскіе Козаки, то лучшіе во Псковѣ люди отвращаясь ихъ, осмѣхали, ничѣмъ не содѣйствовали имъ и даже на городовые совѣты съ ними сами не ходили, но давали волю народу, Стрѣльцамъ и тѣмъ Козакамъ. Между тѣмъ неизвѣстно съ чего, а вѣроятно умысломъ и обманомъ *Плещѣева*, Сентября 1го 1608 года пронесся слухъ, что Шведы

уже на устьѣ рѣки Великой и просятся во Псковъ, а Стрѣльцы съ *Плещеевымъ* приступили уже къ городу. Тогда народъ раздѣлился на разныя мнѣнія. Духовенство и нѣкоторые граждане хотѣли быть въ осадѣ и отбиваться отъ самихъ Стрѣльцовъ: но прочіе не соглашались. Вѣсть о Шведахъ оказалась несправедливою, а Вмѣсто ихъ народъ тогоже вечера отворилъ Великія ворота *Плещѣеву* со Стрѣльцами; иные же вышедъ къ нимъ еще за городъ къ Алексѣевской Церкви, дали присягу самозванцу. На другой день Сентября 2 *Плещѣевъ* съ Боярскими дѣтьми всѣхъ Пригородовъ открыто во Псковѣ сами дали присягу самозванцу и выпустили изъ тюремъ болѣе 400 Сѣверскихъ Боярскихъ дѣтей и разночинцовъ, присланныхъ во Псковъ Царемъ *Шуйскимъ*, и съ ними пошли подъ Москву къ самозванцу; а напередъ послали съ однимъ Воеводою къ нему донесеніе о покорности. Послѣ сего шли во Псковъ Донскіе Козаки, бывшіе въ Иванѣгородѣ, а въ тоже время и изъ Новгорода посыльные Бояре и Козаки. Тѣ и другіе услышавъ, что Псковичи уже присягнули самозванцу, сами раздѣлились, на разныя стороны, и за 15 верстъ отъ Пскова въ Кляпахъ подравшись, половина пошла во Псковъ, а другая возвратилась въ Новгородъ. Вскорѣ за

тѣмъ самозванецъ прислалъ сюда своихъ Воеводъ, которые много собрали денегъ и набрали рекрутъ почти поголовно, тѣмъ удобнѣе, что Псковъ весь въ семъ году выгорѣлъ и чернь не имѣла почти пристанища, а многіе дѣти Боярскіе выѣхали въ Новгородъ. Пока все сіе происходило во Псковѣ, бывшій въ Новѣгородѣ Намѣстникъ *Михайло Васильевичь Шуйскій-Скопинъ*, сродникъ Царя, по его же повелѣнію 28 Февраля 1609 го. года заключилъ союзъ со Швеціею и выпросилъ 5000 вспомогательнаго Шведскаго войска, которое 30 Марта и пришло въ Новгородъ подъ предводительствомъ Генерала *Іакова Понтуса де-ла Гарди*. Съ симъ войскомъ Новгородцы и ушедшіе къ нимъ Псковичи и Козаки соединясь подъ предводительствомъ *Шуйскаго-Скопина* и *де-ла Гардія*, пришли подъ Псковъ, подступили сперва за Мирожею подъ слободу Стрѣльцовъ, но неодолѣвъ ихъ, выжгли Завеличье съ Церквями и отогнали много скота. Граждане жъ въ городѣ заперлись отъ нихъ. Духовенство и многіе дѣти Боярскіе въ сіе время усильно старались уговорить Псковичей къ соединенію съ Новгородцами: но ратные люди, Стрѣльцы, Козаки, чернь и поселяне стояли твердо въ своей присягѣ самозванцу и для Стрѣльцовъ отнимали даже у Бояръ коней, а женъ тѣхъ Бояръ, которые отъѣха-

ли къ Новгородцамъ, засадили подъ стражу, описали имѣніе ихъ, и не прежде выпустили ихъ, а коней отдали Боярамъ, какъ увидѣли уже, что Новгородцы отступили. Потому что Новгородскій Намѣстникъ Князь *Михайло Васильевичъ Шуйской-Скопинъ*, оставивъ ихъ пока въ покоѣ, пошелъ съ своимъ и Шведскимъ войскомъ очищать отъ Поляковъ и Литвы другіе города, и начавши со Старой Русы до Торопца, Торжка, Твери и Колязина, вездѣ побивалъ враговъ и пришелъ въ Москву; а оттуда вышедъ, продолжалъ опять свои поиски: но въ семъ походѣ самъ скончался. Смерть сего предводителя и раздоры самихъ Шведовъ остановили дальнѣйшій успѣхъ всего войска ихъ; а Генералъ *Понтусъ де-ла Гарди* пошолъ опять ко Пскову тихимъ образомъ. Псковичи вовсе не знали о движеніи семъ и Маія 28, когда встрѣчали они за городомъ Печерскую Икону Божія Матере, разъѣзжіе Псковскіе Козаки наѣхали на Шведовъ и Новгородцовъ уже верстъ за десять только до города. Но не въ силахъ будучи остановить ихъ, отстрѣливались только отъ нихъ и удалялись ко Пскову. Достигши до города, они сдѣлали по нихъ выстрѣлъ изъ пушекъ со стѣнъ и съ Великихъ воротъ, и по сему только грому Псковичи узнали о внезапномъ нашествіи Шведовъ. Ибо

хотя Козацкій Атаманъ и даваль о томъ заранѣе извѣстіе во Псковъ: но Духовенство, старшіе Чиновники и Боярскіе дѣти, желая впустить Новгородцевъ, утаили оное, и вѣстника посадили въ темницу; а Новгородцы со Шведами отшедши, стали пока на Любятовѣ, куда выбѣжали къ нимъ и нѣкоторые Духовные и граждане. Изъ нихъ однакожъ нѣкоторыхъ самозванцовы Воеводы поймавъ, жестокими пытками мучили какъ ихъ, такъ и оговорныхъ ими Бояръ, Священниковъ и другихъ людей. Между тѣмъ многія были за городомъ кровопролитныя сшибки съ Новгородцами и Шведами, а отъ нихъ Псковскимъ Волостямъ и Пригородамъ разореніе. Въ тоже время Шведы заняли города Ямбургъ и Копорье, куда Псковичи по прошенію тамошнихъ гражданъ отправили также три станицы Козаковъ, которые тамъ два года сражались съ ними. Во все сіе время сами Псковскіе граждане раздѣлясь на разныя мнѣнія, были въ сильномъ волненіи: а приверженцы самозванцевы и Стрѣльцы безпрестанно мучили противниковъ своихъ и многихъ заключали въ темницы. Августа 18 повели они казнить одного гражданина *Алексѣя Хозина*. Увидѣвъ сіе народъ, самъ бывшій прежде на ихъ сторонѣ, взволновался и выгналъ Стрѣльцовъ изъ города въ слободу ихъ

за Мирожу, а посаженныхъ въ темницахъ всѣхъ выпустилъ. Потомъ семь человѣкъ сообщниковъ Стрѣлецкихъ и многихъ изъ черни единомышленниковъ ихъ побили камнями, другихъ пытали, иныхъ били кнутьями по торгамъ, по человѣкамъ головы отсѣкли, и нѣсколько засадили въ темницу. Отъ сего многіе виновные и невиновные разбѣжалися по Пригородамъ и селамъ. Слѣдующаго Октября 1 числа 1610 года пришелъ еще изъ Новагорода съ Рускими и Шведскими войсками Князь *Иванъ Мещерскій*. Но они уже на Псковъ не нападали, а стоя въ полѣ на Пескахъ, вели только со Псковичами переговоры, въ которыхъ Духовенство и знатнѣйшіе граждане сильно наклоняли всѣхъ къ соединенію съ Новгородцами, но безуспѣшно. Послѣ сего Новгородцы отошли. Благомысленные по крайней мѣрѣ успѣли уговорить согражданъ, чтобы смутниковъ Козаковъ отпустить изо Пскова, а въ городъ не впускать и Стрѣльцовъ, которые укрѣпили уже острогомъ слободу свою за Мирожею. Въ концѣ Февраля пришло во Псковъ извѣстіе, что самозванецъ *Тушинскій* разбитъ. Духовенство, Бояре и купцы обрадовавшись, заперли городъ, вооружились, чѣмъ кто могъ, выѣхали на площадь, зазвонили въ Кремлѣ во всѣ Соборные колокола, отправили молеб-

ствіе за Царя *Василья Ивановича Шуйскаго* и другъ друга поздравляя, готовились учинить ему присягу и итти побить всѣхъ Стрѣльцовъ. Но мятежная часть черни бросилась на Запсковье, зазвонила въ колокола у Козмодаміановской Церкви, куда тотчасъ собралось множество людей. Бояре въ то время велѣли было стрѣлять съ Покровской башни отъ Полонища по Стрѣлецкой слободѣ за Мирожею: однакожъ увидѣвъ, что и Полонищане не допустили туда посланныхъ и съ башни согнали, обратились на народъ въ Запсковье; а Запсковляне выставили полковую пушку, направили оную на Звавницѣ по Рыбницкимъ воротамъ, бывшимъ на Псковѣ рѣкѣ къ площади, сбили замокъ у Взвозскихъ воротъ отъ рѣки Великой и послали въ слободу къ Стрѣльцамъ звать ихъ въ помощь на Запсковье. Бояре узнавъ о семъ, всячески старались мятежниковъ уговорить, чтобы Стрѣльцовъ не принимать въ городъ и соглашались сами съ Новгородцами не соединяться, а жить между собою по старому и зла никому не дѣлать. Но Запсковляне твердили, *что Стрѣльцы намъ не измѣнники; почто вы ихъ въ городъ не пущаете?* Между тѣмъ 5 человѣкъ Стрѣльцовъ, посланные изъ-за Мирожской слободы для развѣдыванія, появились уже на Заве-

личьѣ. Выѣхавшіе противъ нихъ во Власьевскія ворота конные дѣти Боярскіе убили одного Стрѣльца коннаго, а остальные побѣжали ко Взвозскимъ воротамъ. Тогда Бояре послали свою дружину на Полонище смотрѣть, чтобы Стрѣльцовъ не впустили въ городъ; но Полонищане посланныхъ отбили и Стрѣльцовъ впустили. За симъ Воевода съ дѣтьми Боярскими и Владычними и весьма многіе другіе граждане, человѣкъ триста, убоявшись возмущенія, выѣхали во Власьевскія ворота на Великую рѣку и побѣжали иные по берегу къ Снѣтной горѣ, иные въ Новгородъ, иные въ Печеры, а многіе по домамъ до времени укрылись. Народъ описалъ имѣніе только тѣхъ, кои уѣхали въ Новгородъ, а прочихъ оставилъ въ покоѣ. Въ слѣдующую весну возвратились подо Псковъ съ Новгородцами и Шведами Псковичи, ушедшіе къ нимъ туда и сдѣлали многія разоренія Псковскимъ Волостямъ, набѣгая изъ Порхова на деревни, уводя въ плѣнъ крестьянъ, отгоняя скотъ, потравляя нивы и пожни, и побивая выѣзжихъ Стрѣльцовъ и Козаковъ; а по рѣкѣ Наровѣ Шведы обложили тѣсною осадою Ивангородъ, гдѣ также много было Псковичей, и томили ихъ голодомъ. Граждане просили помощи у Пскова, но не получили по причинѣ собствен-

наго утѣсненія отъ непріятелей; а Ямбургъ и Копорье совершенно уже были заняты Шведами. Въ сей крайности Псковичи принужденными себя нашли звать на помощь Пскову, Ивангороду и другимъ сѣвернымъ городамъ Литовскихъ Воеводъ *Александра Лисовскаго* и *Андрея Просовецкаго*, пришедшихъ тогда къ Великимъ Лукамъ съ корпусомъ войскъ, которые по сему приглашенію прибывши во Псковъ, ходили подъ Ивангородъ и Ямбургъ, и Шведовъ отогнали.

Между тѣмъ по низложеніи Царя *Василья Ивановича Шуйскаго* Бояре Московскіе, вступившіе въ управленіе Государствомъ, общимъ совѣтомъ 17го Августа 1610 года избрали на Россійскій Престолъ *Владислава*, сына Польскаго Короля *Сигисмунда* III. которому въ Москвѣ, въ Новѣгородѣ и въ Торопцѣ дали уже и присягу, а Псковичамъ о томъ прислана была отъ Патріарха *Ермогена* и Московскихъ Бояръ грамма́та, чтобы они послѣдовали ихъ примѣру. Но Псковичи не согласились цѣловать Креста *Владиславу* и крѣпко стояли за *Тушинскаго* самозванца, не отрицаясь и союза съ Литовскими Воеводами, которые однакожъ не щадили самыхъ сихъ союзниковъ своихъ, и возвращаясь изъ-подъ Ивангорода мимо Пскова, сперва поссорились, потомъ кровопролитно по-

дрались между собою и корпусъ *Лисовскаго* съ Лифляндцами и Литвою отошелъ къ Острову, а *Просовецкаго* сталъ въ двадцати верстахъ отъ Пскова: но оба около четырехъ лѣтъ отрядами своими гнѣздились во Псковскихъ Пригородахъ и разоряли ихъ; а сообщникъ ихъ Воевода *Григорій Валцевъ*, набравъ Литвы и Рускихъ дѣтей Боярскихъ, въ самое Рождество Христово напалъ нечаянно на Великіе Луки и выжегъ, а людей множество перебилъ. Въ туже зиму 161г года Новгородцы со Шведами ходили на Печеры и ночью идучи мимо Пскова, выжгли Запсковье. Вскорѣ послѣ нихъ по Рождествѣ Христовѣ Воевода *Лисовскій* съ Литовскими и Лифляндскими войсками тайно подошелъ оврагами межъ горъ подъ Печеры, взялъ острогъ и торговыя лавки, награбилъ много богатства и набралъ плѣнныхъ, но Крѣпости взять не могъ, и пошелъ къ Изборску, гдѣ встрѣченъ былъ вышедшими для отбою его Псковскими ратными, и сразясь, но не одолѣвъ, поворотилъ на Островъ и Опочку; а остановясь на Воронечѣ, дѣлалъ набѣги на разныя Волости по Псковщинѣ. Послѣ него Марта 10 ночью во время звону къ утреннему пѣнію Литовскій отрядъ *Хотьковскаго* Воеводы нечаянно подступивши также къ Печерскому Монастырю; выбилъ ворота и около

3 часовъ занималъ всю Крѣпость и городъ. Псковичи услышавъ о томъ, послали туда въ защиту 300 вольныхъ людей съ 2 Атаманами; но уже поздо, и они тамъ не застали Поляковъ. За тѣмъ Марта 17 въ самое Вербное Воскресеніе пришелъ въ Печеры самъ *Хотьковскій* съ великою артиллеріею, стоялъ 5 недѣль и два дни; сдѣлалъ 7 приступовъ къ Крѣпости, разбилъ башни и стѣны, и награбивъ по окрестностямъ запасовъ, пошелъ подъ Москву къ *Литвѣ* своей. Къ сему нещастію Псковской Области присовокупилось и еще новое. Одинъ самозванецъ изъ Москвы, бывшій Яузскій Діаконъ именемъ *Исидоръ*, забѣжавшій въ Новгородъ, назвалъ себя *Димитріемъ* Царевичемъ; и поелику Новгородцы его не признали, то онъ Марта 23 прибѣжалъ въ Ивангородъ и обманувъ Ивангородцевъ, Гдовлянъ, Ямбургцевъ и Копорцевъ, набралъ себѣ великую толпу народнаго войска, завелъ переговоры о союзѣ со Шведскимъ Королемъ, хотя и безуспѣшно; а потомъ готовился итти подъ Псковъ. Устрашенные со всѣхъ сторонъ Псковичи тогда отправили въ Москву изъ всѣхъ Пригородовъ своихъ челобитчиковъ къ Князю *Димитрію Трубецкому* и *Ивану Заруцкому*, начальствовавшимъ Рускими войсками, и доносили, что *Лисовскій* съ Лифляндцами, а *Хотьковскій* съ Литовцами стоятъ

подъ Печорами; что Новгородцы со Шведами почти не выходятъ изъ Псковскихъ Волостей; что самозванецъ снаряжается на осаду Пскова; что многія напасти отвсюду сходятся, а помощи ни откуду нѣтъ. Но посланные привезли уже Іюля 4 изъ Москвы Псковичамъ одни только грамматы отъ Воеводъ *Прокопья Ляпунова* и *Ивана Заруцкаго*. А до того времени еще въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ Псковскіе Козаки вызвались итти будтобы на *Лисовскаго*, но ушли въ Ивангородъ къ самозванцу, который въ Іюнѣ послалъ ихъ напередъ ко Пскову, и они прибывши въ ожиданіи самаго его, заняли квартиру въ Снѣтогорскомъ Монастырѣ; а онъ Іюля 8 двинулся изъ Ивангорода со всѣми своими силами ко Псковскимъ Волостямъ и всюду отгонялъ скотъ. Іюля 16 пришелъ онъ подъ самый Псковъ, осадилъ его, взялъ и всѣхъ привелъ себѣ къ присягѣ. Въ тоже самое время Шведскій Генералъ *Понтусъ де-ла Гарди* намѣреваясь воспользоваться нещастіями, терзающими всю Россію, напалъ также непріятельски на Новгородъ и 12 Іюля тогожъ 1611 года занявъ городъ, предложилъ гражданамъ избрать себѣ на княженіе одного изъ Шведскихъ Принцевъ, дѣтей Короля *Карла* IX. Предложеніе сіе по неволѣ было принято и Новгородцы послали къ Шведъ-

скому Королю повѣренныхъ съ прозбою объ отпускѣ котораго-нибудь изъ двухъ сыновей его; а притомъ отправлены были по настоянію *де-ла Гардія* изъ Новгорода послы и въ Москву къ Боярамъ для соглашенія и ихъ къ принятію Шведскаго Принца. Но отсуду ничего рѣшительнаго не получено. Ибо Москва боролась еще съ Польскими и Литовскими войсками, уже занявшими ее. А въ Швецію Новгородскіе повѣренные пришли уже по кончинѣ Короля *Карла* IX, Престолъ коего наслѣдовалъ старшій сынъ его *Густавъ Адольфъ*. По сему оставалось Новгородцамъ принять къ себѣ меньшаго его брата *Карла Филипа*. Но исполненіе сего по разнымъ съ обѣихъ сторонъ обстоятельствамъ долго длилось. Между тѣмъ Шведскій Генералъ въ обезпеченіе своихъ договоровъ занялъ своими войсками всѣ сѣверные Новгородскіе и Псковскіе города, Кексголмъ, Тихвинъ, Копорье, Ямбургъ, Ивангородъ и Гдовъ и вездѣ посадилъ своихъ правителей съ войсками. Псковской самозванецъ, съ своей стороны ревнуя какъ бы о своихъ правахъ, послалъ съ Козачьимъ Атаманомъ *Герасимомъ Поповымъ* и съ другими въ Москву и подъ Троицкій Сергіевъ Монастырь къ стоявшимъ тамъ Рускимъ войскамъ грамматы съ объявленіемъ себя истиннымъ *Димитріемъ* Царевичемъ и

съ требованіемъ отъ всѣхъ присяги. Подъ Москвою бывшіе Воеводы и Козаки, не обдумавшись, или надѣясь и отъ сего самозванца какой нибудь помощи на Поляковъ, тотчасъ дали присягу и отправили къ нему отвѣтныхъ пословъ *Ивана Глазуна-Плещѣева* и *Казарина Бегичева*, которые прибывши во Псковъ провозгласили его истиннымъ Царевичемъ *Димитріемъ* и Государемъ Калужскимъ. Ибо тогда Калуга была гнѣздомъ *Тушинскаго* самозванца. Но измѣнившимъ Воеводамъ трудно было уговорить къ тому же Дворянъ, которые видя ихъ безразсудство, разбѣжались даже изъ Рускаго войска стоявшаго подъ Москвою: а въ Троицкомъ Монастырѣ Архимандритъ *Діонисій* и Келарь *Авраамій Палицынъ* граммату самозванцеву изорвали и въ присягѣ вовсе отказали. Не смотря на сіе самозванецъ услышавъ, что Шведы заняли Псковскіе сѣверные города, выступилъ Августа 23 съ войскомъ ко Гдову и Ивангороду и взялъ оные; но Польскимъ и Литовскимъ войскамъ оставилъ въ добычу всѣ южные Псковскіе города, изъ коихъ Красный городъ тогда же взятъ Воеводою *Лисовскимъ*. Можетъ быть сей Воевода сдѣлалъ бы больше, когда бы Лифляндцы, бывшіе въ его корпусѣ, не отошли отъ него и не возвратились за границу. Какъ скоро Шведы съ Новгородскими и Псковскими

дѣнѣми Боярскими узнали о выѣздѣ самозванца изъ Пскова, то пришли подъ оный Августа 31 въ числѣ 4500 человѣкъ своего и Рускаго войска подъ предводительствомъ *Евергарда Горна*, Шведскаго полководца, и осадили жителей. 8 Сентября 1612 года выбили они Взвозскіе на Великую рѣку ворота, но въ городъ не допущены. Простоявъ подъ Псковомъ всего 5 недѣль, они Октября 7 отошли подъ Гдовъ, гдѣ тогда находился самозванецъ. Въ сіе время изъ Москвы прибыли Воеводы *Никита Хвостовъ*, *Михайло Милославскій* и Псковскіе посыланные опять туда челобитчики съ граммамами отъ *Заруцкаго* и *Трубецкаго*, но также безъ всякой помощи. Декабря 4 прибѣжалъ изъ Гдова обратно во Псковъ и самозванецъ, прокравшися сквозь Шведское войско; а вскорѣ за нимъ пришолъ подъ Псковъ Литовскій Воевода *Лисовскій* и разорилъ Стрѣлецкую слободу за Мирожею: но города взять не могъ, вѣроятно потому, что не имѣлъ съ собою достаточнаго войска, надѣясь и малымъ одолѣть Псковичей; а въ тоже время сорокъ тысячь Литовцевъ стояли подъ Себежемъ. И такъ отступивъ, занялъ онъ только Пригородъ Заволочье. Апрѣля 11 пришелъ изъ Москвы ко Пскову съ Козаками для осмотру Воевода *Иванъ Плещѣевъ* и Маія 10 послалъ Козаковъ

подъ Порховъ для сторожи отъ Новгородцевъ, продолжавшихъ набѣгать на Псковскія Волости. Можетъ быть онъ принесъ вѣсть о сомнѣніи Московскихъ Бояръ и войскъ въ разсужденіи Псковскаго самозванца. Ибо за симъ вскорѣ сами Псковичи признавши свою ошибку, раскаялись въ данной самозванцу присягѣ; а онъ замѣтивъ перемѣну въ нихъ, 18 Маія со Псковскимъ Воеводою Княземъ *Иваномъ Ѳедоровичемъ Хованскимъ*, выбѣжалъ было изъ города; но 20 числа пойманъ и по приводѣ во Псковъ заключенъ подъ стражу; а 30 числа повезенъ въ Москву, гдѣ и казненъ. Сообщникижъ его разсажены по Псковскимъ тюрмамъ впредь до Указа.

Но тѣмъ не кончились бѣдствія Пскова: 8 Іюля подходили къ оному изъ Порхова Шведы съ Татарами; 22 того же мѣсяца приходили они опять съ *Никитою Вышеславцовымъ* и съ дѣтьми Боярскими; Іюля 3 идучи ко Гдову; въ третій разъ шли они мимо Пскова и 20 человѣкъ убили; а иныхъ въ полонъ поймали. Съ другой стороны *Лисовскій* переходя по Псковскимъ Пригородамъ и Волостямъ множество дѣлалъ разореній, отъ чего и хлѣбъ сдѣлался очень дорогъ: а бывшій тогда во Псковѣ Воевода *Никита Димитріевичь Вельяминовъ* подъ видомъ поисковъ надъ непріятелями, но въ самомъ дѣлѣ для корысти своей, разсылая раш-

ныхъ людей по дорогамъ, откуда хлѣбъ подвозили, затруднялъ только подвозъ онаго, и тѣмъ возвышалъ дороговизну. Ивангородъ отъ тѣсной осады Шведовъ былъ въ такой крайности по недостатку хлѣба, что граждане ѣли уже всякія кожи, и сколько ни просили помощи у Пскова и у Москвы, но не получивъ, принуждены были сдаться, такъ какъ и Ямбургцы и Копорцы. Всѣ сіи города хотя были Новогородскіе, но оберегаемы нѣсколько лѣтъ Псковичами въ смутныя времена. Оттуду Шведы съ Руским войсками опять приходили подо Псковъ и стояли за Великою рѣкою; а послѣ ихъ *Лисовскій* подошедши весною, стоялъ также цѣлую недѣлю. Наконецъ Себежскіе Козаки и Опоческіе разные люди собравшись во множествѣ, напали на него въ Заволочьѣ, разбили совершенно, много Литвы побили, взяли ихъ обозъ, сожгли городъ и поймавши Руских Боярскихъ дѣтей, сообщниковъ ихъ, прислали во Псковъ: а въ наступавшую осень 1613 года пришла вѣсть, что и Москва Октября 20 очищена отъ Литовцевъ. Но Шведы все еще держались въ Новѣгородѣ и другихъ сѣверныхъ городахъ. Генералъ *де-ла Гарди* правительствовалъ уже тамъ именемъ Шведскаго Принца, избраннаго Новогородцами и призываннаго на Новогородское княженіе; а ко Пскову писалъ непримиримую

вражду, и въ туже осень послалъ подъ Печоры отрядъ своихъ войскъ, которые тамъ 28 Октября побили въ оврагѣ многихъ Стрѣльцовъ Московскихъ и дѣтей Боярскихъ, и много зла посаду причинили. На весну Шведы заняли опять Гдовъ.

Пока все сіе происходило на сѣверѣ, освобожденная отъ Литвы Москва думала уже о избраніи на Всероссійскій Престолъ Царя, и Февраля 21 избрала Боярскаго сына, *Михайла Ѳедоровича Романова*, который того же 1613 года Іюня 13 на Вознесеніе Господне и вѣнчанъ былъ на Царство. Симъ ободрена была вся Россія при своихъ бѣдствіяхъ; а Шведскій Принцъ обманулся въ своемъ чаяніи быть не только Новогородскимъ Княземъ, но и Царемъ Россійскимъ, и не захотѣлъ уже ѣхать въ Новгородъ. Генералъ *де-ла Гарди* не чая также никакого вознагражденія отъ Новогородцевъ, началъ съ тѣхъ поръ поступать и съ ними какъ открытый непріятель; и хотя Царь послалъ было въ 1614 году корпусъ войскъ для изгнанія Шведовъ изъ Новогородскихъ Областей; но войска сіи только успѣли очистить Старую Русу, а подъ Бронницами разбиты ими; послѣ чего все по прежнему осталось во власти непріятельской. Тихвинцы сами собою покусились вооружиться и побили бывшій у нихъ Шведскій отрядъ;

но послѣ выдержали весьма тѣсную осаду отъ Шведовъ, совокупившихся уже съ Литовцами. А изъ Псковичей одинъ торговый человѣкъ *Ѳедоръ Федуловъ* лѣтомъ того же года собравши охотныхъ ратныхъ людей, нечаянно напалъ на Гдовъ и отнялъ его у Шведовъ, которые опять собравшися до 700 человѣкъ съ однимъ Князькомъ своимъ подступили было къ городу: но подоспедшія изъ Пскова свѣжія войска разбили ихъ и пушки отняли. Въ другой уже разъ Шведскій Генералъ *Евергардъ Горнъ* съ сильнѣйшимъ отрядомъ и артиллеріею подступивъ подъ Гдовъ, едва не весь городъ разрушилъ и взявъ, жителей выпустилъ. Не задолго предъ тѣмъ весною и Литовскій Воевода *Лисовскій* приходилъ опять ко Пскову; но уже не для войны, а для переговоровъ со Псковичами о мирѣ и заключилъ оный на томъ, чтобы между ими и Литвою, границею почитать Полотскъ, и ратнымъ людямъ границы не переходить. И такъ одни только Шведы оставались для Новогородцевъ и Псковичей непріятелями. А хотя и начаты были также съ ними переговоры о мирѣ, но крайне затруднительные. Между тѣмъ Псковскій Намѣстникъ Князь *Иванъ Хованскій* за согласіе свое съ самозванцемъ въ 1615 году былъ смѣненъ и отозванъ въ Москву; а за нимъ выведено

шуда же 300 семей Псковичей, признанныхъ въ томъ же виновными. На мѣсто его Маія 28 прибылъ Намѣстникомъ *Василій Петровичь Морозовъ*, съ двумя Воеводами *Ѳедоромъ Леонтьевичемъ Бутурлинымъ* и Княземъ *Аѳанасьемъ Ѳедоровичемъ Гагаринымъ*, но безъ вспомогательнаго войска.

XV.

НАШЕСТВІЕ ШВЕДСКАГО КОРОЛЯ ГУСТАВА АДОЛФА НА ПСКОВЪ.

Въ 1615 году Іюня 28 числа 300 человѣкъ отборныхъ Шведовъ изъ Гдова подъѣхали тайно для провѣдованія ко Пскову и отогнали было Псковскія стада. Псковичи однакожъ нагнавъ ихъ побили, и 40 человѣкъ живыхъ взяли. Но Іюля 30 въ Воскресенье рано на разсвѣтѣ изъ-за озера явился неожиданно Шведскій Король *Густавъ Адолфъ* съ 16 тысячами своихъ войскъ и Украинскихъ Черкасъ и занялъ Снѣтогорскій Монастырь, коего Монахи успѣли только при самомъ приближеніи его дать вѣсть Пскову, а сами вывезши туда же Иконы, книги и ризницу. Расположась тамъ главною квартирою, Король имѣлъ намѣреніе взятіемъ города сего заставить Царя *Михаила Ѳедоро-*

вица, заключить съ нимъ выгоднѣйшій для себя миръ и получить вознагражденіе. Псковичи узнавъ о семъ нашествіи, въ тотъ же день вышли противу Шведовъ и за городомъ дали жаркое сраженіе, въ которомъ изъ пищали прострѣленъ въ голову Шведскій Генералъ *Евергардъ Горнъ*. Послѣ сего заперлись они въ городѣ; а Шведы разоряли пока окрестности, забирали многихъ въ полонъ и пріуготовлялись къ осадѣ. Сперва хотѣли они взять городъ обманомъ, и въ одну ночь подослали свой отрядъ, который подшедши ко Взвозскимъ воротамъ, обманулъ стражу, назвавшись Рускими, бѣгущими отъ непріятеля, и въ тоже время прибивъ къ помянутымъ воротамъ начиненную порохомъ петарду, зажегъ оную, а вслѣдъ затѣмъ выломилъ ихъ. Въ проломъ сей устремилось нѣсколько человѣкъ по городу и добѣжали уже до улицы Званицы. Но стражи сдѣлали тревогу и стекшіеся граждане тотъ часъ выгнали вбѣжавшихъ непріятелей. Послѣ сей неудачи Король началъ открытый приступъ и 15 Августа приближась къ Варлаамскимъ воротамъ, подъ самыми стѣнами отправилъ по своему обряду Богомоленіе съ музыкою, началъ копать рвы вдоль и поперекъ по полю, ограждая ихъ плетнями, надолбами, желѣзными цѣпями, дворами и башнями;

устроилъ малыя и большія изъ дерну батареи числомъ до десяти, повелѣ многіе подкопы и навелъ два моста чрезъ Великую рѣку. Все сіе пріуготовивъ, на третій день открылъ онъ отъ Варлаамовскихъ воротъ, а изъ Завеличья отъ Ивановскаго Монастыря и отъ Ильинской Церкви, съ трехъ сторонъ вдоль и поперекъ по стѣнѣ и на Варлаамовскій уголъ стрѣльбу изъ 15 пушекъ, и продолжая оную съ разсвѣта до вечера, сбилъ наугольную башню до половины, а стѣну до земли. Сверхъ того бросилъ онъ въ городъ 700 бомбъ и безчисленное множество каленыхъ ядеръ. Такую стрѣльбу продолжалъ онъ еще и въ слѣдующіе дни, но ничего не успѣлъ. Наипаче старался онъ разбить ядрами Варлаамскую Церковь, изъ главы коей казалось войску его, сильная была и на нихъ стрѣльба, многихъ въ полкахъ ихъ храбрѣйшихъ побивавшая. Граждане съ своей стороны ежедневно также вылазками безпокоили ихъ, а усиливавшихся взойти на стѣны сталкивали копьями. Наконецъ 9 Октября Шведы сдѣлали самый сильнѣйшій приступъ отъ Варлаамской Церкви, продолжая стрѣльбу изъ Завеличья отъ Ильинской и Іоанно-предтечевской Церкви, и по Великой рѣкѣ съ плотовъ противу нижней рѣшетки Псковы рѣки; а въ проломы

стрѣляли ядрами на цѣпяхъ, дабы не выпускать за стѣны гражданъ. Такая осада продолжалась отъ восхожденія солнца до самаго позднаго вечера. Граждане отбивали ихъ со стѣнъ и ручнымъ оружіемъ, и кипячею сваренною съ каломъ водою, и бревнами, и стрѣльбою, и каменьями, и другими снарядами. Послѣ полудни Шведы взошли было уже на стѣну и занявъ угольную Варлаамовскую башню, затрубили въ трубы, ударили въ барабаны и пустили уже отряды свои въ городъ, дабы смутить гражданъ. Но они немедленно подложивъ пороху въ погребъ подъ башню, взорвали всѣхъ находившихся въ оной и разметали ихъ въ рѣку и по сторонамъ; а вошедшихъ уже въ городъ выгнали. Потомъ пользуясь замѣшательствомъ непріятелей сами вышли за стѣны, погнали ихъ въ поле, такъ что не успѣли увезти съ собою и артиллеріи своей до самой ночи. Во все сіе время продолжалось Богомоленіе отъ Духовенства въ паперти Варлаамской и въ Соборной Троицкой Церкви; а отъ Иконы Богородицы, принесенной изъ Завеличья съ другими многими въ Петропавловскую Церковь, по сказанію Псковской Лѣтописи, слышанъ былъ гласъ обѣщавшій защиту граду. Бывшіе плѣнными у Шведовъ и возвратившіеся сказывали, что они видѣли по полкамъ

Шведскимъ грозно разъѣзжающихъ и устрашающихъ непріятеля Благовѣрныхъ Князей *Гавріила* и *Тимоѳея*. Были и другія благочестивымъ людямъ въ городѣ явленія. Напослѣдокъ кромѣ многихъ гражданъ побіенныхъ на вылазкахъ и взятыхъ въ плѣнъ, вся осада сія для Шведовъ была безуспѣшна, хотя они съ начала и похвалились въ три часа, потомъ въ три дни взять городъ. Даже Церкви Варлаамовская и Троицкая Соборная, на которыя они направляли свои выстрѣлы, остались цѣлы. Между тѣмъ поелику наступала зима, непріятельскіе жъ ратники отъ недостатка пропитанія начали разбѣгаться и переходили уже къ осажденнымъ отъ голода; при томъ слухъ пронесся, что идутъ изъ Москвы къ городу вспомогательныя войска; то Король 17 Октября снялъ осаду и чрезъ десять дней удалился опять къ Нарвѣ въ Естляндскія свои Области, изъ коихъ вышелъ. Такимъ образомъ Псковичи безъ всякой помощи сами отразили непріятеля. Ибо хотя по прозбѣ ихъ чрезъ посыльныхъ въ Москву, посланы были заблаговременно къ нимъ отъ Царя Воеводы съ Козаками: но они во всю осаду простояли въ Опочкѣ и пришли уже по отступленіи Шведовъ. Псковская Лѣтопись говоритъ, что нѣкоторые охочіе Козаки Подмосковные, слыша объ осадѣ Пскова, са-

ми просились туда на помощь: но Бояре де, конечно боясь ихъ измѣны, заманили лучшихъ изъ нихъ въ Москву, а достальныхъ разогнали. Всѣхъ побіенныхъ въ сію осаду гражданъ своихъ Псковичи собравъ тѣла, съ честію погребли у Троицкаго Собора, и записали для поминовенія въ Церковный Синодикъ; а потомъ приносили во Псковъ Печерскую Икону Божія Матере для всеобщаго благодарственнаго моленія.

Симъ однакожъ не кончились еще умыслы отъ Шведовъ. Ибо въ слѣдующее лѣто 11 го Августа приплыли они опять къ устью Великой рѣки съ озера и поставили тамъ на горѣ Крѣпость близь Николаевской Церкви, въ намѣреніи безпокоить оттуду набѣгами Псковскія окрестности и препятствовать подвозу припасовъ ко Пскову. Но Псковичи слѣдующаго 10 Декабря 1616 года напавъ на сію Крѣпость въ расплохъ, взяли ее со всѣми орудіями, а засадныхъ Шведовъ выпустили. Наконецъ всѣ сіи опасности окончились заключеннымъ между Швеціею и Россіею въ Тихвинской деревнѣ Столбовѣ мирнымъ трактатомъ 27 Февраля 1617 года. Послѣ чего Шведы вышли изъ Новгорода, Порхова и прочихъ сѣверныхъ Новогородскихъ и Псковскихъ городовъ. Но имъ уступлена вся Ингрія съ Ивангородомъ, Ямбургомъ, Копорьемъ, и

Кексгольмомъ. А въ слѣдующую осень подъ Москвою постановлено и съ Польшею перемиріе на 14 лѣтъ, и Декабря 1 слѣдующаго 1619 г. утверждено мирнымъ трактатомъ съ уступкою имъ 12 городовъ Сѣверскихъ и Себежа изъ числа Псковскихъ. По трактату со Шведами Псковичи опять отдалены стали отъ приморскихъ пристаней; а Рускимъ купцамъ, находившимся въ уступленныхъ городахъ, положенъ срокъ выхода въ Россію съ тѣмъ, чтобы послѣ срока уже не принимать ихъ, а отдавать назадъ Шведамъ. Шведскимъ же подданнымъ и купцамъ дозволено содержать какъ во Псковѣ, такъ и въ другихъ Россійскихъ городахъ свои торговые дворы: но для Богослуженія не имѣть особой Церкви, а отправлять оное въ своихъ только домахъ. Шведы хотѣли еще присвоить себѣ Псковской городъ Гдовъ, который и послѣ заключенія мира долго удерживали, однакожъ въ 1622 году оный возвратили;

XVI.

ЦАРСТВОВАНІЕ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА.

Царствованіе *Михаила Ѳеодоровича* не было для Псковичей облегченіемъ. Выше уже показано, что въ 1615 году 300 семействъ изъ Пскова выведено было въ Москву. Въ 1618 году розданы были всѣ Дворцовыя Волости Псковскимъ, или лучше сказать Московскимъ во Псковѣ водворившимся Боярамъ въ помѣстье. А поелику Волости сіи до того времени содержали Государевы войска, присылавшіеся во Псковъ, то помѣщики отклонили отъ себя сію повинность и всю тягость оныя возложили уже на Монастырскія и Церковныя земли, съ коихъ опредѣлено было собирать всякой четверной снопъ на войско, а послѣ сбавлено, и назначенъ осмый только снопъ. Вмѣсто Намѣстниковъ Царскихъ присылаемы были для управленія Области сей уже Воеводы съ товарищами, а иногда Стольники Государевы съ полнымъ окладомъ изъ Псковскихъ же доходовъ земскихъ. Въ 1627 и 1628 году по новой перепискѣ и размежеваніи всѣхъ земель и положеніи на нихъ оброка отписаны на Государя многія Монастырскія вотчины и пустоши; а у народа отнято право свободы

наго винокуренія и у купцовъ торговля всякими другими винами, даже и Церковными; построены Государевы казенныя винокурни, заведены кабаки и отданы кружечнымъ откупщикамъ; уставлены кабацкіе *вѣрные* или *присяжные* Головы; возвышены цѣны на всѣ питья; положенъ откупъ даже квасникамъ, извощикамъ, дехтярникамъ, банщикамъ и площаднымъ подьячимъ, и съ года на годъ возвышаема была плата; а сельскимъ жителямъ не позволяемо было вывозить изъ города соли болѣе полупуда: но крестьяне Боярскихъ дѣтей вывозили сколько хотѣли. Въ 1629 году винные откупы во Псковѣ отданы уже были не Псковичамъ, а Москвичамъ, которые продавали стопу вина по 4 алтына и мѣру убавили; а потомъ и по Волостямъ Псковскимъ построены казенные кабаки, которые также отданы на откупъ. За всѣмъ симъ часто еще требовались отъ городовъ Государю якобы добровольные сборы и пожертвованія деньгами. Такимъ образомъ Псковичи въ 1632 г. собрали и послали послѣ Рождества Христова 3000 рублей. Въ томъ же году, при составленіи по всей Россіи служилыхъ списковъ Боярамъ и Боярскимъ дѣтямъ по числу ихъ крестьянъ и отчинныхъ земель, сколько кому слѣдуетъ на войну выставлять ратниковъ

и въ какомъ доспѣхѣ и оружіи, тоже учинено и во Псковѣ, а при раздѣленіи сихъ войскъ на *десятни* или полки по городамъ, уставлена была и Псковская *десятня* войскъ. Но дворяне вздумали облегчить себя въ сей повинности жестокими средствами, а именно: въ томъ же году пришли во Псковъ изъ Литвы отъ тамошняго утѣсненія, тяжкихъ податей и голоду многія семейства Рускихъ людей въ Литвѣ жившихъ. Псковскіе Воеводы начали отдавать ихъ Боярскимъ дѣтямъ въ крестьянство, и которые изъ нихъ не хотѣли итти въ кабалу, тѣхъ сажали въ темницы и они скованные ходили по городу для пропитанія милостынею. Также вышли тогда изъ уступленныхъ Шведамъ Рускихъ городовъ многіе Рускіе Псковскіе люди: но ихъ вовсе не приняли, а отослали назадъ Шведамъ. Народъ роптал на сіе видя, что иностранные купцы себѣ испрашивая въ Москвѣ торговыя грамматы, свободно селились во Псковѣ, получали дозволеніе заводить свои дворы, торговали всѣмъ невозбранно и имъ отведено было мѣсто на Сѣнной нивѣ для построенія гостиннаго двора. Тогдашній Архіепископъ Іоасафъ (послѣ бывшій Патріархъ) со Псковскими гражданами осмѣлился было представить Государю, что отъ иностранцевъ подрывается торговля

самихъ Псковичей, и просить о выводѣ ихъ: но прозба сія не уважена и за оную Архіепископу даже запрещено было Священнослуженіе. Въ 1633 году Монастырскія и Церковныя земли по Указу Государеву освобождены были отъ дачи осмаго снопа хлѣба въ Государевы житницы: но вмѣсто того по причинѣ возобновившейся съ Польскимъ Королемъ *Владиславомъ* войны, возложена была на Монастырскихъ и Церковныхъ крестьянъ дань съ жилаго и пустаго двора съ 589 чети деньгами 51 рубль и 18 алтынъ, а всего съ проторьми выходило до 60 рублей; и съ того же окладу конныхъ ратниковъ по два человѣка, изъ коихъ каждый обходился въ 70 рублей; въ слѣдующемъ году въ Февралѣ наложено было еще за подводы по 5 рублей. Всѣ сіи ратники того же 1633 года съ 4 Августа отправлены были къ Москвѣ, и оттуда подъ Вязму; другіе ходили къ Литовской границѣ трижды въ томъ же году, подъ городъ Освею, третьи были подъ Друею, и возвратились было во Псковъ Іюня 20; но немедленно опять посланы подъ Лужу, а возвратились уже Іюля 14. Въ слѣдующемъ Ноябрѣ Торопчане и Великолучане наряжены были подъ Невель, городъ Литовскій, а Опочане подъ Себежъ. Нужда въ пропитаніи, натужные походы, изнуреніе трудами

осѣнняя непогода погубили Псковскаго народа болѣе, нежели непріятель. Подъ Вязмою Монастырскіе ратники, невытерпѣвъ тягости, прибѣжали въ Новгородъ оттуда назадъ, но за нихъ набраны и посланы туда другіе. Между тѣмъ Поляки и Липовцы съ своей стороны проникли глубоко во Псковскую Область. Въ 1634 году они опустошили Вышегородскія Волости, Гриву и Качанову слободу, хотя Козаки и самихъ ихъ тамъ много побили; потомъ выжгли и высѣкли также Воронечь и Воронцово, посадъ подъ городомъ Островомъ и многія Волости во Ржевѣ; послѣ подходили подъ Печоры, въ коихъ также выжгли посадъ и ряды; а въ другой разъ подъ Опочкою подожгли посадъ; за симъ обратились на Великіе Луки и оттуда до Старой Русы. Царь *Михаилъ Теодоровичъ* опасаясь уже потери Пскова, еще въ Ноябрѣ того же года прислалъ Псковичамъ опасную Граммату, предписавъ имъ взять всѣ предосторожности. Почему разставлены были Козаки по Великой рѣкѣ до Колбежицъ и велѣно было крестьянамъ кормить ихъ; а Псковской Воевода *Димитрій Еѳимовичъ Воейковъ* со Стрѣльцами и Пригородскими ратниками вышелъ на границу къ Опочкѣ и Себежу, и хотя многихъ Липовцевъ ловилъ и билъ, но набѣговъ ихъ прекратить не могъ. Во

все сіе время Посадскіе и Улицкіе Старосты во Псковѣ каждую ночь безсмѣнно всѣ на стѣнахъ стояли съ оружіемъ, а днемъ очищали подъ стѣнами берегъ Великой рѣки отъ льду и весь городъ чинили; причемъ всѣ ворота были на заперти, а взъѣздъ въ городъ оставленъ былъ одинъ только Власьевскій. Не смотря на всѣ сіи мѣстныя тягости для Псковичей, въ Апрѣлѣ тогоже года присланы во Псковъ изъ Москвы купцы еще для собранія съ Посадскихъ на войско десятой деньги со всего имѣнія. Поселяне же всѣхъ Уѣздовъ, сверхъ рекрутъ, подводъ и содержанія войскъ пропитаніемъ, по Указу Государеву посылали еще подъ Смоленскъ людей съ лопатами и кирками. Послѣ столь отягготительной войны на конецъ 14 Іюля 1634 года заключенъ миръ съ Польшею и уступлены ей 16 городовъ, а въ числѣ ихъ и отъ Пскова три, Себежъ, Красной и Невель, и всѣ снаряды взятые Псковичами въ Освеи, да подводъ Псковскихъ для отвозу Польскихъ войскъ дано было 700. Въ 1636 году Псковичи почувствовали еще новое стѣсненіе въ торгахъ своихъ. Присланъ былъ изъ Москвы гость, или купецъ братъ на Государя весь ленъ по Указной цѣнѣ Московской, а самимъ Псковичамъ торговать онымъ запрещено. При семъ послѣдовавшее насильство, грабежи, плата худыми деньгами

гами корелками, и невольною цѣною крайне разстроили Псковское купечество.

XVII.

ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА И МЯТЕЖЪ ВО ПСКОВѢ.

Царствованіе *Алексѣя Михайловича* было нѣсколько отраднѣе для Псковичей. Сей Государь обезпечилъ ихъ границу и торговлю подтвержденіемъ въ 1646 году со Шведами Столбовскаго мира и отличилъ нѣкоторыми преимуществами Псковское Духовенство. Но Псковичи сами впали въ непростительную предъ нимъ вину, заразясь мятежемъ отъ Московскихъ и Новогородскихъ бунтовщиковъ, которые въ 1650 году разсѣяли слухъ, будтобы Царскій своякъ Бояринъ *Морозовъ* согласился съ иностранными купцами выпускать за границу деньги Россійскія и съѣстные припасы, отъ чего могли де оскудѣть Россіяне. Мятежъ сей, начавшійся еще въ Москвѣ, усмиренъ былъ тамъ самимъ Царемъ, а въ Новѣгородѣ Митрополитомъ *Никономъ*: но Псковичи гораздо далѣе простерли свою дерзость. Они видѣли сами, что одинъ купецъ ихъ, *Ѳедоръ Емельяновъ* со Шведскимъ повѣреннымъ *Леви-*

номъ Нуммерсомъ по препорученію Псковскаго Окольничаго *Пушкина* скупаетъ для Швеціи хлѣбъ, и 12 Іюля пришедши въ ярость, убили Окольничаго, 10 человѣкъ помѣщиковъ и многихъ богатыхъ людей, отняли у *Нуммерса* и хлѣбъ и везенныя имъ изъ Москвы деньги и обругали его; а увѣщававшаго ихъ Архіепископа своего *Левкія* засадили въ темницу. Въ то же самое время пришло во Псковъ изъ Польши письмо, писанное отъ появившагося тамъ новаго самозванца *лже-Димитрія*, который объявлялъ себя Псковичамъ единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ Россійскаго Престола, увѣщавалъ народъ упорно защищаться, и обѣщалъ самъ скоро прибыть къ нимъ съ сильнымъ войскомъ. Для бунтовщиковъ случай сей показался единственнымъ къ избѣжанію наказанія. Всѣ отреклись отъ повиновенія Царю и рѣшились предаться самозванцу: но другіе, усумнившіеся въ немъ, предлагали лучше предаться или Польскому, или Шведскому Королю, такъ какъ намѣрены были тоже сдѣлать и бунтовавшіе Новогородцы. Царь принужденъ былъ послать во Псковъ Боярина Князя *Ивана Никитича Хованскаго* съ нѣсколькими тысячами войскъ; а Псковичи не только заперлись отъ нихъ въ городѣ, но дѣлали вылазки на лагерь ихъ, били многихъ, отбивали

орудія и запасы, посылали даже и по уѣздамъ разгонщиковъ для грабежа идущихъ къ войску обозовъ. Царь назначилъ Воеводъ и въ Уѣзды для защиты отъ мятежниковъ и для подвозу припасовъ; при томъ не желая проливать крови, прислалъ къ нимъ съ Коломенскимъ Епископомъ *Рафаиломъ* и многими почетными Духовными особами свою и Патріаршую увѣщательную граммату, коими наконецъ преклонены они къ раскаянію и повиновенію и были прощены кромѣ зачинщиковъ: но Архіепископъ ихъ *Левкій* вызванъ въ Москву и неизвѣстно за что лишенъ Епархіи. А убитыхъ бунтовщиками повелѣно въ память потомству и въ укоризну мятежникамъ погребсти на площади, и надъ могилою ихъ поставить часовню, съ надписью именъ ихъ, которыя въ слѣдующемъ году Царскимъ Указомъ велѣно было записать по городамъ въ Синодики Соборные и Монастырскіе для всегдашняго поминовенія и совершенія памяти по нихъ ежегодно 18 Іюля. Часовня сія и надпись донынѣ существуютъ на площади.

Въ 1654 году по случаю непріязненныхъ намѣреній со стороны Польши Государь началъ готовиться къ войнѣ и разослалъ Бояръ для набору войскъ. Во Псковъ прислалъ онъ для сего въ Октябрѣ Окольничаго и Воеводу *Семена*

Лукьяновича Стрешнева. Но въ облегченіе подданныхъ своихъ, въ томъ же году отмѣнилъ онъ всѣ мѣлочные казенные сборы и ограничилъ нѣкоторыя важнѣйшія земскія подати. Ибо Царствованіе *Михаила Ѳеодоровича* стѣснило и отягощило всѣ внутренніе торги, промыслы, ремесла и купли откупами и пошлинами. Вездѣ по большимъ дорогамъ взыскиваемы были съ мостовыхъ, рѣчныхъ перевозовъ, съ прохожихъ людей, съ провозимыхъ харчей и всякихъ мѣлкихъ промысловъ многочисленные Государевы пошлины откупщиками. Подражая сему и помѣщики на своихъ земляхъ и проселочныхъ дорогахъ сами тоже дѣлали; а иные отдавали также на откупъ сіи пошлины даже съ излишкомъ предъ казенными сборами. Царь *Алексѣй Михайловичь* изданною 30 Апрѣля сего года *Уставною Грамматою* повелѣлъ уничтожить всѣ такіе сборы и откупы казенные и частные съ промышленниковъ и харчевыхъ подвозовъ и продажъ. Оставленъ только весьма умѣренный назначенный зборъ съ воскобоенъ, ледокольней, бань, соляныхъ и рыбныхъ промысловъ, перевозовъ и мостовъ: а преступникамъ сего Устава обѣщана смертная казнь.

Съ Маія мѣсяца тогоже года выступили со всѣхъ сторонъ Государевы войска въ Польшу; а Псковской отрядъ подъ Дисну, Друю, Озерище и Усвятъ,

которые оный и взялъ. Вслѣдъ за сею войною началась другая со Шведами отъ Лифляндіи по всей границѣ, и Россійскія войска доходили до Риги, которой однакожъ не взяли. Но въ слѣдующемъ 1656 году заключено съ обоими Государствами перемиріе. Въ 1659 году началась опять война съ Польшею, продолжавшаяся до 1667 года и на сей случай войско во Псковѣ обучали уже по Нѣмецкой дисциплинѣ; а въ 1661 году при заключеніи мира со Шве-цією постановленъ сверхъ того торговый договоръ, по коему Шведскимъ купцамъ позволено имѣть во Псковѣ открытую Церковь на своемъ дворѣ. Поелику же до сего времени Новогородцы и Псковичи продолжали еще сверхъ иностранныхъ и общихъ Россійскихъ денегъ торговать и своими собственными, то въ 1663 году Государь отмѣнилъ торги талерами, четвертями и Московскими мѣдными деньгами, указавъ торговать общими Россійскими серебряными, а собственные Новогородскіе и Псковскіе штемпели монетъ отобралъ въ Москву и упразднилъ у нихъ монетные дворы. Въ 1667 году при изданіи Таможенняго Устава Псковъ положенъ въ числѣ пограничныхъ Таможенныхъ городовъ, и тогда же учреждены для сбора пошлинъ Псковскія Таможни подъ Печерскимъ Монасты-

ремъ и на Желатскомъ острову и выбраны изъ гостей и лучшихъ торговыхъ людей Таможенные Головы и Цѣловальники, смѣнявшіеся по очереди. Но въ 1677 году повелѣно и со Псковскихъ купцовъ за привозные чужестранные товары брать въ Таможнѣ, какъ съ иностранцевъ, ефимками.

XVIII

ЦАРСТВОВАНІЕ ПРЕЕМНИКОВЪ АЛЕКСІЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Царствованіе преемниковъ Царя Алексія Михайловича до временъ Государя Петра I^го замѣчательно еще для Пскова въ 1678 году бывшею переписью не только дворовъ, но и душъ, и взятіемъ съ каждаго двора, кромѣ Духовныхъ, по рублю подати. Духовенство тогда просило снять съ ихъ вотчинъ рыболовныя, соляныя и другія торговыя пошлины по древнимъ Тарханнымъ грамматамъ: но не получило сей свободы. А какъ при вышеупомянутой переписи отъ присланныхъ изъ Москвы переписчиковъ производимы были многія притѣсненія; притомъ и по Таможеннымъ пропускамъ у откупщиковъ и купцовъ тогда открыты были многія злоупотребленія и въ продажахъ обмѣры, а

за все сіе произведены были строгія многимъ истязанія, то съ 18 Февраля 1679 года открылся ужасный во Псковѣ бунтъ и междоусобіе, продолжавшееся пять мѣсяцевъ съ половиною, такъ что никакою силою народа укротить было не возможно, и, по сказанію Лѣтописи, только чудомъ явившимся отъ Иконы Пресвятыя Богородицы въ Церкви Преподобнаго Сергія Радонежскаго, прекращено смятеніе. Послѣ сего учреждены были новыя мѣры въ торгахъ, продажахъ и отдачахъ; а старыя, какъ неудобныя, отмѣнены. Таможенныежъ сборы повелѣно съ 1681 года содержать уже на вѣрѣ съ Крестнымъ цѣлованіемъ, а за утаенные товары и цѣны слѣдовать строжайше, даже до пытки. Естьли же у кого найдется вино Церковное и другія питья и ладонъ поддѣланныя, то сверхъ отобранія всего сего въ казну, виновныхъ уставлено наказывать кнутомъ. Съ тѣхъ поръ торговля сдѣлалась нѣсколько совѣстнѣе; а въ 1686 году Апрѣля 26 заключенный съ Польшею вновь дружественный и торговый союзъ открылъ и Псковичамъ новый путь къ торгамъ.

Наконецъ со времени Царствованія Государя Петра I. наступила рѣшительная эпоха обезопасенія Псковской Области отъ сосѣдовъ, которые нѣсколько вѣковъ заставляли Псковичей

безпрестанно быть на стражѣ своихъ предѣловъ. Случай къ сему подала начавшаяся съ 1700 года война со Шведскимъ Королемъ Карломъ XII. Псковская Область, какъ пограничная къ Шведскимъ Провинціямъ, была также театромъ сей войны и до 1710 года участвовала во всѣхъ тягостяхъ оной содержаніемъ войска, крѣпостными работами, мостами, подвозомъ военныхъ снарядовъ и проч. Описаніе всѣхъ сихъ пожертвованій и военныхъ произшествій, бывшихъ на Псковскихъ границахъ, слишкомъ распространило бы сію Исторію. Но важнѣйшіе случаи сей пограничной войны означены въ сокращенной *Псковской Лѣтописи*, пріобщенной къ сей же Исторіи. Псковичи больше всего тогда потерпѣли отъ прекращенія вдругъ всѣхъ торговъ своихъ съ иностранцами по Финскому заливу. Правда въ замѣну того Указомъ 1700 года Іюля 2 позволено было имъ провозить товары свои къ Архангельскому порту. Но они мало воспользовались тѣмъ за дальностію. Государь за ихъ пожертвованія старался ихъ утѣшить съ самаго начала войны возвращеніемъ имъ нѣкоторыхъ правъ судебныхъ, позволивъ градскимъ Головамъ самимъ наказывать преступниковъ, а только для пытки и смертной казни отсылать къ Воеводѣ. Но едва кончились для нихъ

тягости сѣверной войны, то сильное моровое повѣтріе, открывшееся въ 1710 году, опустошило весь Псковъ, Изборскъ, Гдовъ и Порховъ; а въ слѣдующемъ 1711 году Ноября 8 случившійся во Псковѣ пожаръ истребилъ всѣ градскія зданія деревянныя, кромѣ Кремля и нѣсколькихъ дворовъ на Запсковьѣ у Варлаамской Церкви и посада на Завеличьѣ. Вмѣстѣ съ симъ открывшійся новый Петербургскій портъ, отвлекшій не только всѣхъ чужестранныхъ но и Рижскихъ, Ревельскихъ и Нарвскихъ торговцевъ къ оному данными имъ привиллегіями, почти отнялъ у Псковскихъ купцовъ и надежду къ поправленію себя. Правда въ 1718 году для особенной выгоды ихъ возстановленъ и Нарвскій портъ, въ который позволено имъ и Новогородцамъ свозить изъ своей Области ленъ, пеньку и юфть: но преимущественная изъ всей почти Россіи въ Петербургъ обращенная торговля сими же произведеніями ослабляла Нарвскую. Притомъ въ самой Нарвѣ достаточнѣйшіе изъ Новогородцевъ купцы отнимали у нихъ преимущество: а Рижскій портъ къ себѣ отвлекъ всѣ Двинскія произведенія.

Въ 1721 году Августа 30 заключенный со Швеціею миръ доставилъ выгоды вообще Россійской торговлѣ: а въ Нарву свозить Россійскіе товары пре-

доставлено единственно Псковичамъ для ихъ поправленія. Но не долго пользовались они симъ преимуществомъ, и въ 1728 году Указомъ отъ 21 Августа ограничено ихъ право, а дозволено имъ возить только Псковской и Великолуцкой Провинціи произведенія въ Нарву, Ревель и Ригу; перекупныхъ же изъ чужихъ рукъ товаровъ, особливо пеньки, льну, юфти и сала отправлять туда уже не велѣно, дабы не сдѣлать подрыва С. Петербургской торговлѣ. На сей конецъ во всѣхъ Псковскихъ городахъ и Пригородахъ учреждены городовыя для записки скупщиковъ Таможни, которыя давали на гербовой бумагѣ явочныя грамматы на покупную ихъ сумму и на купленный товаръ скупщикамъ за таможенною на черномъ воску ежемѣсячною печатью. Но такія обрядныя стѣсненія и особливо привязчивости Таможенныхъ приставниковъ были почти тоже, что совершенное запрещеніе. Правда изъ сего изключены были Сибирскіе, Персидскіе, Бухарскіе и другіе восточные и лавочные товары: но Псковскіе купцы рѣдкіе могли промышлять оными. Въ 1749 году Указомъ отъ 9 Ноября, для пресѣченія тайнаго провоза въ Россію изъ Лифляндіи, Естляндіи, также и отъ портовъ Риги, Ревеля, Аренсбурга и Дерпта иностранныхъ, а изъ Россіи туда Россійскихъ товаровъ, велѣно учредить

во Псковѣ главную Таможню: а въ 1751 году для сего повелѣно сдѣлать заставы между Псковомъ, Великими Луками, Торопцомъ и Смоленскомъ. Все сіе существовало до отдачи въ 1757 году всѣхъ Россійскихъ Таможенъ на откупъ. Такимъ образомъ съ начала XVIII. столѣтія примѣтно истощевали и торги и самое народонаселеніе Пскова и Области его, такъ что и самый духъ древней промышленности увялъ во Псковѣ.

XIX.

ПРЕОБРАЗОВАНІЕ ПСКОВСКАГО ПРАВЛЕНІЯ И ПРЕДѢЛОВЪ ОНАГО.

Между тѣмъ въ концѣ 1708 года, когда Государь Петръ I. раздѣлилъ Россію на 8 Губерній и 37 Провинцій, тогда Псковская Область, названная *Провинціею*, приписана была къ Ингерманландской, въ 1710 году С. Петербургскою названной Губерніи. Симъ учрежденіемъ перемѣнено и все прежнее Псковское правительство. Начальствующимъ положено быть Воеводѣ съ двумя товарищами, или Ассессорами, однимъ Секретаремъ и нѣсколькими Канцелярскими Чинами для Приказной Палаты и для площаднаго письма. Для купечества же уставлена Ратуша съ Бургомистрами, а съ 1719 года особенное

Магистратское Правленіе. Вся Псковская Провинція составлена была изъ 9ти городовъ Уѣздныхъ и 8 безуѣздныхъ или, такъ названныхъ, Пригородовъ. Уѣздные принадлежавшіе къ ней города были *Гдовъ*, *Изборскъ*, *Островъ*, *Опочка*, *посадъ Холмскій*, *Заволочье*, *Пусторжевъ* и *Кобыльскъ*; Пригороды приписные къ Острову *Вышегородъ*, *Вревъ*, *Выборъ*, *Дубковъ* съ *погостомъ Дубецкимъ*, *мѣстечко Володимирецъ*, а къ Опочкѣ, *Красное Городище*, *Велье* и *Воронечь*. Послѣдніе сіи уважены только по знатнымъ бывающимъ въ нихъ ярмаркамъ. Въ Уѣздныхъ городахъ управляли Комисары, а въ Пригородахъ Старосты и Сотскіе. Въ семъ состояніи Псковская Область находилась до временъ Императрицы Екатерины II.

Въ 1772 году Указомъ 16 Апрѣля и 18 Сентября, по переименованіи Псковской Провинціи Бѣлорусскою второю Губерніею, изданъ былъ штатъ оныя, и Указомъ 9 Октября того же года раздѣлена она была на 5 Провинцій, Псковскую, Великолуцкую, Витепскую, Полотскую и Двинскую, и въ каждой Провинціи опредѣленъ Воевода съ Товарищемъ, или Ассессоромъ, Секретаремъ и нѣсколькими Канцелярскими Чинами. Но Губернскимъ городомъ по средоточному тогдашнему положенію въ Губерніи назначенъ былъ городъ *Опочка*, въ коемъ

для сего и выстроены всѣ каменныя Присутственныя мѣста. Первымъ Губернаторомъ сей Губерніи опредѣленъ тогда Генералъ-Маіоръ *Кречетниковъ*, а Генералъ-Губернаторомъ Псковскимъ и Могилевскимъ Генералъ-Аншефъ Графъ *Чернышовъ*.

Въ 1776 г. Имяннымъ Указомъ 24 Августа повелѣно было даже переименовать Псковскую Губернію Полотскою и изъ вѣдомостей ея исключить Провинцію Псковскую и Великолуцкую. Но въ 1777 году по имянному Указу отъ 3 Августа Псковская Провинція преобразована по новому Учрежденію Губерній и Декабря 18 того же года открыто *Псковское Намѣстничество*. Съ сего времени *Псковъ* паки назначенъ быть Губернскимъ городомъ, а Губерніи положено состоять изъ десяти городовъ и Уѣздовъ, означенныхъ въ томъ имянномъ Указѣ т. е. изъ *Псковскаго*, *Островскаго*, *Опочецкаго*, *Пусторжевскаго* (переименованнаго *Новоржевскимъ*) *Великолуцкаго*, *Торопецкаго*, *Холмскаго*, *Порховскаго*, *Лугскаго* и *Гдовскаго*. Тѣмъ же Указомъ повелѣно, между старыми Уѣздами сдѣлать уравненіе отъ одного къ другому предписаннымъ по Учрежденію числомъ жителей; къ новымъ же двумъ Уѣздамъ, т. е. къ *Холмскому* приписать изъ *Великолуцкаго* и *Торопецкаго*, а къ *Лугскому* изъ *Гдовскаго*, *Порховскаго* и *Новгородскаго*

положенное Учрежденіемъ число душъ; *Холмской* посадъ переименовать городомъ на основаніи новыхъ городовъ Новгородской Губерніи, назвавъ оный городомъ *Холмомъ*. На рѣкѣ *Лугѣ* учредить новый городъ близь урочища, гдѣ рѣка Вревка въ *Лугу* впадаетъ, наименовавъ оный городомъ *Лугою*; а правленіе Пусторжевскаго Уѣзда, бывшее въ *Заволочьи*, перевести въ Оршанской станъ на рѣку Соретъ, яко въ средину Новоржевскаго Уѣзда, и на большую изъ Пскова въ Великіе Луки дорогу, гдѣ и учредить городъ подъ именованіемъ *Новоржева*: но въ 1781 году по имянному Указу отъ 11 Декабря *Лугскій* и *Гдовскій* Уѣзды присоединены къ С. Петербургской Губерніи; а въ 1782 году по Указу отъ 20 Іюня Псковской Уѣздъ раздѣленъ на два, и другимъ Уѣзднымъ городомъ въ ономъ учреждена слобода *Печоры*.

По вступленіи на Престолъ Государя Императора Павла I. въ 1797 году имяннымъ Указомъ отъ 1 Маія повелѣно Псковскую Губернію раздѣлить на шесть Уѣздовъ, *Псковской*, *Островской*, *Опочецкой*, *Великолуцкой*, *Торопецкой* и *Порховской*. Посему почти весь *Печерскій* Уѣздъ присоединенъ ко *Псковскому*, а часть малая къ *Островскому*; *Новоржевскій* частію къ *Островскому* и *Порховскому*, а частію къ *Великолуцкому*; *Холмскій* частію къ *Великолуц-*

кому, а частію къ *Торопецкому*. Но въ 1802 году оба послѣдніе города и Уѣзды опять учреждены по прежнему, а *Печеры* остались безуѣзднымъ городомъ. Въ 1823 году Указомъ 9 Августа Псковская Губернія причислена была къ Остзейскимъ Провинціямъ и того же числа Генерал-Адъютантъ Маркизъ Паулуччи, Лифляндскій, Эстляндскій и Курляндскій Генерал-Губернаторъ, опредѣленъ и Псковскимъ Генерал-Губернаторомъ: но Указомъ 1 Генваря 1830 г. Псковская Губернія отдѣлена опять отъ Остзейскихъ Провинцій подъ управленіе своего Гражданскаго Губернатора.

XX.

ОПОЛЧЕНІЯ ПСКОВИЧЕЙ И ПРОИЗШЕСТВІЯ ВЪ ДВѢ ПОСЛѢДНІЯ ВОЙНЫ СЪ ФРАНЦУЗАМИ.

При первой войнѣ съ Французами 1807 года Псковская Губернія по примѣру другихъ собирала свою Земскую Милицію и Псковское Дворянство въ слѣдующемъ году награждено за пожертвованія похвальною отъ Его Императорскаго Величества Грамматою. Но при второй 1812 года войнѣ всѣ сословія Псковской Губерніи сдѣлали еще болѣе пожертвованій, коихъ цѣна изчислена

всего до 16 милліоновъ рублей, сверхъ 4,320 человѣкъ ополченія, составленнаго изъ 8 Дружинъ по названію городовъ, и собраннаго по 6й ревизіи изъ Дворянскихъ помѣстій и прочихъ со ста по двѣ души. Начальникомъ онаго Дворянство избрало 24 Іюля Псковскаго Помѣщика Генералъ-Маіора и Кавалера *Николая Степановича Карамышева*. Но сіе ополченіе не выходило изъ границъ своей Губерніи, а оставалось въ оной для запаса. Между тѣмъ со стороны Витепска, Полотска и Риги непріятели угрожали уже нашествіемъ и Псковской Губерніи, а разъѣзды ихъ добѣгали уже отъ Себежа до самой Псковской границы. Въ сей чертѣ съ Россійской стороны находился командующимъ Регулярными и Земскими войсками Генералъ Лейтенантъ Графъ *Петръ Христіановичъ Витгейштейнъ* противу четырехъ Фельдмаршаловъ Французскихъ *Удинота*, *Магдональда*, *Гувіона Сент-Сира* и *Виктора*. Первый изъ нихъ съ сорокопятитысячнымъ корпусомъ отборнѣйшаго войска, называвшагося *Адскимъ Легіономъ*, напалъ на *Витгейштейна* 18 Іюля 1812 года подъ селеніемъ Клястицами, по дорогѣ отъ Полотска къ Себежу: но былъ разбитъ едва третіею долею Русскихъ войскъ въ сравненіи съ Французскими. Въ слѣдующіе два дни 19 и 20 Іюля продолжаемо было тоже по-

раженіе, и непріятелей убито до 10,000 а въ плѣнъ взято до 3,000 съ 25 офицерами и двумя орудіями. 29 Іюля *Удинотъ* опять вышелъ противъ *Витгейнштейна* при Мѣстечкѣ Кохановѣ и опять разбитъ. 5 и 6 Августа уже два непріятельскіе Фельдмаршала *Удинотъ* и *Сентъ-Сиръ* при Полотскѣ стали противу него; но оба опять были разбиты и сами съ Генераломъ ихъ *Дерца* ранены; однихъ Обер-Офицеровъ Баварскихъ убито и ранено 117, а нижнихъ чиновъ болѣе 5,000; въ плѣнъ взято до 3,000 и 15 батарейныхъ орудій. 10 Августа при Мѣстечкѣ Бѣломъ, Баварцы съ Генераломъ своимъ Графомъ *Вредомъ* побиты на голову, и потомъ продолжаемы были надъ непріятелемъ поиски по Уѣздамъ Полотскому и Городецкому. 8 Октября взятъ приступомъ Полотскъ послѣ двудневнаго, упорнѣйшаго сраженія и Фельдмарщалъ *Сентъ-Сиръ* вытѣсненъ за Двину. Отъ Полотска до Лепеля гнали уже безостановочно непріятеля, который оставлялъ и пушки и людей и обозы и потерялъ одними плѣнными около 100 Штабъ- и Оберъ-Офицеровъ, до 6,000 рядовыхъ, 9 пушекъ, 90 зарядныхъ ящиковъ и многочисленный обозъ Баварскаго корпуса. 19 Октября при селеніи Чашникахъ *Витгенштейнъ* разбилъ корпусъ Фелдмаршала *Виктора*. 26 Октября отрядъ его подъ на-

чальствомъ Генералъ-Маіора *Гарпе* взялъ съ бою Витепскъ и въ немъ два орудія и много запасовъ. 2 Ноября при деревнѣ Смольнѣ Витепской Губерніи вторично самъ *Витгенштейнъ* побилъ Фелдмаршала *Виктора* и разсѣялъ толпы непріятельскія по берегамъ рѣки *Дисны*, Ушачи, Улы и Бережевицы; а отдѣльный корпусъ его сблизился съ главною арміею Князя Смоленскаго, *Михайлы Ларіоновича Голенищева-Кутузова*. 15 Ноября разбилъ онъ въ третій разъ *Виктора* при Старомъ Борисовѣ; а 17 того же мѣсяца самаго *Наполеона* при переправѣ его у селенія Студенца чрезъ рѣку Березину. Къ 10 Декабря передовой отрядъ Витгенштейновъ былъ уже въ пограничномъ Прусскомъ городѣ Тильзитѣ.

Граждане Псковскіе, чувствуя въ полной мѣрѣ обязанность свою сему вождю за охраненіе и защищеніе предѣловъ Псковской Губерніи отъ впаденія непріятельскаго, приговорили общимъ совѣтомъ написать Икону Святаго Благовѣрнаго Князя Гавріила Псковскаго Чудотворца съ надписью: *Защитнику Пскова, Графу Петру Христіановичу Витгенштейну отъ купцовъ сего города Сентября 1. 1812 года.* По пріуготовленіи сей Иконы, писанной на кипарисѣ и въ сребряномъ позлащенномъ чеканномъ окладѣ, Сентября 1. случившагося въ Воскресенье, всѣ собрались въ общественную залу, изъ

коей Икону понесли въ Каѳедральный Псковскій Соборъ, гдѣ въ придѣлѣ Благовѣрнаго Князя *Гавріила* освятивъ ее по чиноположенію, поставили на ракѣ Чудотворцевой. За тѣмъ начата Литургія и при окончаніи оной предъ Молебномъ сказано Соборнымъ Протоіереемъ *Петромъ Вѣхновскимъ* трогательное слово, извлекшее слезы у слушателей. По совершеніи Молебствія съ колѣнопреклоненіемъ, Протоіерей вручилъ Икону съ просфорами двумъ избраннымъ изъ Общества Депутатамъ, купцамъ *Ивану Ивановичу Ефремову* и *Ивану Ивановичу Шарину* которые того же дня по полудни и выѣхали къ Графу *Витгенштейну*, находившемуся тогда въ мызѣ Соколищахъ, а прибыли 5 Сентября и немедленно явились. При семъ случаѣ купецъ *Шаринъ* говорилъ Графу сочиненную имъ самимъ въ простыхъ, но выразительныхъ словахъ рѣчь (*), которою Графъ чувствительно былъ тронутъ, и два дни угощалъ Депутатовъ съ отмѣнною ласкою, при всемъ Штабѣ сажая ихъ за столъ возлѣ себя. На принятіе отъ Пскова поднесенной Иконы съ выше-

(*) Рѣчь сію и письма Графа къ Псковичамъ, такъ какъ и Рескриптъ къ нему отъ Государя Императора и двѣ похвальныя Грамматы Императорскія, данныя Псковскому Дворянству и Купечеству, присовокуплены на концѣ сей первой части Исторіи.

упомянутою надписью, послалъ онъ просить Высочайшаго дозволенія, которое отъ 14 Сентября того же 1812 года ему прислано. А съ отпущенными 7 Сентября обратно во Псковъ Депутатами отправилъ онъ Псковскому Купечеству благодарственный отвѣтъ. Октября 7 Псковскіе граждане съ принесенною изъ Печерскаго Монастыря Чудотворною Иконою Богородицы сдѣлали около города Крестной ходъ и о томъ донесли Графу *Витгенштейну*, который въ отвѣтѣ своемъ отъ 16 Октября увѣдомилъ гражданъ, что онъ за Молитвами ихъ тогоже 7 числа подъ Полотскомъ разбивъ совершенно непріятеля, взялъ на другой день штурмомъ и Полотскъ. Въ Сентябрѣ слѣдующаго 1813 года Дворянство, Купечество, мѣщанство и прочія сословія Псковскія удостоились получить отъ Его Императорскаго Величества похвальныя Грамматы за ревность и пожертвованія для отраженія всеобщаго врага.

По окончаніи сей второй войны съ Французами, когда Графъ *Витгенштейнъ* въ 1814 году Сентября 12 прибылъ во Псковъ, то былъ встрѣченъ и угощенъ того же числа градскимъ обществомъ, а на другой день Дворянствомъ, и 16 числа провожденъ до Печеръ. При угощеніи городъ былъ освѣщаемъ и производилась пушечная пальба; а при отпускѣ обще-

ство съ благодарственнымъ письмомъ поднесло ему 2,500 рублей на раздачу воинамъ; Дворянство же намѣрено было поставить ему на площади памятникъ. Но самъ Графъ собравъ отъ Корпуса своего до 30,000 рублей добровольныхъ подаяній, назначилъ оныя на украшеніе Печерской Чудотворной Иконы Божія Матере, а остальныя на устроеніе въ Печерскомъ Монастырѣ Церкви, и въ ней памятника Генераламъ и Штабъ и Оберъ-Офицерамъ, падшимъ при защитѣ Псковской Губерніи подъ его начальствомъ съ надписаніемъ именъ всѣхъ ихъ. Церковь сія по утвержденному Его Императорскимъ Величествомъ плану нынѣ уже выстроена: но памятникъ еще не изготовленъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ

Къ 1й части Исторіи Княжества Псковскаго.

I.

Высочайшая Грамматa, пожалованная Псковскому Дворянству въ 1808 году.

Божіею поспѣшествующею Милостію,

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса Таврическаго, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій и Подольскій, Князь Естляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Самогитскій, Корелскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскія Земли, Черниговскій, Рязанскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, Вишенскій, Мстиславскій и всея Сѣверныя страны Повелитель, и Государь Иверскій, Карталинскія, Грузинскія и Кабардинскія Земли, Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ наслѣдный Государь и Обладатель, На-

слѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ Голштинскій, Стормарнскій, Дитмарсенскій и Олденбургскій, и Государь Еверскій, и прочая и прочая, и прочая,

Всѣмъ извѣстно, съ коликою ревностію и усердіемъ благородное Россійское Дворянство по возванію Нашему подвизалось въ образованіи Земскаго Войска. Знаменитые опыты единодушнаго его содѣйствія въ Лѣтописяхъ общественныхъ дѣяній всегда пребудутъ незабвенны, и къ чести Россійскаго имени вмѣстѣ съ памятію произшествій прейдутъ къ позднѣйшему потомству.

Въ семъ общемъ подвигѣ благородное Дворянство Псковской Губерніи не щадя ни трудовъ, ни жертвъ своего достоянія, ознаменовало себя отличнымъ соревнованіемъ ко благу общему.

Именемъ благодарнаго Отечества воздавъ въ свое время симъ достохвальнымъ побужденіямъ принадлежащую справедливость, признали мы за благо въ вящшее оной утвержденіе сею особенною нашею Грамматою изобразить благородному сословію Дворянства Псковской Губерніи свидѣтельство Нашей признательности и непремѣняемаго благоволенія.

Въ удостовѣреніе чего Мы сію Нашу Граммату рукою Нашею подписали и

Государственною Печатію утвердить повелѣли. Дана въ Санктпетербургѣ мѣсяца Декабря въ тридесять первый день, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяща восемь сотъ осьмое, Царствованіе же Нашего осьмое.

Подлинное подписано тако:

АЛЕКСАНДРЪ.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Графъ *Николай Румянцовъ.*

II.

РѢЧЬ,

Псковскимъ Депутатомъ, Купцомъ Иваномъ Шаринымъ говоренная Графу Витгенштейну 5 Сентября 1812 года въ Мызѣ Соколищахъ, въ его Квартирѣ, при собраніи Генералитета и прочихъ Армейскихъ Чиновниковъ.

Сіятельнѣйшій Графъ!

Милостивый Государь!

Удостойте принятія отъ Псковскаго Градскаго Общества малѣйшій даръ: но даръ сей оно приноситъ вамъ изъ глубины сердечныя съ воплемъ къ Царю Царей на Небо, и къ сему Угоднику Божіему, Благовѣрному Князю, Гавріилу Псковскому Чудотворцу, который молитвами своими охраняетъ Богомъ спасаемый градъ Псковъ и предѣлы онаго, а вамъ и всему Его Императорскаго Величества храброму во бранехъ воинству помогаетъ врага льстиваго поражать и изъ Земли Россіи съ безчестіемъ изгонять.

Сіятельнѣйшій Графъ! Вы своею неутомимою храбростію защищаете отъ алчныхъ враговъ путь ко граду Пскову, который вы же увѣрили, что онъ безопасенъ уже состоитъ; и вы же обезо-

пасили жителей въ ономъ и съ семействами въ своихъ домахъ благополучно пребывать. За сіе все граждане отъ мала и до велика съ чувствительностію взываютъ: Графъ Витгенштейнъ благодѣтель намъ! Онъ защитникъ намъ! Помози ему Господи! и продли его жизнь въ здравіи и благополучіи для охраненія насъ!

На сію рѣчь Графъ отвѣтствовалъ съ чувствительностію такъ: „Невидимо Божія сила помогаетъ намъ; увѣрьте ихъ, Богъ поможетъ, будутъ сохранены, будутъ благополучны и спокойны.„

III.

ПИСЬМО

Графа Витгенштейна Псковскимъ Гражданамъ.

Почтенное Общество Псковскаго Купечества! Препровожденный съ двумя Депутатами купцами сего города Гмъ Ефремовымъ и Гмъ Шаринымъ, хлѣбъ и Икону Святаго Благовѣрнаго и Великаго Князя Гавріила Псковскаго Чудотворца, принимаю я отъ сего почтеннаго Общества, какъ благословеніе любезнѣйшихъ, вѣрныхъ и ревностныхъ соотечественниковъ съ досподолжнымъ уваженіемъ къ сему неоцѣненному для меня дару; и съ

чувствомъ живѣйшія благодарности, которую приношу я отъ лица всѣхъ храбрыхъ воиновъ, ввѣренный мнѣ Корпусъ составляющихъ, кои были виновники одержанныхъ нами побѣдъ, надъ непріятелемъ.

Икона сія останется драгоцѣннымъ памятникомъ какъ мнѣ, такъ и потомству моему, подъ покровительствомъ которой и молитвами сего Угодника я надѣюсь, что Всевышній ниспошлетъ свое Благословеніе одолѣть кровожаждущаго и алчнаго врага нашего, очистить отъ его насилій весь край сей и сдѣлаться достойнѣе вашей лестной для меня признательности къ слабымъ моимъ заслугамъ, оказаннымъ дражайшему нашему Отечеству и городу Пскову; о чемъ я всеподданнѣйше представилъ вмѣстѣ съ симъ его Императорскому Величеству, съ испрошеніемъ Всемилостивѣйшаго позволенія принять оный Образъ, пребывая навсегда обязаннымъ и съ чувствомъ истинной благодарности къ Обществу Псковскаго Купечества,

Покорный Слуга,

Графъ Петръ Витгенштейнъ.

Въ лагерѣ при Мызѣ
Соколищахъ Сентября
6 дня 1812 года.

IV.

Графа Витгенштейна приказъ по корпусу.

Корпусная Квартира Сентября 6 дня 1812 года, Мыза Соколища.

Купечество города Пскова, движимое признательностію за спасеніе города ихъ и всей Губерніи отъ вторженія хищнаго и коварнаго врага, храбростію, неустрашимостію и искусствомъ Войскъ Его Отдѣльнаго Корпуса, коимъ его Сіятельство вмѣняетъ себѣ въ честь предводительствовать, чрезъ Депутатовъ своихъ представило его Сіятельству вчерашняго числа отъ города хлѣбъ и Икону Св. Благовѣрнаго и Великаго Князя Гавріила Псковскаго съ изъясненіемъ живѣйшей благодарности ихъ за таковое спасеніе и съ желаніемъ, чтобы Угодникъ сей предстательствомъ своимъ у Престола Всевышняго испросилъ благословеніе оружію нашему на дальнѣйшее пораженіе супостатовъ и спасеніе дражайшаго Отечества нашего, которое надмѣнные и алчные враги поработить мнили. Пріемля таковой даръ усердія ихъ въ истинной цѣнѣ его, Господинъ Корпусный Командиръ съ пріятнѣйшимъ удовольствіемъ извѣщаетъ о семъ храбрыхъ сослуживцевъ своихъ, относя къ

нимъ всё ему приписываемое и оставаясь въ совершеннѣйшей увѣренности, что каждый изъ воиновъ Корпуса его, защищая милую родину свою, подобно Св. Князю Гавріилу Псковскому, надписавшему на мечѣ своемъ, *чести моей ни кому не дамъ*, докажетъ и впредь, что честь, свобода, отечество и слава Августѣйшаго Монарха нашего дороже жизни и всего нашего достоянія.

У подлиннаго подписано: *Вѣрно*.

Старшій Адъютантъ Маіоръ Каховскій

V.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Всемилостивѣйшій Рескриптъ Графу Витгенштейну.

Графъ Петръ Христіановичь! поднесенный вамъ отъ Общества Псковскаго Купечества Образъ Гавріила Чудотворца съ надписью *Защитнику Пскова*, я не токмо принять вамъ позволяю, но и купцовъ изъявившихъ вамъ свою благодарность за сей поступокъ ихъ похваляю. Святый и Благовѣрный Князь Гавріилъ имѣетъ на мечѣ своемъ подпись: *чести моей никому не отдамъ*. Вы со ввѣреннымъ вамъ воинствомъ защищая Псковъ и отечество, оказали

себя ревностнымъ сему правилу Его послѣдователемъ; а потому не сомнѣваюсь, что бы сей Угодникъ Божій, видя образъ свой въ рукахъ вашихъ, не веселился духомъ и не осѣнялъ васъ свыше. Пребываю вамъ благосклонный.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано тако:

АЛЕКСАНДРЪ.

Полученъ 16 Октября 1812 года.

VI.

Увѣдомленіе отъ Графа Витгенштейна Псковскому Губернатору Князю Шаховскому.

Съ живѣйшимъ удовольствіемъ видѣлъ я изъ письма вашего отъ 8го сего Октября, что почтенные жители города Пскова, какъ истинные и ревностные сыны Отечества, горя усердіемъ ко благу онаго, 7го числа со всѣмъ Духовенствомъ ходили съ Иконами Крестнымъ ходомъ и молили всещедраго Создателя о дарованіи мнѣ милостивой еще помощи на одолѣніе общаго и алчнаго врага нашего. Почему долгомъ поставляю какъ вамъ, такъ и всѣмъ гражданамъ Пскова принесть чувствительнѣйшую за то благодарность отъ

лица всѣхъ войскъ мнѣ ввѣреннымъ, а притомъ увѣдомляю васъ съ тѣмъ, что бы вы и имъ всѣмъ сообщили, что молитвы ихъ Всевышнимъ услышаны, и я какъ чрезъ оныя, такъ и подъ покровительствомъ благословенія ихъ Иконы Святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Гавріила, Псковскаго Чудотворца, разбивъ совершенно непріятеля подъ Полоцкомъ, то самое 7 число ночью овладѣлъ штурмомъ симъ городомъ; потомъ перейдя за Двину гоню его авангардами моими къ городу Лепелю; а самъ съ корпусомъ нахожусь въ мѣстечкѣ Ушачь 43 версты отъ Полоцка, взявъ до сего времени въ плѣнъ до 50 Штабъ и Обер-Офицеровъ, въ томъ числѣ три Полковника, и около 3,000 нижнихъ чиновъ, 22 знамя всего Баварскаго корпуса, 9 пушекъ, до 70 артиллерійскихъ ящиковъ, наполненныхъ пушечными снарядами и большую часть обоза Баварцовъ отрѣзалъ отъ корпуса Маршала Гувіона Сенп-Сира, и съ помощію Божіею надѣюсь нанести имъ большой вредъ. Теперь сіи два непріятельскіе Корпусы разбиты такъ, что они уже не въ состояніи со мною драться безъ весьма большаго ихъ подкрѣпленія.

Мѣстечко Ушачи
Октября 1812 года.

VII.

ПИСЬМО

Псковскихъ гражданъ Графу Витгенштейну при провожаніи его изъ Пскова ему поданное.

Сіятельнѣйшій Графъ!

Вожделеннѣйшій нашъ посѣтитель (*)!

Нѣтъ словъ, нѣтъ израженій коими бы наслаждавшіеся лицезрѣніемъ твоимъ граждане довольно изъяснить могли радостныя свои ощущенія. Герой безсмертный! посѣщеніе защищеннаго мужествомъ твоимъ града, и примѣрное твое благочестіе пребудутъ незабвенны въ вѣчныя времена; а кротость, снисхожденіе и благосклонность къ гражданамъ, никогда не изгладятся изъ сердецъ нашихъ, сердецъ преисполненныхъ чувствованіями вѣчныя къ тебѣ благодарности.

Сіятельнѣйшій Графъ!

Какую можетъ принести вамъ благодарность за ту великую честь, которую вы оказали намъ хотя кратко-

(*) Графъ Витгенштейнъ прибылъ во Псковъ 12 Сентября 1814 г. и 14 числа былъ на балѣ у Гражданъ, 15 у Губернатора Князя Шаховскаго а 16 выѣхалъ къ Печорамъ; гдѣ также приготовленъ былъ ему фриштикъ.

временнымъ, но вѣчно незабвеннымъ во градѣ семъ пребываніемъ! что воздадимъ тебѣ, мужъ увѣнчанный лаврами и славою, за ту кротость, которую мы неизмѣнно зрѣли на непобѣдоносномъ челѣ твоемъ, за ту благость, съ коею ты принималъ насъ, за ту безпримѣрную ласковость, съ которою вы обращались съ нами?—Одно только благоговѣйное почтеніе, одну токмо безпредѣльную признательность, одну токмо пламенную любовь, преизбыточно наполняющую сердца наши, осмѣливаемся вмѣсто всякой благодарности изъявить предъ тобою. Но чтобъ засвидѣтельствовать оную какимъ либо, хотя малымъ внѣшнимъ знакомъ; то Псковское Купеческое и мѣщанское Общество отъ усердія и благодарныхъ чувствій составивъ сумму въ 2,500 рублей посвящаетъ оную въ пользу тѣхъ храбрыхъ воиновъ, которые сражаясь подъ предводительствомъ вашего Сіятельства за спасеніе наше и Отечества, за полученными ранами не могутъ уже служить оному.

Сіятельнѣйшій Графъ!

Просимъ и молимъ тебя, дабы сіе наше пожертвованіе приняли тѣ воины отъ руки безсмертнаго и обожаемаго ими своего Полководца. И въ заключеніе нашей сердечной къ вашему Сіятельству преданности имѣемъ щастіе быть во всю

жизнь нашу съ совершеннымъ высокопочитаніемъ.

Сіятельнѣйшій Графъ!
вожделѣннѣйшій посѣтитель!

Вашего Сіятельства

Отъ лица всего Псковскаго Купечества и мѣщанства всепокорнѣйшіе слуги.

На подлинномъ подписали: Градскій Глава *Семенъ Трубинской*, Бургомистръ *Илья Развозовъ* и Бургомистръ *Иванъ Шаринъ*.

VIII.

Высочайшая Граммата пожалованная Псковскому купечеству мѣщанству и прочимъ сословіямъ.

Божіею Милостію,

МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и прочая и прочая и прочая,

Объявляемъ всенародно.

Въ минувшее лѣто при вступленіи въ предѣлы Нашей Имперіи ополченнаго великими силами непріятеля и потомъ защитою Божіею, единодушіемъ народа и

храбростію войскъ нашихъ вспять опрокинутаго и съ потеряніемъ почти всего ополченія своего едва изъ оныхъ спасшагося, почтенное Псковское Купечество, такожъ мѣщанство и прочія сословія соревнуя благородному усердію Дворянъ, не пощадили ни крови, ни имуществъ своихъ для сокрушенія свирѣпствовавшаго въ сердцѣ Россіи врага. Знатныя и добровольныя ихъ для снабдѣнія и продовольствія войскъ нашихъ пожертвованія споспѣшествовали къ увѣнчанію Отечества безсмертною славою. Обращая съ признательностію вниманіе наше на столь единодушное усердіе всего Псковскаго Купечества и прочихъ сословій, мы жалуемъ имъ сію Нашу Царскую Граммату въ засвидѣтельствованіе заслугъ предъ Отечествомъ и постоянствомъ.

На подлинномъ подписано:

АЛЕКСАНДРЪ.

Главная квартира,
городъ Комотау
въ Богеміи, Сентября 14го 1813. г.

IX.

Высочайшая Граммата пожалованная Псковскому Дворянству.

Божіею Милостію,

МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій

и прочая, и прочая, и прочая,

Объявляемъ всенародно:

Въ прошедшемъ году, когда, Богу попускающу, злонамѣренный непріятель собравъ разнородныя и великія силы, вторгся въ наши предѣлы, и, Богу же милосердствующу о насъ, едва съ малыми остатками и бѣдственно и срамно могъ уйти изъ оныхъ, въ сіе незабвенное для Россіи время благородное Псковское Дворянство изъ первыхъ ярости и гнѣву лютаго врага предстоявшее, встрѣтило его съ свойственною Россіянамъ твердостію и мужествомъ; въ продолженіи же брани, отъ вступленія до изгнанія непріятеля, не преставало оно знатными и добровольными пожертвованіями споспѣшествовать къ истребленію врага, доставляя преслѣдовавшимъ его войскамъ нашимъ всякое пособіе и продовольствіе. Толь достохвальное усердіе и ревность всего Псков-

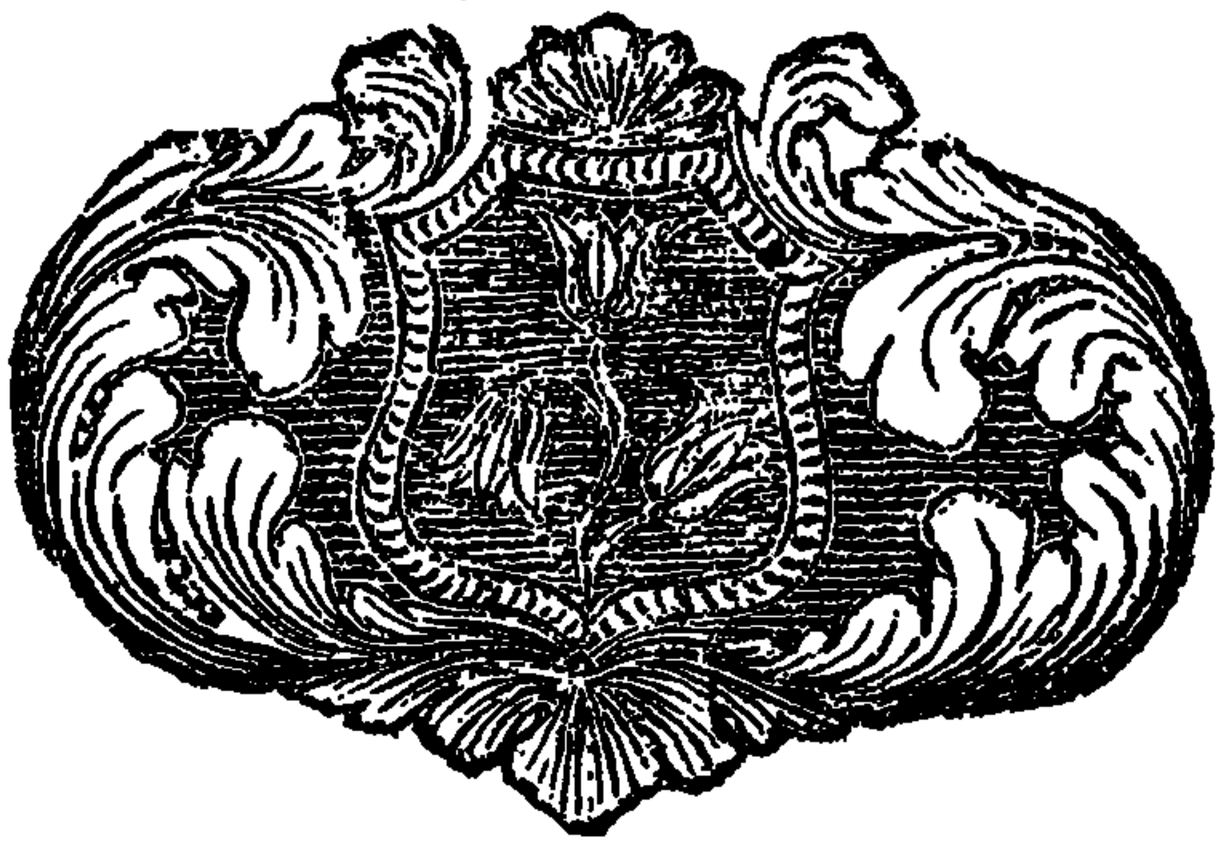
скаго Дворянства обращаютъ къ нему вниманіе и признательность Нашу, во изъявленіе которыхъ Мы жалуемъ ему сію Нашу Царскую Граммату для засвидѣтельствованія знаменитыхъ заслугъ его предъ Отечествомъ и потомствомъ.

Подлинное подписано тако:

АЛЕКСАНДРЪ.

Главная Квартира, городъ Комотау въ Богеміи, Сентября 24го 1813го года.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.



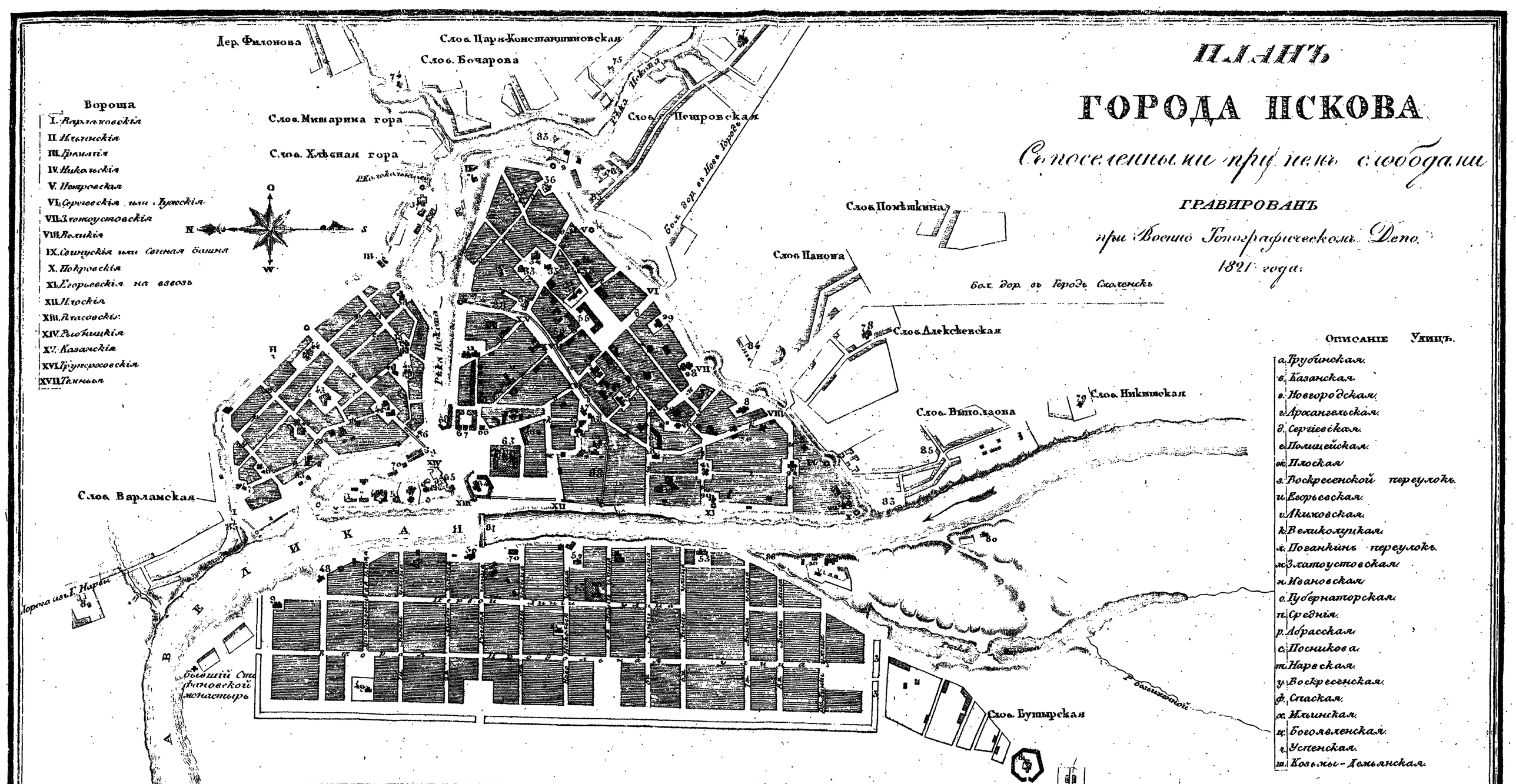
ПОГРѢШНОСТИ

ВЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано.*	*Читай.*
28	2	Короля	Великаго Князя
250	26	своимъ	своихъ

ПЛАНЪ
ГОРОДА ПСКОВА
С поселенными при немъ слободами

ГРАВИРОВАНЪ
при Военно Топографическомъ Депо
1821 года.


Дер. Филонова
Слоб. Царя-Константиновская
Слоб. Бочарова
Слоб. Мишарина гора
Слоб. Хлѣвная гора
Слоб. Петровская
Слоб. Помѣшкина
Слоб. Панова
Слоб. Алексѣевская
Слоб. Выползова
Слоб. Никитская
Слоб. Варламская
Слоб. Бутырская
Бол. дор. въ Новъ Городъ
Бол. дор. въ Городъ Смоленскъ
Р. Великая
Р. Псковка
Р. Пскова
Р. Черехи
Р. Мирожской
Р. Большой
Р. Малой
Р. Мостовой
Р. Плотной
Р. Ивановской
Р. Ивановской
Р. Ивановской